Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

The Library

of the

University of Wisconsin

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТИЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ

МАРКЪ АВРЕЛІЙ

НАЕДИНѢ СЪ СОБОЙ. РАЗМЫШЛЕНІЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Aurelius Antoninus, Emperor of Rome, 121-180.

МАРКЪ АВРЕЛІЙ

Naedinie s Soboi

НАЕДИНѢ СЪ СОБОЙ

РАЗМЫШЛЕНІЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО И ПРИМѢЧАНІЯ

С. РОГОВИНА

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ

С. КОТЛЯРЕВСКАГО

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1914

Digitized by Google

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Digitized by Google

X3ZY
.A97
.RR63

674214

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА*.

Предлагаемое русской читающей публикѣ, въ качествѣ очередного выпуска „Памятниковъ міровой литературы“, сочиненіе М. Аврелія было впервые издано въ Цюрихѣ (1558 г.) Guil. Xylandr'омъ подъ заголовкомъ: „*Μαρκου 'Αντωνινου Αὐτοκρατορος των εἰς ἑαυτον βιβλ. ιβ'.*“ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями. Изданіе это послужило образцомъ для послѣдующихъ изданій 1568, 1590, 1628 гг., при чемъ послѣднее вводитъ впервые дѣленіе книгъ на §§. И по сей день изданіе Ксиландра имѣетъ интересъ не только библіографической рѣдкости, такъ какъ списокъ (Палатинскій), съ котораго оно было сдѣлано, можетъ считаться утеряннымъ безвозвратно, а единственный сохранившійся списокъ, заключающій въ себѣ полностью твореніе императора (Ватиканскій; въ другихъ спискахъ только отрывки), находится, по свидѣтельству Stich'a, въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи (Est corruptissimus).

Новую эпоху въ исторіи текста открываетъ четырехтомное изданіе ученаго англичанина Thom. Gataker'a (Лондонъ, 1652 г.) съ новымъ латинскимъ переводомъ, который и понынѣ можетъ считаться во многихъ отношеніяхъ образцовымъ, обширнымъ комментаріемъ и многочисленными, по большей части весьма удач-

* Главнымъ источникомъ для настоящей замѣтки послужило „Praefatio“ Joh. Stich'a къ его изданію.

Digitized by Google

ными, конъектурами. Трудъ Гатакера переиздавался нѣсколько разъ, при чемъ въ 1704 г. былъ отчасти сокращенъ, отчасти же обогащенъ новыми примѣчаніями.

Изъ издателей болѣе близкаго къ намъ времени нужно указать на de Joly,* сдѣлавшаго попытку систематизировать разрозненныя мысли М. А. подъ рубриками: о провидѣніи, объ истинныхъ благахъ и т. д., Mat. Schùltz'a (1802, 1821 гг.), объединившаго въ своемъ трудѣ результаты, достигнутые прежними издателями и изслѣдователями, и Joh. Stich'a, которому принадлежитъ новѣйшее критическое изданіе нашего автора (Teubner).

Если сличить первое изданіе Ксиландра съ Ватиканскимъ спискомъ, то раньше всего должно броситься въ глаза, что дѣленіе на двѣнадцать книгъ, проведенное Ксиландромъ, въ Ватиканскомъ спискѣ, если и имѣется, то только въ зачаткѣ; такимъ образомъ вопросъ о томъ, насколько Ксиландръ опирался здѣсь на свой источникъ (утерянный Палатинскій списокъ) и насколько слѣдовалъ своему собственному критическому чутью, остается открытымъ **. Далѣе, титулъ (*Τῶν εἰς ἑαυτον* etc.), подъ которымъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе М. Аврелія Ксиландръ, а за нимъ и всѣ послѣдующіе издатели, въ Ватиканскомъ спискѣ вовсе отсутствуетъ, и долгое время, поэтому, оставалось подъ сомнѣніемъ право этого заголовка на подлинность, тѣмъ болѣе, что самъ Ксиландръ высказался по этому поводу довольно уклончиво, а въ другихъ спискахъ (неполныхъ) заголовокъ нѣсколько видоизмѣненъ (не *εἰς ἑαυτον*, а *καθ' ἑαυτον*). Однако впослѣдствіи Stich'у удалось

---

* „Pugillaria M. Anton. etc., restitura pro ratione argumentorum" (Paris. 1774).

** Что касается дѣленія на §§, впервые появившагося, какъ уже было указано, въ изданіи 1628 г., а потомъ значительно видоизмѣненнаго Gatak., то полнаго соотвѣтствія между изданіями и сохранившимися списками не наблюдается (такъ, напримѣръ, въ Ватиканскомъ спискѣ вся первая книга читается какъ одно цѣлое).

Digitized by Google

дважды констатировать въ одномъ изъ неполныхъ списковъ тотъ же титулъ, что и у Ксиландра, и, такимъ образомъ, его относительное право на существованіе можно считать установленнымъ.

Настоящій переводъ сдѣланъ съ послѣдняго критическаго изданія Joh. Stich'a. Переводъ древнихъ авторовъ вообще дѣло отвѣтственное и нелегкое, такъ какъ переводчику, волей-неволей, приходится лавировать между Сциллой буквализма, пренебрегающаго духомъ автора и литературной формой, и Харибдой свободнаго творчества, грозящаго перейти въ сочинительство, приходится дѣлать выборъ между разночтеніями, выборъ, который со стороны можетъ показаться и недостаточно обоснованнымъ; переводъ же нашего автора особенно затрудняется и состояніемъ текста, порождающимъ множество разночтеній, и самой манерой письма, отрывистой, обрывающейся на полуфразѣ, полумысли, не желающей знать точной, разъ навсегда установленной, терминологіи. При выполненіи своей задачи мы, въ качествѣ пособій, пользовались, кромѣ подлежащей литературы, латинскимъ переводомъ Gataker'a (по изд. 1704 г.), почти всѣми существующими нѣмецкими переводами, французскимъ переводомъ Michaut, двумя англійскими переводами (Long, Collier-Zimmern) и итальянскимъ (Ornato-Picchioni). Всѣ эти переводы въ общемъ вполнѣ корректны, чего, отнюдь, нельзя сказать о существующихъ русскихъ переводахъ (кн. Урусова и Краснова), ничего, кромѣ неуваженія къ тексту, не обнаруживающихъ.

Считаясь съ характеромъ настоящаго изданія, мы указываемъ въ примѣчаніяхъ лишь наиболѣе существенныя изъ нашихъ отступленій отъ текста Stich'a. Переводъ большинства стихотворныхъ цитатъ любезно взялъ на себя Вячеславъ Ивановъ, что каждый разъ оговорено въ примѣчаніяхъ.

С. М. Роговинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. ИМПЕРАТОРЪ МАРКЪ АВРЕЛІЙ.

БЮСТЪ. РИМЪ. КАПИТОЛІЙСКІЙ МУЗЕЙ.

Digitized by Google

2. ИМПЕРАТОРЪ МАРКЪ АВРЕЛІЙ.

СТАТУЯ. РИМЪ. КАПИТОЛІЙСКІЙ МУЗЕЙ.

Digitized by Google

МАРКЪ АВРЕЛІЙ.

Атмосфера глубокаго и подлиннаго трагизма окружаетъ образъ Марка Аврелія. Юлій Цезарь погибъ, когда то жизненное его дѣло, которому уготовано было торжество въ исторіи римской цивилизаціи, уже совершилось, и эта смерть не могла остановить ни внутренняго преобразованья республиканскаго строя, ни романизаціи европейскаго Запада; можно сказать, личная катастрофа лишь засвидѣтельствовала прочность закладываемаго зданія. Юліанъ провелъ жизнь въ безнадежной борьбѣ, защищая обреченный на гибель культурно-общественный укладъ: его царствованіе осталось какимъ-то мимолетнымъ недоразумѣньемъ, которое не ослабило и не задержало союза христіанства съ имперіей: здѣсь было лишь безсиліе угадать духъ времени, слабость воображенья, порабощеннаго прошлымъ—все то, что не отличаетъ Юліана среди ряда другихъ утопистовъ реакціи, если не обращать вниманія на его личное благородство и безкорыстіе.

Совершенно иначе сложилась историческая судьба Марка Аврелія. Въ цѣляхъ его государственной дѣятельности, какъ и въ самой его натурѣ не было ничего утопическаго. Онъ шелъ по тому широкому пути правового и моральнаго оздоровленья имперіи, на которомъ онъ имѣлъ предшественниковъ, подобныхъ Траяну, Адріану и Антонину: имъ завершился тотъ по истинѣ золотой вѣкъ римской имперіи, когда ея представители совмѣщали со старыми, унаслѣдованными отъ республики устоями новую универсальную культуру, символически выражающуюся въ словахъ: pax romana. Это была монархія, какъ нельзя болѣе

Digitized by Google

далекая—несмотря на внѣшнія формы—отъ азіатской деспотіи и едва ли не приближающаяся къ типу пожизненной стратегіи, описанной въ Политикѣ Аристотеля. Если вѣрить афоризму, что у всякаго народа есть правительство, котораго онъ заслуживаетъ, то населенію имперіи II вѣка нельзя отказать въ весьма высокой исторической оцѣнкѣ.

Но, какъ все это было непрочно. Маркъ Аврелій заканчивалъ, а не открывалъ блестящую главу изъ исторіи римской монархіи. Онъ получилъ власть изъ рукъ Антонина Пія, которому онъ посвятилъ столь прочувствованную характеристику въ своихъ Размышленіяхъ—и онъ долженъ былъ передать эту власть сыну Коммоду, духовный кругозоръ коего ограничивался циркомъ и удовольствіями въ уровень со вкусомъ конюховъ и кулачныхъ борцовъ. Господство философіи, за которое Маркъ Аврелій получилъ, впрочемъ, отъ позднѣйшихъ историковъ болѣе порицаній, чѣмъ похвалъ, уступаетъ мѣсто господству разнузданнаго насилія. Имперія входитъ въ полосу того хозяйственнаго и культурнаго кризиса, который отбросилъ ее къ болѣе элементарнымъ формамъ быта и подготовилъ средніе вѣка. Защита имперіи отъ напора съ Сѣвера и Востока, которую такъ обдуманно велъ Маркъ Аврелій, слѣдуя и здѣсь своимъ предшественникамъ—становится задачей все менѣе посильной для римскаго государства. Реформы Діоклетіана и Константина возстанавливали столь расшатанный государственный порядокъ, но какое разстояніе отдѣляетъ этотъ бюрократическій деспотизмъ отъ представленій о властителѣ, какъ служителѣ общаго блага—представленій, которыя мы найдемъ у Марка Аврелія. Его дѣло было разрушено, и не безъ основанья въ глазахъ Ренана день смерти Марка Аврелія является „рѣшительнымъ моментомъ, когда опредѣлена была гибель старой цивилизаціи“, которая казалась еще носила въ себѣ столько жизненныхъ силъ. Было что-то символическое въ самой семейной судьбѣ императора.

Digitized by Google

Но Маркъ Аврелій-императоръ былъ все же лишь случайностью, которая выпала на долю Марка Аврелія-мыслителя. Истинное содержаніе его духовной жизни, которое открывается въ „Размышленіяхъ", сосредоточивалось всегда вокругъ сущности и судьбы человѣческой души, ея отношеній къ космосу, къ божественному провидѣнью. И можно сказать, въ этихъ Размышленіяхъ преодолѣвается указанный выше историческій трагизмъ. Что значитъ жизнь имперіи, противопоставленная жизни космоса, что значатъ историческія заблужденія, ошибки, даже преступленья, если надъ всѣмъ господствуетъ необходимость, и эта необходимость есть въ то же время провидѣнье? Эти мысли не приводили ни къ равнодушію, ни къ бѣгству отъ обязанностей, но создавали перспективу, которая соединяла благороднаго римскаго императора со всѣми послѣдующими вѣками. Дѣло государственнаго строительства и государственной защиты было разрушено, но остался строй мысли, обращенный къ душѣ, міру и Богу, остался и окрыляющій эти мысли паѳосъ: имъ не грозитъ уничтоженье, ибо человѣчество никогда не разучится ихъ понимать. На нихъ лежитъ печать вѣчности, какъ она лежитъ на еврейскихъ пророкахъ, несмотря на политическую катастрофу, постигшую еврейскій народъ, на греческихъ трагиковъ, несмотря на гибель эллинскаго полиса.

Маркъ Анній Веръ, ставшій впослѣдствіи, послѣ того какъ Антонинъ усыновилъ его, Маркомъ Авреліемъ Антониномъ, родился въ 121 году. Его отецъ умеръ въ весьма юномъ возрастѣ, и главная забота о воспитаньи Марка пала на его дѣда Аннія Вера, который былъ дважды консуломъ и, повидимому, пользовался расположеньемъ императора Адріана, состоявшаго съ нимъ въ отдаленномъ родствѣ. Авторъ Размышленій былъ всегда проникнутъ чувствомъ благодарности къ людямъ, которымъ онъ счи-

Digitized by Google

талъ себя обязаннымъ, и насъ не можетъ удивлять, что первыя строки этихъ Размышленій посвящены его дѣду, отцу и матери. „Дѣду Веру я обязанъ уравновѣшенностью и незлобивостью; славѣ родителя и оставленной имъ по себѣ памяти—скромностью и мужественностью; матери—благочестіемъ, щедростью и воздержаніемъ не только отъ дурныхъ дѣлъ, но и отъ дурныхъ помысловъ, и сверхъ того простымъ образомъ жизни, далекимъ отъ всякой любви къ роскоши". Въ этой семейной средѣ получилъ Маркъ Аврелій и первыя представленья объ обязанностяхъ правителя, о правѣ и свободѣ гражданъ; онъ вспоминаетъ о братѣ Северѣ, который познакомилъ его съ жизнью Тразея, Гельвидія, Катона, Діона и Брута и далъ ему идеалъ государства, съ равнымъ для всѣхъ закономъ, и идеалъ царя, заботливо хранящаго свободу подвластныхъ. Республиканскія традиціи были живы въ этой семьѣ, не смотря на ея близость къ престолу Цезарей. Но въ еще большей степени Маркъ Аврелій чувствовалъ подобную благодарность къ своимъ учителямъ. Важнѣе всего—личное вліяніе и общеніе съ учителемъ: оно гораздо болѣе достижимо при семейномъ воспитаньи, чѣмъ въ школѣ, и Маркъ Аврелій считалъ себя счастливымъ, что въ дѣтствѣ и юности онъ не посѣщалъ школъ, а пользовался уроками учителей дома (I, 4). Онъ получилъ обычное грамматическое и риторическое образованіе, которое дало ему и хорошее знакомство съ греческой литературой, сказывающееся и въ Размышленіяхъ — съ Гомеромъ, быть можетъ, Гезіодомъ (XI, 32), Софокломъ (XI, 6), Эврипидомъ, Аристофаномъ (VII, 38 etc). Безъ сомнѣнія эти уроки оказали вліяніе и на его стиль, отмѣченный глубокимъ чувствомъ мѣры: какъ мало расточителенъ онъ на метафоры и образы и какой содержательной, выразительной оболочкой мысли служитъ этотъ стиль. „Разстаться съ жизнью такъ же легко, какъ легко падаетъ созрѣвшая олива, благословляя природу, которая ее породила, и благодаря дерево, которое ее произвело" (IV, 48). „Люди уби-

Digitized by Google

ваютъ, рвутъ на части, преслѣдуютъ проклятіями. Но чѣмъ это можетъ помѣшать мысли остаться чистой, разсудительной, благоразумной, справедливой? Такъ, если кто-нибудь, подойдя къ прозрачному и свѣжему роднику станетъ изрыгать на него хулу,— родникъ все же не перестанетъ бить ключемъ питьевой воды. И пусть онъ даже броситъ въ него грязью или навозомъ, родникъ очень скоро все это разсѣетъ, смоетъ и не замутится. Когда же ты будешь обладать этимъ вѣчно текущимъ источникомъ?" (VIII, 51). Насколько увлекался самъ Маркъ Аврелій въ своей юности уроками риторики, можно видѣть изъ его писемъ къ Фронтону, который, впрочемъ, имѣлъ огорченье видѣть, какъ у его питомца это увлеченье уступило мѣсто болѣе глубокой страсти—къ философіи. Впослѣдствіи онъ считалъ возможнымъ даже благодарить боговъ, что не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ риторикѣ и поэтикѣ, которыя могли бы полонить его вниманье и силы и отвлечь отъ философіи.

Читая прославленья философіи у М. Аврелія, мы всегда должны помнить, какое мѣсто она занимала въ культурномъ обиходѣ римской имперіи. Она должна была какъ бы замѣнить ту „древнюю доблесть", которая считалась достояніемъ исконнаго нравственнаго уклада, но которая, по общему признанью, могла сохраниться лишь при безвозвратно утраченной простотѣ и элементарности жизни. Философіи предназначалось руководство нравственной жизнью отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества; съ другой стороны она выполняла какъ бы функціи религіи, сама отдѣляясь отъ послѣдней все менѣе и менѣе явственной чертой. Поскольку религія продолжала охранять и освящать данный государственный порядокъ, она сосредоточивалась въ культѣ императоровъ—здѣсь рядомъ съ личнымъ облаготвореніемъ, имѣвшимъ столько образцовъ въ греческомъ мірѣ, содержался апоѳеозъ государства. За предѣломъ этого политическаго исповѣданья оставалась область возрастающаго религіознаго синкретизма: греко-

Digitized by Google

римскій пантеонъ постоянно заслонялся восточными образами, и культъ населенія имперіи, начиная съ Рима, какъ нельзя болѣе отражалъ ея этнографическую и культурную пестроту.

Вмѣсто національныхъ религій, имѣвшихъ строгую обособленность, образуется космополитическая религіозная среда, среди которой такъ легко создается представленье, что разнообразныя имена и образы боговъ, своеобразные ихъ культы суть лишь внѣшнія оболочки, скрывающія единую истину. „Фригійцы,—говоритъ въ „Золотомъ ослѣ“ Апулея своему поклоннику Изида—древнѣйшіе изо всѣхъ народовъ, называютъ меня матерью боговъ и Пессинунтскою богиней, аѳиняне—кекропской Минервой, жители острова Кипра—паѳосской Венерой, критяне, искусные въ метаньи стрѣлъ—Діаной охотницей, сицилійцы, говорящіе тремя языками, именуютъ меня стикской Прозерпиной; элевзинскіе жители—древней богиней Церерой; иные называютъ меня Юноной, другіе Беллоной, иные Гекатой, другіе Немезидой; но эѳіопы, озаряемые всегда первыми лучами восходящаго солнца, и египтяне, самые древніе и самые мудрые изъ людей, почитаютъ меня точнымъ и собственнымъ моимъ именемъ, то есть богиней Изидой, и только, они истинно и праведно служатъ мнѣ передъ алтарями“. Тамъ, гдѣ религіозный образъ не берется въ его непосредственномъ видѣ, тамъ открывается путь для символическаго истолкованія, какъ это мы видимъ въ исторіи всѣхъ религій, и въ такомъ истолкованьи всегда есть и элементъ философскій. Уже ранній стоицизмъ Зенона, Клеанѳа и Хризиппа широко примѣнялъ методъ аллегорическаго объясненія миѳовъ, при чемъ Кроносъ и Рея оказывались временемъ и матеріей, Гефестъ — огнемъ, Аполлонъ и Артемида солнцемъ и луной и т. п. Но чѣмъ больше въ стоической философіи моральные интересы получали преобладаніе, тѣмъ менѣе уже можно было довольствоваться чисто натуралистическими истолкованьями. У Сенеки, Музонія и особенно у Эпиктета мы уже видимъ прежде всего стремленье раскрыть внутренній нравственный смыслъ рели-

Digitized by Google

гіи: и самая стоическая доктрина принимаетъ извѣстный религіозный характеръ. Гастонъ Буасье въ своей монографіи о римской религіи изображаетъ рѣзкій контрастъ между римскимъ обществомъ конца республики, полномъ равнодушія и скептицизма, для которыхъ лучшимъ историческимъ свидѣтельствомъ являются письма Цицерона, и обществомъ временъ Антониновъ съ глубокимъ тяготѣньемъ къ религіи, культу, положительный вѣрѣ. Стоическая философія преобразовывается въ соотвѣтствіи съ этими потребностями. Позже и она оказывается слишкомъ интеллектуалистичной, слишкомъ много предоставляющей логическому разуму; ея мѣсто займетъ неоплатонизмъ съ его возвеличеньемъ мистическаго экстаза; но во дни юности Марка Аврелія въ образованныхъ кругахъ голосъ стоической философіи, какъ религіозно-моральной законодательницы, звучалъ еще громко и авторитетно, и ея не могли дискредитировать ѣдкія насмѣшки въ лукіановскомъ стилѣ. Употребляя выраженіе, столь обычное въ католической церкви, можно сказать, что стоицизмъ притязалъ на „попеченье о душахъ“ (cura animarum), и эти притязанья признавались законными. Философъ обращался въ проповѣдника; проповѣдникъ не довольствовался ролью популярнаго ритора, и стремился быть реформаторомъ нравственности. Стоя у изголовія умирающаго, провожая осужденнаго на казнь, онъ умѣлъ разгонять страхъ смерти, давать душѣ миръ и утѣшенье; онъ же умѣлъ проникать въ дома высшей аристократіи, во дворцы цезаря, бралъ въ свои руки воспитанье его дѣтей, какъ это впослѣдствіи съ такимъ несравненнымъ искусствомъ научились дѣлать іезуиты. Можно было-бы говорить о своеобразномъ идесеѣ стоической теократіи, какъ духовнаго правленья обществомъ—что иное стояло въ центрѣ заботъ Григорія VII и Инокентія III?—если-бы не чувствовались искусственность и парадоксальность въ употребленьи слова теократія тамъ, гдѣ нѣтъ церкви и нѣтъ опредѣленнаго исповѣданія. Насколько широко могло въ эту эпоху осуществляться вліяніе стоицизма,

Digitized by Google

лучше всего показываютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о такихъ его народныхъ учителяхъ и проповѣдникахъ, какъ Демонаксъ и Діонъ Хризостомъ.

Эта религіозно-нравственная сторона стоицизма оставила наиболѣе сильное впечатлѣніе на Марка Аврелія. Онъ узналъ ее въ особенности отъ Юнія Рустика, которому онъ выражалъ признательность въ своихъ Размышленіяхъ (I, 7) за то, что не увлекся теоретическими спекуляціями и за знакомство съ Эпиктетомъ. Въ этомъ смыслѣ Маркъ Аврелій является весьма яркимъ представителемъ позднѣйшаго стоицизма, для котораго физика и логика совсѣмъ заслоняются этикой. Онъ готовъ благодарить боговъ за то, что ни погрузился ни въ силлогизмы, ни въ изслѣдованія небесныхъ явленій (*ἢ συλλογισμοὺς ἀναλύειν ἢ περὶ τὰ μετεωρολογικὰ καταγίνεσθαι*) Правда онъ въ то же время совѣтуетъ постоянно примѣнять ученія не только этики но и физики и логики (VIII, 13—*φυσιολογεῖν*, *παθολογεῖν*, *διαλεκτικεύεσθαι*), но едва ли самъ слѣдовалъ данному совѣту. Не видимъ мы у Марка Аврелія интереса къ положительной науки: онъ не знаетъ того, что могъ бы знать современникъ Птоломея и Галена. Но здѣсь уже сказалась одна изъ самыхъ роковыхъ чертъ въ исторіи этихъ послѣднихъ вѣковъ античной цивилизаціи — полный разрывъ религіозно-моральныхъ интересовъ и научной любознательности, полное забвеніе въ этомъ смыслѣ аристотелевской традиціи. Такъ подготовлялось то нѣсколько преувеличенное въ традиціонномъ изображеньи, но все же достаточно поразительное научное безплодіе европейскаго средневѣковья.

Но если эти уроки философіи были односторонни въ смыслѣ умственной пищи, они могущественно вліяли на волю и характеръ впечатлительнаго ученика. Желая освободиться отъ потребностей, онъ, несмотря на довольно неустойчивое здоровье велъ самый суровый, аскетическій образъ жизни, спалъ на голыхъ доскахъ, и только неотступныя просьбы матери побудили его

Digitized by Google

смягчить режимъ и положить на свое жесткое ложе звѣриную шкуру. Въ своихъ сношеніяхъ съ людьми онъ отличался исключительной правдивостью, которая давала поводъ императору Адріану, допуская игру словъ, называть его не „Verus“ а „Verissimus“. Но этотъ аскетизмъ и эта личная нравственная строгость не лишали его пониманія и интереса къ той государственной жизни, въ которой ему предстояло играть столь отвѣтственную роль. Послѣднюю опредѣлило рѣшеніе императора Адріана, который усыновилъ и назначилъ своимъ преемникомъ Антонина Пія, съ тѣмъ, чтобы Антонинъ въ свою очередь усыновилъ Марка Вера. Императоръ очевидно хотѣлъ создать извѣстную форму наслѣдственной передачи власти, которая могла бы обезпечить до нѣкоторой степени государственный порядокъ, нарушаемый преторіанскими переворотами: усыновленье же по римскому взгляду было всецѣло равнозначуще естественному происхожденью. Изъ намековъ христіанской апологіи Аѳинагора, обращеннаго къ М. Аврелію и Коммоду (*Πρεσβεία περὶ Χριστιανῶν*, с. 37) можно думать, что и самъ императоръ Маркъ Аврелій въ установленномъ престолонаслѣдіи видѣлъ важное преимущество для государства, ради котораго онъ былъ готовъ признать своимъ преемникомъ Коммода. Это рѣшеніе Адріана искупало много грѣховъ, которыми были омрачены послѣдніе годы его царствованія; оно было осуществлено за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти имератора — короткій срокъ, въ теченіе котораго его симпатія, вообще непостоянная, не могла измѣниться.

Марку Аврелію было 17 лѣтъ, когда императорскій престолъ занялъ Антонинъ Пій. Симпатичный образъ этого императора, сохранившійся въ источникахъ, находитъ полное подтвержденіе въ словахъ самого Марка Аврелія, для котораго Антонинъ навсегда оставался наставникомъ политическаго искусства и политической морали. Изложивъ все, чѣмъ онъ обязанъ Антонину, авторъ Размышленій еще возвращается къ нему и въ своей къ нему бли-

Digitized by Google

зости видить особую милость боговъ. „Ихъ я долженъ благодарить и за то, что мною руководилъ властитель и отецъ (*τὸ ἄρχοντι καὶ πατρὶ ὑποταχθῆναι*), который стремился искоренить во мнѣ всякое тщеславіе, внушалъ мысль, что и живя при дворѣ можно обходиться безъ тѣлохранителей, безъ факеловъ, статуй и подобной показной роскоши, но вести жизнь весьма близкую къ жизни частнаго человѣка, и при этомъ не относиться болѣе пренебрежительно или легкомысленно къ обязанностямъ правителя, касающихся общественныхъ дѣлъ". Въ свою очередь Антонинъ платилъ ему полнымъ довѣріемъ. Немедленно по вступленіи на престолъ онъ сдѣлалъ его сотоварищемъ по консульству и вообще далъ ему положеніе соправителя, далъ возможность раздѣлить всѣ труды и всю отвѣтственность власти. Здѣсь не было и тѣни той подозрительности, которая часто проявлялась въ Римѣ у императоровъ къ ихъ предполагаемымъ преемникамъ. Несомнѣнно Антонинъ показалъ Марку Аврелію, что возможно обладать высшей государственной властью, не искажающею ни въ чемъ нравственной природы властителя, и для него стало идеаломъ, остаться частнымъ человѣкомъ на престолѣ, выполняя въ то же время съ полной добросовѣстностью свои государственныя обязанности. Всѣ эти отношенія закрѣплены были бракомъ М. Аврелія съ Фаустиной, дочерью императора, которая однако же мало была похожа на своего отца и еще меньше подходила къ духовному облику мужа. Бракъ сдѣлался источникомъ для М. Аврелія тяжелаго семейнаго положенія, которое было ясно его современникамъ, хотя самъ онъ переносилъ его съ великодушіемъ и всепрощеньемъ. Тяжесть особенно усугубилась, когда сталъ подростать сынъ Коммодъ, представлявшій несмотря на физическое сходство такой явный контрастъ Марку Аврелію — контрастъ, который даже породилъ легенду, будто онъ сынъ гладіатора. Можетъ быть здѣсь сказалось инстиктивное взмущенье противъ каприза наслѣдственности, который од-

Digitized by Google

нако былъ достаточно знакомъ римлянамъ, сложившимъ пословицу: pater egregius filius gregarius. Впрочемъ Коммодъ далеко не былъ „gregarius“ — заурядным: на немъ лежала печать какого-то вырожденія.

Такимъ образомъ для М. Аврелія переходъ къ императорской власти не представлялъ чего-нибудь особеннаго, не являлся переломомъ въ его внутренней и даже внѣшней жизни. Онъ не захотѣлъ быть даже единоличнымъ правителемъ и взялъ въ сотоварищи своего пріемнаго брата Луція Вера, также получившаго титулъ Августа. Послѣдній однако при своемъ бездѣятельномъ и распущенномъ характерѣ не оказывалъ императору никакой помощи, и нерѣдко оказывался существенной помѣхой въ дѣлахъ; впрочемъ и къ нему М. Аврелій относился со своимъ обычнымъ неистощимымъ терпѣніемъ и снисходительностью.

Насколько Марку Аврелію удалось примѣнить тѣ высокіе морально-политическіе принципы, которые мы находимъ въ его Размышленіяхъ? Мы знаемъ, что къ подобнымъ произведеньямъ нужно относиться съ крайней осторожностью. Въ какія ошибки попалъ бы историкъ, если бы онъ принялъ за чистую монету все, содержащееся въ Antimachiavel Фридриха II или Наказѣ Екатерины II и увидѣлъ бы въ нихъ какъ бы программы ихъ дѣятельности! Иное впечатлѣнье получаемъ мы отъ Марка Аврелія: здѣсь философія не расходится съ текущей работой, и опытъ императора ни въ чемъ не опровергаетъ самыхъ продуманныхъ и прочувствованныхъ его мыслей. Поэтому о царствѣ философіи здѣсь можно говорить совсѣмъ съ инымъ правомъ, чѣмъ по поводу представителей просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка. Важно не то, что Маркъ Аврелій окружилъ себя философами и риторами, что онъ сдѣлалъ государственными людьми своихъ старыхъ наставниковъ, что среди консуловъ и проконсуловъ его царствованія мы находимъ Ирода Аттика, Фронтона, Юлія Рустика, Клавдія Севера, Прокула. Важнѣе, что въ его собственномъ сознаніи между фи-

Digitized by Google

лософіей и жизненной практикой не существуетъ никакого антагонизма. Тезисъ, гласящій, что философское исповѣданіе можетъ ни къ чему не обязывать, представился бы ему чудовищнымъ. Въ этомъ смыслѣ Маркъ Аврелій скорѣе можетъ напоминать о дѣятеляхъ средневѣковой теократіи, для которыхъ temporalia отнюдь не должны расходиться со spiritualia. Извѣстно, какіе неразрѣшимые конфликты возникали на этой почвѣ между убѣжденными требованіями церкви и инстинктомъ самосохраненія у свѣтскаго государства.

Но здѣсь и раскрывается одна изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ личности М. Аврелія: онъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ всякихъ утопій, онъ сознательно ихъ отвергаетъ. Философія остается закономъ жизни, но философъ долженъ понимать все несовершенство человѣческаго матеріала, всю крайнюю медленность усвоенія людьми высшихъ моральныхъ и интеллектуальныхъ истинъ, всю громадную силу сопротивленія, заключающуюся въ историческомъ бытѣ. Нельзя насильственно обновить міръ, ввести совершенный порядокъ, ибо никакой властитель не властенъ надъ мыслями и чувствами людей. Трагизмъ здѣсь лежитъ въ роковомъ несоотвѣтствіи между высотой настроенія того, кто желаетъ быть благодѣтелемъ человѣчества, и прозаичностью итоговъ. „Всеобщая причина есть какъ бы стремительный потокъ: она все уноситъ съ собой. Какъ жалки всѣ эти преисполненные самомнѣнія люди, мнящіе, что они по-философски ведутъ дѣла государства!.. Чего ты хочешь человѣкъ? Дѣлай то, чего отъ тебя требуетъ въ настоящее время природа. Не надѣйся осуществить республику Платона, и будь доволенъ движеніемъ впередъ хотя бы на одинъ шагъ—и не считай этотъ успѣхъ маловажнымъ. Кто можетъ измѣнить образъ мысли людей? а безъ такого измѣненія что можетъ быть кромѣ рабства, стоновъ и лицемѣрнаго повиновенія?“ IX, 29). Не чувствуется ли въ этихъ словахъ самая высшая форма безкорыстія, непонятная для фанатиковъ прогресса, какими бы

Digitized by Google

благородными мотивами они не руководились. Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе, говоритъ Евангеліе. Блаженны тѣ, кто, никогда не забывая о предѣлахъ, поставленныхъ человѣческой природѣ, никогда не обольщаясь возможностью ихъ перейти, находятъ въ себѣ силу неустанно работать для приближенія къ никогда неосуществимому идеалу.

Деспотизмъ отвлеченной формулы былъ Марку Аврелію чуждъ, какъ всякій деспотизмъ. Можно сказать, ему присущъ ужасъ аѳинскаго или римскаго республиканца передъ тиранніей. Онъ чувствуетъ себя глубоко признательнымъ своему наставнику Фронтону, который показалъ ему, сколько низости, коварства и лицемѣрія заключается въ тиранической власти. „Не иди по стопамъ Цезарей“ (*ὅρα μὴ ἀποχαισαρωθῇς*)—предостерегаетъ онъ самого себя (VI, 30). Онъ не скрывалъ отъ себя моральныя опасности, угрожавшія повелителямъ римской имперіи — опасности, жертвами которыхъ пали Неронъ и Домиціанъ, и какъ ни выдѣлялся для него Антонинъ своими добродѣтелями, дворъ, окружавшій послѣдняго, былъ въ его глазахъ лишь повтореніемъ двора Филиппа, Креза, всѣхъ другихъ цезарей (X, 27).

Была ли въ глазахъ его республика высшей формой по сравненію съ монархіей? По общему смыслу Размышленій можно думать, что самое различіе этихъ формъ не представлялось ему особенно существеннымъ. Монархія оправдывается, когда монархъ видитъ въ себѣ вождя людей и въ то же время человѣка: Маркъ Аврелій предпочитаетъ сравнивать его не съ пастухомъ — это предполагало бы притязаніе на высшую породу,—а съ бараномъ или быкомъ, которые идутъ впереди стада („*προστησόμενος αὐτῶν γέγονα, ὡς κριὸς ποίμνης ἢ ταῦρος ἀγέλης*“).

Практически это сказывалось и въ постоянномъ стремленіи императора хранить остатки республиканскаго строя. Онъ усердно посѣщалъ засѣданія сената и оставался тамъ, пока консулъ не произносилъ обычной формулы: „nihil vos moramur patres conscripti“

Digitized by Google

и засѣданіе закрывалось. Конечно это были лишь символическіе акты, неспособные измѣнить того, что для самыхъ упорныхъ республиканцевъ стало очевидной политической реальностью. Вопросъ могъ итти въ концѣ концовъ лишь о томъ, въ какую сторону направится дѣятельность государства, приводимаго въ движеніе единоличной волей.

Здѣсь М. Аврелію не требовалось пролагать новыхъ путей. Уже Нерва и Траянъ положили основы общественной благотворительности, уже они въ своемъ законодательствѣ признали принципъ въ силу коего у государства есть отеческія обязанности относительно своихъ сочленовъ. Этимъ окончательно устранялось столь живучее въ Римѣ представленіе о верховенствѣ рода и семьи. Такъ при Траянѣ созданы были фонды, предназначенные на покрытіе издержекъ по воспитанію бѣдныхъ дѣтей: Маркъ Аврелій расширилъ полномочія завѣдующихъ этими фондами прокураторовъ, и сдѣлалъ эти прокуратуры одной изъ высшихъ должностей въ имперіи; не остановился онъ и передъ крупнымм издержками фиска, создавая рядъ своеобразныхъ кассъ для помощи дѣтямъ обоего пола. Римскіе барельефы на Форумѣ напоминаютъ объ учрежденіяхъ, имѣющихъ въ виду призрѣніе дѣвочекъ — учрежденіяхъ, созданныхъ при Антонинѣ и расширенныхъ при Маркѣ Авреліи. Послѣдній создалъ даже особую должность претора, имѣющаго блюсти интересы дѣтей — сиротъ. Это вниманіе къ ребенку, идущее рядомъ съ расширеніемъ правъ женщинъ, является лучшимъ показателемъ новаго духа, который проникаетъ законодательство имперіи.

Не менѣе чувствуется онъ въ другой сферѣ — въ признаніи и охранѣ правъ раба: говорить о правѣ здѣсь, конечно, можно лишь въ моральномъ, не юридическомъ смыслѣ,—въ послѣднемъ рабъ не могъ быть субъектомъ права. Но это не мѣшало законодательству римской имперіи обезпечивать его личность отъ посягательства на жизнь и честь, отъ жестокаго обращенія, обез-

Digitized by Google

печить цѣлость его семьи, неприкосновенность его пекуліума, существенно ограничить, если не устранить его продажу для борьбы со звѣрями въ амфитеатрѣ и наконецъ всячески облегчать и поощрять отпущеніе на волю. Маркъ Аврелій предоставилъ въ извѣстныхъ случаяхъ рабамъ наслѣдовать послѣ своихъ господъ. Значительно улучшилось также прежде весьма прекарное положеніе вольноотпущенниковъ.

Императоръ вдвойнѣ чувствовалъ себя призваннымъ сохранять этотъ путь—какъ наслѣдникъ и ученикъ человѣколюбоваго Антонина и какъ исповѣдникъ стоической философіи; ибо стоицизму обязано римское право тенденціей къ защитѣ всякой человѣческой личности, къ осуществленію началъ равенства. Эта философія поднялась надъ ограниченностью племенной и соціальной и возвысилась до общечеловѣческаго. Изъ нея римскіе юристы почерпнули убѣжденіе, что рабство нарушаетъ естественное право —убѣжденіе, которое такъ далеко отстоитъ отъ взглядовъ Платона и Аристотеля. Императорамъ II вѣка принадлежитъ заслуга укрѣпленія и проведенія въ жизнь этого новаго пониманія, которое не будетъ утрачено среди политической и моральной анархіи III вѣка. Такъ и движенія въ сторону гражданскаго равноправія не въ состояніи остановить пороки и преступленія руководителей римской государственной жизни, и знаменитый эдиктъ 212 г., давшій, правда по мотивамъ фискальнымъ, равноправіе всѣмъ свободнымъ обитателямъ имперіи, связанъ съ именемъ Каракалы, одного ихъ худшихъ императоровъ, котораго вообще имѣлъ Римъ.

Можно прибавить здѣсь заботы М. Аврелія о болѣе правильной раздачи продовольствія народу — этой своеобразной государственной функціи, которая едва ли можетъ быть правильно оцѣнена, когда мы къ ней прикладываемъ столь ей далекіе соціально-политическіе критеріи современности, старанья улучшить административный и судебный механизмъ. Незначительный успѣхъ этихъ послѣднихъ стараній часто приводилъ въ доказательство

Digitized by Google

государственной неспособности императора. Задача организовать мѣстное управленіе оказывалась однако не подъ силу и такимъ людямъ какъ Траянъ. Впослѣдствіи она была выполнена путемъ энергичной бюрократизаціи имперіи и прикрѣпленія куріаловъ, для которыхъ почетное право стало тяжкой обязанностью. Но разумѣется итти по этому пути, который такъ ярко запечатлѣлся въ Codex Theodosianus, М. Аврелій не желалъ. Въ принужденіи онъ всегда видѣлъ лишь необходимое зло, которое должно быть употребляемо въ возможно малыхъ дозахъ. Безсильный перестроить римскую государственность, онъ стремился несовершенство законовъ и учрежденій возмѣстить мягкостью режима. Императоръ, въ своихъ „Размышленіяхъ" выразившій глубокую увѣренность, что искренняя доброта непреодолима (*τὸ εὐμενὲς ἀνίκητον, ἐὰν γνήσιον ᾖ καὶ μὴ σεσηρὸς, μηδὲ ὑπόκρισις*), и здѣсь не давалъ слову расходиться съ дѣломъ. Даже когда Авидій Кассій поднялъ противъ императора возстаніе, обманувши то довѣріе, которое неизмѣнно ему оказывалъ М. Аврелій, несмотря на многократныя предостереженья—даже тогда послѣдній ни въ какой мѣрѣ не поддался чувству гнѣва или мести. Онъ не могъ предупредить убійства Кассія, но онъ далъ полную амнистію его сторонникамъ. Городъ Антіохія за участіе въ возстаньи потерялъ лишь на короткое время право публичныхъ игръ. Это была мягкость, которая могла казаться слабостью. Исторія возмущенія Кассія показываетъ однако, что она оказалась цѣлесообразной и содѣйствовала умиротворенію имперіи. Во всякомъ случаѣ она не имѣла ничего общаго съ повторяющимся столько разъ типомъ безхарактернаго добродушнаго монарха, который является игрушкой въ рукахъ своихъ приближенныхъ. Маркъ Аврелій велъ эту политику великодушія вполнѣ сознательно, съ полнымъ чувствомъ отвѣтственности, не дѣлая себѣ никакихъ иллюзій относительно нравственныхъ качествъ окружающей среды.

Именно эти основныя черты его міровоззрѣнія и господст-

Digitized by Google

вующее въ немъ настроеніе ставило опредѣленныя границы его преобразовательной дѣятельности. Здѣсь особенно характерно его отношеніе къ играмъ амфитеатровъ. Какъ относился къ нимъ императоръ, объ этомъ мы могли бы догадаться, если бы даже въ Размышленіяхъ не было разсѣяно соотвѣтствующихъ намековъ. У него могло оставаться лишь чувство отвращенія—и однако онъ не уничтожилъ этихъ игръ, онъ ихъ даже посѣщалъ. Правда, онъ почти старался показать, что кровавое зрѣлище его не интересуетъ — онъ въ циркѣ читалъ, писалъ, давалъ аудіенціи. Но не было ли здѣсь странной двойственности? Уолтеръ Патеръ давшій въ Marius the Epicurean такое психологически замѣчательное изображеніе духовной атмосферы эпохи, заставляетъ своего героя видѣть въ амфитеатрѣ императора, погруженнаго въ чтеніе, равнодушнаго къ проливаемой крови и раздающимся стономъ: здѣсь Марій впервые чувствуетъ безсиліе стоицизма удовлетворить высшимъ требованіемъ человѣчности, здѣсь въ его душѣ совершается переломъ, который приведетъ его подъ сѣнь новой вѣры, дающей силу сострадать и любить... Мы понимаемъ, какъ переживетъ эту сцену Марій—но правильно ли онъ истолковывалъ видимое холодное равнодушіе императора? Надо помнить, какое здѣсь онъ встрѣчалъ сопротивленіе. Когда М. Аврелій отправилъ на войну гладіаторовъ, это вызвало почти возмущеніе. „Онъ хочетъ отнять у насъ развлеченья и заставить насъ философствовать“. Онъ могъ только добиться, чтобы подъ канатомъ, по которымъ ходили акробаты, разостланы были матрасы, и чтобы оружіе борцовъ имѣло притупленное остріе; онъ не могъ побѣдить жестокой страсти римскаго населенія. Едва ли онъ ее преувеличивалъ — достаточно вспомнить какъ трудно было искоренять эти игры уже въ христіанской имперіи IV вѣка.

Главное содержаніе царствованію М. Аврелія дали однако его труды по защитѣ имперіи. Не было чувства, болѣе ему далекаго, чѣмъ стремленіе къ военной славѣ. Въ осужденіе ея онъ идетъ

Digitized by Google

не менѣе далеко, чѣмъ Тертуліанъ и другіе христіанскіе писатели. „Паукъ гордится, если захватилъ муху, другой—если поймаетъ зайца, третій—если уловитъ въ сѣть рыбешку, четвертый — если овладѣетъ вепремъ, пятый — сарматомъ; а если исходить изъ принциповъ, что они какъ не разбойники?“ (X, 10). Что значитъ слава Александра, Гая, Помпея передъ лицомъ Діогена, Гераклита, Сократа? (VIII, 3). Его пренебреженье къ военной славѣ однако совершенно непохоже на эротическій, изнѣжанный пасифизмъ Тибулла и на мечтанія Виргилія о золотомъ вѣкѣ. Пребываніе на войнѣ только тяготило его, но къ дѣлу защиты государства онъ относился со всѣмъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Войну съ парѳянами велъ Луцій Веръ, но роль этого распущеннаго и бездѣятельнаго человѣка, не способнаго дисциплинировать ни себя ни другихъ, едва ли не была номинальна. Главная тяжесть упала на его помощниковъ, назначенныхъ М. Авреліемъ, который не дѣлалъ себѣ иллюзій относительно способностей Л. Вера — и выборъ командующаго состава, за исключеньемъ можетъ быть Авидія Кассія, талантливаго, но честолюбиваго и недостовѣрнаго, оказался блестящимъ. Опасность на Востокѣ была устранена.

Серьезнѣе она была на европейскомъ Сѣверѣ и Сѣверо-Востокѣ. Значенье германскаго міра, разстилающагося у границъ римской имперіи было оцѣнено Тацитомъ. Пока эти народы пребывали во взаимной раздробленности, ихъ можно было не замѣчать, но какъ только изъ нихъ образовались большіе сплоченные союзы, все политическое равновѣсіе римскаго міра нарушалось. Съ однимъ изъ такихъ союзовъ, сложившемся въ Богеміи, Моравіи и Сѣверной Венгріи и приведшимъ въ движенье германскія и не германскія племена, которыя двинулись на Югъ отъ Дуная, прямо угрожая имперіи—пришлось имѣть дѣла и Марку Аврелію. Значительная часть его жизни прошла на берегахъ Дуная, въ борьбѣ съ Маркоманами и Квадами. Планъ кампаніи былъ чрез-

Digitized by Google

вычайно продуманный и въ концѣ концовъ увѣнчавшійся успѣхомъ: это была тактика, расчитанная на выносливость и упорство римскаго солдата, методическая, медленная, не гонящаяся за блестящими побѣдами и построенная на строгомъ экономіи силы. Паннонія была очищена, варвары прогнаны на лѣвый берегъ Дуная. Въ то же время М. Аврелій избѣгалъ всякой безполезной жестокости, всякаго вѣроломства и относительно враговъ; не видѣлъ онъ опасности и въ извѣстномъ проникновеніи германцевъ на римскую территорію, полагая, что эти романизованные варвары явятся лучшей защитой противъ грядущихъ нашествій. Онъ въ широкихъ размѣрахъ допустилъ германцевъ въ римскіе легіоны, далъ имъ на извѣстныхъ условіяхъ земли въ Дакіи, Панноніи, Мезіи, Римской Германіи и оставилъ въ то же время достаточную военную силу на Дунаѣ, которая могла бы отразить посягательства на территорію и предѣлы имперіи. Проникнутый стоическимъ универсализмомъ, онъ не чувствовалъ какого-либо предубѣжденья противъ варварскихъ народовъ; скорѣе можно замѣтить ноты насмѣшки и раздраженья въ отзывахъ объ азіатскомъ востокѣ. Мысль влить въ организмъ римской имперіи свѣжіе соки этихъ народовъ, которыхъ Тацитъ хотѣлъ поставить какъ образцы современному обществу—подобная мысль была достойна великаго и проницательнаго ума, но и этотъ умъ не могъ бы предвидѣть, какъ быстро пойдетъ эта инфильтрація и какъ мало способности сопротивленья заключала въ себѣ римская культура.

Памятникомъ этихъ походовъ императора остается колонна, украшающая до сихъ поръ Piazza Colonna въ Римѣ; Сикстъ V поставилъ на верхъ ея статую ап. Петра, но барельефы, изображающіе военныя сцены, сохранились хорошо. Болѣе однако чѣмъ эти барельефы, уже отмѣченные чертами артистическаго упадка, о годахъ, проведенныхъ императоромъ на берегахъ Дуная, напоминаютъ Размышленія. Тамъ, среди вечернихъ досуговъ, написана

Digitized by Google

часть ихъ. Они открываютъ намъ прежде всего то глубокое чувство одиночества, которое долженъ былъ испытывать ихъ авторъ, оторванный отъ общества людей, съ которыми онъ могъ бы раздѣлить свои самыя дорогія мысли, и не менѣе глубокое сознаніе долга, которое заставило его посвящать всю энергію внутренно столь чуждому для него дѣлу.

Этотъ гармоническій образъ, который создается при сопоставленьи внутренней работы съ внѣшней исторіей жизни не роднитъ ли М. Аврелія съ идеалами, которые приносила античному міру новая уже столь могущественная въ концѣ II вѣка сила — христіанство? Мы знаемъ, что въ христіанской традиціи замѣчается стремленье такъ сказать приблизить къ себѣ великаго язычника, смягчить или даже затушевать факты, свидѣтельствовавшіе о его враждебномъ настроеніи, противопоставить имъ другіе. Пусть Маркъ Аврелій преслѣдовалъ христіанъ; христіанскіе авторы не хотѣли накладывать на него клеймо гонителя. Великій и добрый (ἀγαθός τε μέγας τε)—такъ называетъ его христіанскій авторъ сивиллинаго стиха, жившій въ III вѣкѣ. „Справьтесь съ вашими анналами“ убѣждаетъ Тертуліанъ римскихъ магистратовъ: „вы увидите, что монархи, которые свирѣпствовали противъ насъ, принадлежали къ числу людей, гоненія со стороны коихъ могутъ служить только къ чести гонимыхъ. Наоборотъ, изо всѣхъ монарховъ, которые признавали божескіе и человѣческіе законы, назовите хотя бы одного, который бы гналъ христіанъ. Мы же можемъ привести въ примѣръ одного изъ нихъ, который объявилъ себя нашимъ покровителемъ—мудраго Марка Аврелія. Онъ не отмѣнилъ открытыхъ эдиктовъ, изданныхъ противъ нашихъ собратьевъ, но онъ уничтожилъ ихъ послѣдствія, установивъ суровыя казни, угрожающія нашимъ обвинителямъ“. Наконецъ Мелитонъ, епископъ Сардскій, обращаясь въ своей апологіи прямо къ императору и напоминая ему о гоненіяхъ Нерона и Домиціана и о терпимости Адріана и Антонина, прибавляетъ: „что касается

Digitized by Google

до тебя, ты имѣешь къ намъ тѣ же чувства (какъ Адріанъ и Антонинъ), но обладаешь еще болѣе высокой философіей и филантропіей; мы увѣрены, что ты сдѣлаешь все, что мы отъ тебя попросимъ.

Здѣсь естественно вспоминается легенда, связанная съ однимъ изъ драматическихъ эпизодовъ похода противъ Квадовъ. Армія оказалась отрѣзанной отъ источниковъ питьевой воды; истощенная жаждой и усталостью, она очутилась въ мѣстѣ, гдѣ варвары могли легко ее уничтожить. Римлянамъ угрожала катастрофа, которая по своимъ послѣдствіямъ была бы гораздо болѣе для нихъ роковой, чѣмъ гибель Вара, какъ вдругъ разразилась буря, на римское войско хлынулъ благодатный дождь, освѣжившій солдатъ, а въ сторону варваровъ пошелъ сильнѣйшій градъ и стала ударять молнія, такъ что ими овладѣла полная паника. Это было чудо, по обычной версіи, обязанное молитвамъ Марка Аврелія, воздѣйствовавшимъ на Юпитера. На римской колоннѣ мы видимъ, какъ „дождливый Юпитеръ“ (Iupiter pluvialis) напояетъ римлянъ и поражаетъ варваровъ. Другое, менѣе распространенное преданіе, приписываетъ чудо египетскому магу Арнуфу, который заклялъ Гермеса. Наконецъ версія, принятая значительной частью христіанскихъ писателей, утверждаетъ, что римская армія была спасена молитвами колѣнопреклоненныхъ воиновъ-христіанъ: ихъ Богъ, а не Юпитеръ послалъ бурю; при этомъ прибавлялось, что Маркъ Аврелій, пораженный чудомъ, написалъ письмо сенату съ воспрещеньемъ всякихъ преслѣдованій противъ христіанъ.

Эта тенденція христіанскихъ историковъ и апалогетовъ далеко расходиться съ истиной: Маркъ Аврелій никогда не былъ другомъ христіанъ. Единственное мѣсто въ его Размышленіяхъ, гдѣ упоминается о христіанахъ, показываетъ, что онъ оставался холоднымъ передъ ихъ готовностью принять мученье и смерть за свое исповѣданье; въ этой готовности онъ усматривалъ даже нѣчто суетное и театральное (XI, 3). Не можетъ быть также и рѣчи объ отмѣнѣ прежде дѣйствовавшихъ и направленныхъ противъ

Digitized by Google

христіанъ законовъ—прежде всего закона о collegia illicita. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что его царствованіе было запятнано актами кровавого преслѣдованья христіанъ. Достаточно вспомнить здѣсь героическихъ мучениковъ Ліонской и Вьеннской церквей — одно изъ наиболѣе потрясающихъ событій изъ исторіи ранняго христіанства. Правда инициатива здѣсь шла не отъ императора, а отъ мѣстныхъ властей и мѣстнаго населенья. При громадности и фактической децентрализаціи имперіи участь христіанъ вообще зависѣли прежде всего отъ мѣстныхъ исполнителей закона—и мы видимъ, какъ однѣ провинціи могли пользоваться полнымъ религіознымъ миромъ, тогда какъ въ другихъ происходили жестокія гоненія. Однако нельзя отрицать всякое участіе Марка Аврелія въ дѣлѣ ліонскихъ христіанъ. Его легатъ обращался къ нему съ вопросомъ, и отвѣтъ императора былъ болѣе жестокъ, чѣмъ аналогичный отвѣтъ Траяна на запросъ Плинія. М. Аврелій предписывалъ освободить всѣхъ ренегатовъ и предать смерти упорствующихъ. Едва ли въ этомъ случаѣ есть основаніе не довѣрять церковной традиціи, хотя отвратительная сцена жестокости, разыгравшаяся при казни, не могла быть отнесена къ желаньямъ императора. Также и Малая Азія при М. Авреліи обагрилась кровью христіанскихъ мучениковъ, а знаменитый Поликарпъ, епископъ Самосскій, кончилъ жизнь на кострѣ. Можно конечно сослаться на различныя апологіи, которыя подавались императору и которыя какъ будто показывали, что извѣстная терпимость существовала—мыслима ли была бы пробная апологія отъ имени какой-нибудь признанной ереси, обращенная къ инквизиціи! Но если авторы апологій, подобно Мелитону и Аѳиногору, не подвергались преслѣдованіямъ, они не могли бы похвалиться и какимъ-либо успѣхомъ.

Объяснить это отношеніе М. Аврелія не представляется труднымъ. Нужно ли прежде всего напоминать, что послѣдовательная и полная терпимость есть чуть ли не самое рѣдкое явленіе

Digitized by Google

въ человѣческой исторіи. И это если даже оставить въ сторонѣ религіозныя организаціи, построенныя на принципѣ преемства и авторитета, забыть о клерикальныхъ и антиклерикальныхъ ненавистяхъ. Въ свое время Локкъ далъ не менѣе блестящую защиту свободы религіозной, чѣмъ свободы политической и все таки онъ не распространялъ терпимость на католиковъ и атеистовъ. Можно сказать, у англійскаго мыслителя мы совсѣмъ не видимъ фанатизма: въ католикахъ онъ видѣлъ прежде всего исконныхъ враговъ протестантской Англіи, ея государственности и національности, въ атеистахъ—людей, лишенныхъ той санкціи, которая одна въ состояніи обезпечить нравственный образъ мыслей и дѣйствій. Но никакихъ слѣдовъ фанатизма, какой либо политической или религіозной ненависти мы не находимъ и у М. Аврелія. Именно христіанамъ онъ ставитъ въ виду фанатизмъ, тѣмъ болѣе предосудительный, что онъ соединенъ съ тщеславіемъ и страстью къ эффектамъ. Онъ не понималъ христіанскихъ мучениковъ, но ихъ не понималъ и Эпиктетъ; и для него здѣсь былъ лишь ожесточенный фанатизмъ (Arriani, Epict. Dissert, IV, VII, 6). Въ глазахъ императора христіане—люди суевѣрные, безъ умственной любознательности и нравственнаго достоинства; они къ тому же для поверхностнаго взгляда даже въ концѣ II вѣка могли казаться разновидностью іудаизма, а къ евреямъ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, императоръ относился съ брезгливой враждебностью. Можно сказать, что вообще въ наплывѣ и распространеніяхъ восточныхъ культовъ Маркъ Аврелій, совершенно непохожій здѣсь на Адріана, видѣлъ моральную опасность и вредъ.

Всѣхъ этихъ антипатій было бы очевидно недостаточно, чтобы императору измѣнила его обычная снисходительность къ заблуждающимся. Противъ христіанъ дѣйствовалъ онъ или во всякомъ случаѣ, не останавливалъ дѣйствій мѣстныхъ властей, какъ отвѣтственный руководитель римскаго государства. Христіанство посягало на религіозные устои этого государства, которые трудно

Digitized by Google

было-бы отдѣлить отъ политическихъ—его исповѣдники отказывались принять участіе въ офиціальномъ культѣ. Пусть христіанскіе апологеты доказываютъ, что ихъ единовѣрцы—добрые граждане, исполняющіе всѣ обязанности, что они молятся за императора и за процвѣтанье имперіи — въ глазахъ представителей римской государственности, и при томъ чуждыхъ вульгарнымъ предразсудкамъ, они оставались инороднымъ тѣломъ. Можно сказать, примѣняя понятіе, которымъ такъ злоупотребляли въ защитѣ клерикальной и антиклерикальной нетерпимости, христіанамъ ставилось въ тяжелую вину — нарушеніе моральнаго единства; а такъ какъ заботы о послѣднемъ легче было встрѣтить у лучшихъ, чѣмъ у худшихъ императоровъ, то и среди преслѣдователей христіанства, вопреки апологіямъ, мы видимъ далеко не только Нероновъ и Домиціановъ, какъ и самая терпимость къ нему являлась часто плодомъ простого равнодушія. Въ этомъ смыслѣ сирійскіе императоры III вѣка, сами чуждые римской государственной традиціи и политическимъ предразсудкамъ, могли проявить гораздо большую широту, чѣмъ Траянъ и Маркъ Аврелій, могли подобно Александру Северу ввести Основателя христіанства въ избранный ими пантеонъ культовъ.

Несомнѣнно, однако, Маркъ Аврелій заблуждался здѣсь и политически. Внутренній процессъ, переживаемый христіанской церковью и общинами, приближалъ ихъ къ примиренію съ имперіей, а не отдалялъ. Тѣ настроенія, которыя отразились въ Апокалипсисѣ, какъ и хиліастическіе образы уступаютъ мѣсто болѣе спокойному отношенью. Въ церкви торжествуетъ теченье, враждебное крайностямъ, не принимающее ни эзотерической догматики гностиковъ, ни преувеличеннаго ригоризма донаатистовъ. Личное озареніе, пророческій даръ отступили на задній планъ: на первой выдвигается іерархія и дисциплина. Псевдоклементины, посланія Игнатія, трактаты Иринея призываетъ къ послушанію, вѣрности епископамъ. Въ борьбѣ съ ересью укрѣпляется еписко-

Digitized by Google

пальная организація церкви и уже вырисовывается особый авторитетъ римскаго престола. Торжество началъ организаціи епископскаго авторитета само по себѣ психологически разрушало непримиримость отношенія къ государству. Недалеко время, когда христіанская община Антіохіи обратится къ императору Авреліану за разрѣшеніемъ спора, кто является ея законнымъ епископомъ. Обращенная къ М. Аврелію апологія Мелитона уже предвидитъ союзъ имперіи съ христіанской церковью, историческія судьбы коихъ связаны настолько крѣпко, что временныя недоразумѣнія не могутъ ихъ разъединить. Мелитонъ какъ-бы провидитъ реформу Константина. Можно ли было при этомъ, оцѣнивая политически христіанство, принимать во вниманіе лишь отказъ принести жертву генію императора?

Но если общее направленіе въ развитіи ранняго христіанства достаточно выяснено изслѣдователями XIX вѣка, если они смогли выдѣлить ядро тѣхъ мыслей и чувствъ, вокругъ которыхъ кристаллизовались міровоззрѣніе пастырей и пасомыхъ, для язычниковъ конца II вѣка все это оставалось закрытымъ. Различные оттѣнки для нихъ сливались въ единый цвѣтъ: здѣсь могли разобраться только рѣдкіе спеціалисты подобные Цельзу. Средній римлянинъ этой потребности внимательнѣе всмотрѣться въ христіанскую среду вовсе не чувствовалъ, и Маркъ Аврелій здѣсь не отличался отъ средняго римлянина. Его философское міровоззрѣніе давало ему какъ-бы апріорно опредѣленную оцѣнку христіанству, въ которомъ онъ видѣлъ лишь одно изъ многочисленныхъ препятствій для здоровой государственной жизни.

Эти препятствія не сломили энергіи императора, но еще болѣе укрѣпили чувство человѣческаго безсилія. Тяжелѣе для него трудностей — подъ часъ могущихъ казаться неразрѣшимыми — внутренняго устроительства и внѣшней защиты имперіи — было сознаніе, что онъ говоритъ на непонятномъ для окружающихъ языкѣ, что они имъ тяготятся, принимая его морально-философ-

Digitized by Google

скіе интересы за несносный педантизмъ. Въ Размышленіяхъ мы находимъ замѣтку о чувствѣ злорадства, съ которымъ встрѣчается смерть самаго достойнаго человѣка: нельзя не видѣть въ ней автобіографической основы. „Никто не бываетъ столь счастливъ, что бы его смерть не вызвала въ комъ-либо изъ окружающихъ чувства злой радости. Пусть онъ былъ добродѣтеленъ и мудръ; все же найдуться въ концѣ концовъ какіе-нибудь люди, которые про себя скажутъ: наконецъ мы можемъ вздохнуть свободно, освободившись отъ этого наставника. Правда, никто изъ насъ отъ него не страдалъ, но все же мы чувствовали, что въ душѣ онъ осуждаетъ насъ". (X, 36).

Жизнь для М. Аврелія все болѣе становится приготовленьемъ къ смерти, которой посвящено такъ много мѣста въ послѣднихъ книгахъ Размышленій. И онъ встрѣтилъ ее съ глубокимъ спокойствіемъ. Въ лагерной стоянкѣ на берегу Дуная, около нынѣшней Вѣны, заболѣлъ онъ тяжкой болѣзнью, смертельный исходъ который призналъ сразу и уже не принималъ ни пищи ни питья. Сыну своему Коммоду онъ завѣщалъ окончить войну и не покидать арміи; окружающимъ онъ напоминалъ о необходимости выполнить долгъ. Поручая Коммода ихъ заботамъ, онъ прибавилъ характерную оговорку—„если тотъ окажется этого достойнымъ". Было ли здѣсь безсознательное стремленіе уменьшить отвѣтственность, лежавшую на имераторѣ, который призналъ Коммода наслѣдникомъ? Для М. Аврелія монархическая наслѣдственность могла быть лишь средствомъ, не цѣлью. Быть можетъ онъ и не видѣлъ вокругъ себя другихъ достойныхъ преемниковъ. Онъ представилъ Коммода солдатамъ, сохраняя спокойное выраженье лица при тяжкомъ страданіи; вообще его выносливость въ болѣзни поражала окружающихъ. Умеръ онъ 17 марта 180 г. — совершенно одинъ: даже сына онъ не допустилъ остаться у постели во избѣжаніе заразы.

Источники единодушно изображали скорбь арміи и народа.

Digitized by Google

Маркъ Аврелій всегда былъ такъ чуждъ какого-либо исканія популярности; теперь обнаружилось, на какихъ глубокихъ и подлинныхъ чувствахъ держалась его популярность. Онъ такъ часто въ своихъ Размышленіяхъ вскрывалъ всю тщету посмертной славы — теперь она была ему дана. По словамъ Геродіана, „не было человѣка въ имперіи, который бы принялъ безъ слезъ извѣстіе о кончинѣ императора. Въ одинъ голосъ всѣ называли его—кто лучшимъ изъ отцовъ, кто доблестнѣйшимъ изъ полководцевъ, кто достойнѣйшимъ изъ монарховъ, кто великодушнымъ, образцовымъ и полнымъ мудрости императоромъ — и всѣ говорили правду". По отзыву Капитолина, „таково было почтеніе къ этому великому властителю, что въ день его похоронъ, несмотря на общую скорбь, никто не считалъ возможнымъ оплакивать его участь; такъ всѣ были убѣждены, что онъ возвратился въ обитель боговъ, которые лишь на время дали его землѣ. Когда еще не кончился торжественный обрядъ его похоронъ, сенатъ и римскій народъ провозгласили его „богомъ благосклоннымъ" (Deus propitius), чего не было раньше и что не повторялось позже. Былъ воздвигнутъ въ честь его храмъ, установлена коллегія жрецовъ, получившихъ имя Антониніевъ. Не только ему воздавались божескія почести, но считали нечестивцами тѣхъ, кто не имѣлъ въ своемъ домѣ его изображенія". Это былъ апоѳеозъ, совершенно иного рода чѣмъ обычные формальные апоѳеозы, и онъ оказался много болѣе прочнымъ. Передъ памятью М. Аврелія благоговѣйно склонялись такіе непохожіе на него властители, какъ Септимій Северъ, Діоклетіанъ и Константинъ. Въ немъ видѣли сочетанье мудрости съ той правдивостью, которая способна искупить и чужіе грѣхи. „Ты самъ", говорилъ Капитолинъ, обращаясь къ Діоклетіану, „ты видишь въ немъ бога — и онъ для тебя не обычное божество; ты обѣщалъ ему особое почитаніе, давая обѣтъ подражать его примѣрамъ".

Digitized by Google

„Размышленія“ М. Аврелія раздѣляются на книги и главы—но ихъ порядокъ чисто внѣшній. Нѣкоторымъ единствомъ обладаетъ лишь первая книга, гдѣ М. Аврелій вспоминаетъ своихъ родныхъ, наставниковъ и близкихъ людей и объясняетъ, чѣмъ онъ имъ обязанъ, заканчивая перечисленіемъ всего того, чѣмъ онъ обязанъ богамъ. Мы имѣемъ своеобразный дневникъ — не внѣшнихъ событій, а мыслей и настроеній, болѣе важныхъ въ глазахъ автора, чѣмъ внѣшнія событія. Можно сказать, что Размышленія представляютъ полную противоположность другой книгѣ, которая также писалась среди военныхъ тревогъ — Комментаріямъ о гальской войнѣ Юлія Цезаря. Здѣсь заботливо устранено всякое проникновенье въ глубь душевныхъ переживаній, весь интересъ такъ же исключительно поглощенъ объективнымъ міромъ, какъ у М. Аврелія міромъ субъективнымъ. Цезарь преслѣдовалъ цѣли политической апологіи, хотя безпритязательность и свѣжесть его разсказа такъ хорошо скрываетъ его мотивы. М. Аврелій обращался лишь къ самому себѣ, — онъ хотѣлъ закрѣпить переживанія, которыя могли служить моральной поддержкой, и побужденьемъ. Никогда не думалъ онъ этими строками вліять на другихъ или исправлять ихъ. Отсюда глубокая искренность, которая интуитивно воспринимается всякимъ читателемъ Размышленій и которой такъ недостаетъ многимъ автобіографіямъ и исповѣдямъ, отсюда и непринужденность формы: М. Аврелій не искалъ ея, какъ не ищутъ, дѣлая отмѣтки на поляхъ книги. Императоръ съ благодарностью вспоминаетъ о грамматикѣ Александра, который научилъ его не выходить изъ себя по поводу всякаго варваризма или солецизма собесѣдника. Нѣтъ риторическихъ заботъ, но выраженіе всегда точно и ясно передаетъ не только мысль, но и окружающій ея душевный фонъ.

Отсутствію внѣшняго плана соотвѣтствуетъ и въ содержаніи отсутствіе чего-нибудь напоминающаго философскую систему. Весьма часто въ текстѣ мы встрѣчаемъ слово *δόγματα* — кото-

Digitized by Google

рое постоянно напоминаетъ, насколько существенны для каждаго человѣка эти руководящія имъ начала. Какъ далеко, однако, это греческое слово отъ современнаго придаваемаго ему значенія; догматизмъ совершенно чуждъ М. Аврелію—эта черта бросающаяся въ глаза сразу. Нѣтъ ничего ошибочнѣе въ этомъ смыслѣ видѣть въ немъ догматическаго послѣдователя стоицизма.

Прежде всего прочность моральныхъ истинъ не связана для него съ тѣмъ или другимъ представленіемъ о мірѣ. У него нѣтъ опредѣленной космологіи — хотя бы той, которую выработалъ стоицизмъ. Онъ склоняется къ этой послѣдней въ ея общихъ чертахъ, но достовѣрность ея нигдѣ не стоитъ для него въ ровень съ достовѣрностію нравственныхъ началъ, къ которымъ обращается человѣкъ. Дѣло не только въ томъ, что интересъ М. Аврелія сосредоточенъ на этихъ послѣднихъ, какъ это вообще мы наблюдаемъ въ позднѣйшемъ стоицизмѣ, и не только въ его сомнѣніяхъ относительно возможности постигнуть физическую истину; для него, если даже правы не стоики, а эпикурейцы, и если міромъ управляетъ не единый законъ, а самый случай, если все сводится къ игрѣ атомовъ — побужденія человѣка къ добру этимъ не устраняются и привязанность къ міру не усиливается. Эта мысль повторяется чрезвычайно часто. „Или все происходитъ, какъ бы въ единомъ тѣлѣ, беря начало въ единомъ духѣ и часть не должна роптать на то, что происходитъ въ цѣломъ, или же существуютъ атомы и ничего кромѣ ихъ смѣшенія и разсѣянія. Что же тревожитъ тебя?“ (IX, 39). „Если не атомы, то вседержительница природа“ (XI, 18). „Существуютъ ли атомы или единая природа — прежде всего слѣдуетъ установить, что я являюсь частью цѣлаго, управляемаго природой“ (X, 6). „Можетъ быть міръ подверженъ періодическому возгаранію —(какъ думали старые стоики—Зенонъ, Клеанѳъ Хрисиппъ); можетъ быть онъ вѣченъ и не подверженъ гибели (къ этому склонялись позднѣйшіе—Зенонъ изъ Тарса, Панецій, Посидоній)“ (X, 7). „Мо-

Digitized by Google

жетъ быть круговращенье вселенной (*τὰ τοῦ κόσμου ἐγκύκλια*) разъ навсегда предопредѣлено міровымъ разумомъ, можетъ быть — его повторяющимися рѣшеніями; мѣсто, занимаемое человѣкомъ въ мірѣ, отъ этого не мѣняется" (IX, 28). А на достовѣрное познаніе міра кто рѣшится притязать. „Вещи настолько сокрыты отъ насъ, что многимъ философамъ, и незаурядным, онѣ представлялись совсѣмъ непостижимыми; и даже сами стоики признаютъ ихъ трудно постижимыми: всякое наше согласіе съ чѣмъ-нибудь не есть нѣчто неизмѣнное—гдѣ можно найти человѣка немѣнявшагося?" (V, 10). По этому когда въ Размышленіяхъ мы читаемъ, что человѣческому тѣлу свойственны элементы, огненные, воздушные, водяные и земляные (XI, 20), авторъ пользуется лишь распространенной гипотезой, не возводя ее на степень категорической истины.

Это отсутствіе догматизма освобождаетъ отъ сектантскаго духа, отъ преувеличеннаго прославленья одной философской школы за счетъ другихъ. Когда М. Аврелій находитъ родственныя ему мысли у Эпикура, онъ не боится ихъ брать, не боится и признать въ представителѣ гедоиистической философіи мудраго учителя жизни (IX, 41; XII, 34).

Отказъ отъ категорическихъ утвержденій, отсутствіе догматизма не есть еще конечно равнодушіе. Міръ состоящій изъ хаоса и атомовъ неравноцѣненъ міру, управляемому единымъ разумомъ. Діалектически нельзя выйти изъ поставленной передъ нашей безпомощностью альтернативой, но общій характеръ мірозданья и наше самозознанье согласуется болѣе со вторымъ, чѣмъ съ первымъ рѣшеніемъ. Человѣкъ находитъ въ мірѣ необходимость; опытъ его безсилія научаетъ его быть фаталистомъ. „Что бы съ тобой ни случилось, оно предопредѣлено тебѣ изъ вѣчности, и сплетенье причинъ изъ начало связало твое существованіе и происшедшее въ немъ событіе" (X, 5). Но эта необходимость устрашаетъ лишь поверхностный взглядъ; для болѣе проникновенаго она превра-

Digitized by Google

щается въ провидѣнье. Постоянно у Марка Аврелія повторяется эта альтернатива: слѣпой случай или разумная необходимость — только одинъ разъ появляется трилемма: роковая необходимость или благостное провидѣнье, или же безпорядокъ и господство никѣмъ неуправляемаго случая (*ἤτοι ἀνάγκη εἱμαρμένη, ἢ πρόνοια ἱλάσιμος ἢ φυρμὸς εἰκαιότητος ἀπροστάτητος*—XII, 14). Но господствующій взглядъ въ „Размышленіяхъ" видитъ эту необходимость въ ея нравственномъ аспектѣ. „Все, происходящее происходитъ не только согласно опредѣленному порядку, (*κατὰ τὸ ἑξῆς*), но и согласно справедливости (*κατὰ τὸ δίκαιον*), какъ будто кто-нибудь распредѣлялъ все сообразно заслугамъ". Такимъ образомъ самый фатализмъ уже не подавляетъ человѣка, а ободряетъ его. Мудрый долженъ всецѣло восчувствовать дѣйствіе вселенскаго разума среди кажущагося хаоса и мнимыхъ побѣдъ зла; онъ не обвинитъ природу за то, что „она раздаетъ жизнь и смерть, славу и безславіе, радость и горе, богатство и бѣдность, не дѣлая различій между добрыми и злыми" (II, 11; IX, 1). Маркъ Аврелій хорошо зналъ, насколько сильно подымается здѣсь возмущенное чувство справедливости и онъ стремится его успокоить, показывая несоотвѣтствіе нашего ограниченнаго мѣрила и неисповѣдимыхъ безконечностей космоса. Природа никогда не можетъ быть всецѣло понятной человѣку, но она и не должна быть для него чужой: ему дается ей слѣдовать „Жить сообразно природѣ" — заповѣдь не одного стоицизма, а всей античной этики; разногласіе начиналось только тамъ, гдѣ спрашивали, что надо понимать подъ природой? Нужно ли ее искать въ обособленной человѣческой личности, или въ цѣломъ міросданьи? является ли согласно Протагору человѣкъ мѣрой всѣхъ вещей, или „всѣ вещи" все— мѣрою для человѣка? Стоики, какъ извѣстно, рѣшительно отстаивали второе толкованье, отстаивали физическій и моральный коммунизмъ бытія. Маркъ Аврелій не считалъ возможнымъ діалектически доказать разумность цѣлаго, онъ, повидимому, допускалъ

Digitized by Google

возможность моральнаго отношенія къ жизни даже при чисто-атомистическомъ міровоззрѣніи, но онъ самъ испытывалъ какъ-бы религіозное благоговѣнье передъ природой въ ея цѣломъ. Слѣдованье природѣ должно быть чуждо горечи и ропота. „Бѣглецъ—тотъ, кто скрывается отъ своего властителя; и если властвуетъ законъ, то и нарушитель закона долженъ быть названъ бѣглецомъ. Но и тотъ, кто сокрушается, гнѣвается, боится,—тотъ не желаетъ чего-нибудь совершившагося, совершающагося или имѣющаго совершиться, въ силу порядка, установленнаго міроправителемъ—закономъ, который опредѣляетъ каждому подобающее. И такъ тотъ, кто боится, сокрушается или гнѣвается, тоже бѣглецъ“ (X, 25). Природа, велѣньямъ коей долженъ повиноваться человѣкъ,—есть единство и цѣлость, которое не можетъ быть дано въ чувственномъ опытѣ отдѣльнаго человѣка (XI, 5); выражаясь терминомъ Д. Бруно и Спинозы это скорѣе natura naturans, чѣмъ natura naturata. Это единство не только разумно; оно божественно.

Догматизмъ религіозный присущъ „Размышленіямъ“ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ догматизмъ философскій. „Въ теологіи, говоритъ Ренанъ, „М. Аврелій колеблется межъ чистымъ деизмомъ, между политеизмомъ, истолкованнымъ въ физическомъ смыслѣ, какъ его истолковывали стоики и между своеобразнымъ космическимъ пантеизмомъ. Онъ не держится за одну гипотезу болѣе, чѣмъ за другую, и пользуется безразлично тремя словарями—деистическимъ, политеистическимъ и пантеистическимъ“. Ни одинъ не можетъ притязать на исключительное право раскрытія людямъ божественной тайны. Одно представлялось М. Аврелію несомнѣннымъ: наличность въ міръ божества; атеизмъ противоразуменъ. „Если тебя кто-нибудь спроситъ: гдѣ ты видѣлъ боговъ или откуда узналъ о ихъ существованіи, что такъ ревностно ихъ почитаешь, отвѣчай: во-первыхъ они доступны и нашему знанію; а затѣмъ и души своей я никогда не видѣлъ, однако же чту ее. Такъ и съ богами: и наблюдая постоянно проявленія ихъ силы, я узналъ изъ нихъ,

Digitized by Google

что они существуютъ и поклоняюсь имъ“ (XII ,28). Но что представляютъ эти боги, являются ли они лишь аспектами созидающаго разума—*σπερματικὸς λόγος*, о которомъ учили стоики и на котораго часто ссылается М. Аврелій? Несомнѣнно мы найдемъ у него тенденцію къ монотеизму. Если міръ единъ, то единъ наполняющій его богъ, единъ и общій законъ, едина и истина (VII, 9). Ученіе о посредникахъ между божествомъ и человѣкомъ, та демонологія, которая такъ принялась на почвѣ религіозно-философскаго синкретизма—остается ему чуждой. Общеніе человѣка съ божествомъ осуществляется прежде всего самопознаніемъ, а затѣмъ и молитвой. Повидимому для М. Аврелія первое можетъ замѣнять второе: молитвы есть ея лишь словесное выраженье внутренняго чувства, и какъ таковое она должна быть проста и свободна на подобіе приводимой имъ молитвы аѳинянъ о дождѣ (V, 7).

Но какъ примирить молитву со всеобщимъ предопредѣленіемъ? Эта трудность, непреодолимая лишь для религіознаго утилитаризма. Въ глазахъ М. Аврелія молитва есть символъ покорности человѣка міру, а не средство измѣнить его вѣчный ходъ. Мудрый и въ молитвѣ можетъ лишь сказать природѣ: дай, что хочешь, и возьми, что хочешь (*δὸς ὃ θέλεις, ἀπόλαβε ὃ θέλεις*—X, 14) слова, которыя такъ напоминаютъ обращенье Августина къ Богу: da mihi quod iubes, et iube quod vis. Такое обращенье понятно, если божество или боги не являются простыми равнодушными зрителями мірового процесса—мѣсто, которое имъ соглашалась отвести эпикурейская теологія. Обычная у М. Аврелія дилемма—слѣпой случай или разумная необходимость, выражается иногда въ утвержденьи или отрицаньи божескаго промысла. Второе нечестиво (*οὐχ ὅσιον*), ибо при немъ падаетъ смыслъ всего культа, какъ смыслъ молитвы, но оно логически допустимо и не устраняетъ этической самодѣятельности человѣка (VI, 44). Самъ Маркъ Аврелій однако рѣшительно принимаетъ первое,—и поэтому для

Digitized by Google

него сливаются задачи космодицеи и теодицеи. Зло, которое мы видимъ въ мірѣ, не оправдываетъ ропота ни на природу ни на боговъ: богоборство не только Манфреда и Каина у Байрона, но и Прометея въ стихотвореньи Гете, апеллирующаго отъ жалкихъ и эгоистичныхъ небожителей къ всемогущему времени и вѣчной судьбѣ — должно быть признано возмущеньемъ противъ самаго времени и самой судьбы. Маркъ Аврелій далекъ отъ обычныхъ ссылокъ на цѣлесообразность природы, устроенной къ услугамъ человѣка; онъ чуждъ здѣсь всякаго антропорфизма и отнюдь не склоненъ изображать человѣческую дѣйствительность въ сколько-нибудь розовыхъ краскахъ. Но страданье и зло для насъ перестаютъ быть таковыми, если мы себѣ представимъ всю безконечную эѳемерность нашего существованія въ потокѣ цѣлаго: космическая справедливость не соизмѣрима со справедливостью человѣческой — но она есть справедливость. Въ самыхъ нашихъ жалобахъ, обращенныхъ противъ боговъ, мы предполагаемъ ихъ благую природу: иначе сѣтовать на нихъ былобы столь же безумно, какъ сѣтовать па бездушные атомы (XII, 5). Марка Аврелія не удовлетворила бы теодицея, которая дается въ книгѣ Іова и которая выводитъ всемогущую божественную волю за предѣлы добра и зла—и добро и зло суть какъ-бы лишь установленья этой воли. Мораль имѣетъ нѣкоторое самостоятельное существованіе отъ религіи; она возможна и при скептицизмѣ, хотя послѣдній для нея неблагопріятная почва: какъ говорится въ платоновскомъ Эвтифронѣ, святое не потому свято, что его желаютъ боги, а потому его и желалаютъ боги, что оно свято. Поэтому для М. Аврелія не требуются религіозно-метафизическихъ постулатовъ въ смыслѣ Канта. Мораль не теряетъ смысла, если мы окружены лишь безконечностью и атомами.

Мѣсто человѣка въ мірѣ изображается въ Размышленіяхъ въ двухъ какъ бы противоположныхъ аспектахъ. Съ одной стороны постоянно возвращаются напоминанія о всей эѳемерности

Digitized by Google

человѣческой жизни. Земля есть лишь точка въ безконечномъ пространствѣ, Европа и Азія лишь уголки міра, человѣкъ—ничтожный мигъ времени. „Всегда вспоминай, сколько умерло врачей, такъ часто хмурившихъ брови надъ ложемъ больного, сколько астрологовъ, съ важнымъ видомъ предсказывавшихъ другимъ смерть, сколько философовъ, разсуждавшихъ о смерти и безсмертіи, сколько воителей, уничтожившихъ множество людей, сколько тирановъ, пользовавшихся своей властью надъ чужими жизнями такъ, какъ будто бы они были сами безсмертны, сколько умерло, такъ сказать, цѣлыхъ городовъ, подобныхъ Геликіи, Помпеѣ, Геркулану и безчисленному множеству другихъ“ (IV, 48). Огромное большинство исчезаетъ изъ памяти окружающихъ; лишь нѣкоторые превращались въ миѳы, но и эти миѳы обречены на забвеніе (*οἱ δὲ εἰς μύθους μεταβαλόντες, οἱ δὲ ἤδη καὶ ἐκ μύθων ἐξίτηλοι* VIII, 25). Нѣтъ болѣе суетной заботы, чѣмъ забота о посмертной славѣ. Реаленъ лишь настоящій мигъ — но что онъ значитъ передъ лицомъ безконечности въ прошломъ и безконечности въ будущемъ? И все-таки человѣческій духъ есть высшее, что мы находимъ въ мірѣ; по образцу его мы представляемъ душу цѣлаго (VI, 14, XII, 32). Предвосхищая Августина и Петрарку, Маркъ Аврелій зоветъ человѣка искать уединенья не столько среди деревенскаго простора, въ горахъ, на берегахъ морей, сколько уходя внутрь самого себѣ, въ свою душу. Человѣкъ не есть его поступки; вся его цѣнность лежитъ въ его душѣ. Намъ недостаточно знать, какъ Сократъ умеръ, какое онъ выказалъ искусство въ спорахъ съ софистами, какую выносливость къ ночной стужѣ, какое благородное мужество въ отказѣ исполнить приказъ объ арестѣ невиннаго человѣка — намъ нужно еще знать его душу, исполненъ ли онъ былъ справедливости къ людямъ и святости передъ богами (VII, 66) И опять таки М. Аврелій и здѣсь остается чуждымъ какому-либо антропологическому догматизму; нельзя признать за послѣдній указанье, что человѣку присущи три элемента:

Digitized by Google

тѣлесный, жизненный и разумный—*σωματικὸν, πνευματικὸν* и *νοῦς* (XII, 3), или что душѣ присуща сферическая форма (XI, 12). Господствующій мотивъ М. Аврелія и здѣсь чисто этическій.

Человѣкъ есть частица міра; его поведенье входитъ въ общій планъ судьбы или промысла. „Стремленья къ невозможному безумно". Но возможно ли, чтобы злые люди не поступали какъ злые? (V, 17). Самое чувство гнѣва должно падать, когда мы вспомнимъ, что порочный не могъ дѣйствовать вопреки своей природѣ. Но это не значитъ, чтобы у человѣка была отнята всякая свобода и съ него снята всякая отвѣтственность. Маркъ Аврелій подошелъ къ великой философской проблемѣ необходимости и свободы, разрѣшить которую въ предѣлахъ стоическаго детерминизма, онъ естественно не былъ въ состояніи. Его пониманье этики осталось слишкомъ интеллектуалистическимъ, какъ то было и у Сенеки, и у Эпиктета, какъ можно сказать вся древняя этика при свѣтѣ нашего религіознаго и философскаго опыта представляется проникнутой интеллектуализмомъ. Грѣхъ—въ основѣ заблужденье и незнанье. И въ глазахъ М. Аврелія, не по своему выбору, но всегда вопреки себѣ человѣческая душа лишается истины — равнымъ образомъ справедливости, благополучія, кротости. Какъ всегда въ интеллектуалистической этикѣ проблема зла лишается своей трагической безвыходности, и нѣтъ необходимости въ искупленьи, которое превышало бы человѣческія силы. Съ другой стороны фатализмъ М. Аврелія совершенно свободенъ отъ той безпощадности въ оцѣнкѣ заблуждающихся и погрѣшающихъ, которая такъ часто вырабатывается на почвѣ религіозной вѣры въ предопредѣленье—хотя бы въ кальвинизмѣ.

Философія даетъ человѣку возможность постигнуть свое мѣсто въ мірѣ и исполнить свои обязанности. Она дѣлаетъ это, вовсе не требуя отъ своего послѣдователя слѣпо замкнуться въ ученіе единой школы: ничто такъ ни чуждо М. Аврелію какъ духъ философскаго сектантства и педантизма, отъ котораго не

Digitized by Google

вполнѣ былъ свободенъ Сенека. Дѣло философіи просто и скромно (*ἁπλοῦν ἐστι καὶ αἰδῆμον τὸ φιλοσοφίας ἔργον*); она не увлечетъ своего послѣдователя на путь тщеславія. Можетъ ли она, столь могущественная и царственная въ глазахъ М. Аврелія, передѣлать человѣка? Если порочность послѣдняго вытекаетъ изъ сознанія, развѣ нельзя ему дать знаніе, переубѣдить? Теоретически Маркъ Аврелій это признаетъ: человѣкъ не долженъ смотрѣть на своего согрѣшающаго собрата, какъ на неисправимаго, и если ему не удается удержать другого отъ зла, онъ долженъ обвинять самого себя. Это требованье, которое не допуститъ человѣкъ до поспѣшныхъ осужденій и недостойнаго гнѣва, но оправдывается ли жизненнымъ опытомъ такая способность переубѣжденья? Опытъ автора Размышленій не оставлялъ здѣсь для него мѣста иллюзіямъ. „Люди будутъ дѣлать то же самое, хотя бы ты передъ ними разорвался на части“ (VIII, 4). Не оказалась ли всякая философія безсильной измѣнить вкусы Коммода? Мораль основана на покорности человѣка природѣ въ цѣломъ. Она создаетъ то качество духа, которое М. Аврелій называетъ простотой: человѣкъ долженъ быть простымъ (*σεαυτὸν μὴ τάρασσε; ἁπλοῦν σεαυτόν* IV, 26). Здѣсь имѣется въ виду не только отсутствіе лишняго, тѣмъ болѣе роскошнаго во внѣшней жизни — этого рода простота представлялась Марку Аврелію дѣломъ здороваго вкуса, — но именно внутреннее настроеніе чуждое всякой аффектаціи и раздвоенности. Ни философія, ни боги не предъявляютъ къ людямъ преувеличенныхъ требованій. Не чувствуется ли здѣсь и утомленье передъ множествомъ условностей, которое несетъ съ собой культура?

Эта душа, безпритязательная и покорная провидѣнью, на зло можетъ отвѣчать только добромъ. М. Аврелій не перестаетъ проповѣдовать кроткое благожелательное отношенье къ людямъ вообще, въ томъ числѣ и къ врагамъ. „Люби человѣческій родъ. Слѣдуй богу“. (VII, 31). Даже ненавидящіе тебя—по природѣ твои друзья (IX, 26). Гнѣвъ, обезображивающій черты человѣческаго

Digitized by Google

лица, искажаетъ и нашъ духовный обликъ. Дополняя тѣ мотивы, которыя хотѣлъ дать человѣку для борьбы съ гнѣвливостью Сенека въ De ira, М. Аврелій предлагаетъ, по числу Музъ, девять memento, которыя бы должны представляться памяти, когда встрѣчаешь злыя дѣла. Здѣсь напоминанье и о собственномъ грѣхѣ, и о незнаньи, какъ источникѣ зла, и о кратковременности человѣческой жизни — и особенно о всепобѣждающей силѣ доброты, когда она искренна. „Что сдѣлаетъ тебѣ разнузданный насильникъ, если ты останешься неизмѣнно благожелательнымъ къ нему и когда представится случай, будешь его кротко вразумлять, и въ ту самую мнnуту, когда онъ захочетъ тебѣ сдѣлать зло, спокойно ему скажешь: „сынъ мой, не поступай такъ; мы рождены для другого. Ты принесешь вредъ не мнѣ, а себѣ". (XI, 18).

Вотъ новыя слова и новыя чувства. Идеалъ любви и всепрощеніе—это не идеалъ ни античной религіи, ни античной философіи въ ея классическій періодъ. У Артемиды не дрогнула рука, когда она поражала дѣтей Ніобеи, ни у Аполлона, когда онъ сдиралъ кожу съ Марсія. Среди кардинальныхъ добродѣтелей Платона не отведено мѣста кротости и добротѣ. Настроенія, которыя, повидимому, были такъ знакомы Востоку, отголоски которыхъ можно найти въ древнемъ Китаѣ, Индіи, Іудеи — странно чужды классической древности. Они высказывались чаще на ея закатѣ—въ эпоху религіознаго и моральнаго спикритизма: здѣсь открывается великая заслуга римскаго стоицизма, какъ онъ запечатлѣлся въ произведеніяхъ Сенеки, Музонія, Эпиктета, и какъ онъ повліялъ на М. Аврелія. Въ своемъ первоначальномъ видѣ нравственная доктрина стоиковъ заключала слишкомъ много безжизненнаго ригоризма, при которомъ между чистой добродѣтелью и чистымъ порокомъ не существуетъ никакой середины и всѣ уклоненія отъ добродѣтели равно важны. Беря примѣръ, приводимый Цицерономъ, не значило ли это, что убить своего отца, или зарѣзать пѣтуха суть дѣйстія, подлежащія равному осужде-

Digitized by Google

нію? Съ другой стороны позднѣе изъ ученья о безразличныхъ вещахъ (*ἀδιάφορα*) выработалась мелочная, чисто іезуитская казуистика. Отъ нихъ въ одинаковой степени удаленъ гуманный идеализмъ М. Аврелія и его указанныхъ предшественниковъ. Какъ уже указывалось, этотъ идеализмъ вовсе не предполагался фальшивой идеализаціи человѣческой природы. Лесть столь же недопустима, какъ гнѣвъ. Человѣкъ долженъ быть добръ и терпѣливъ съ людьми, но отъ него нельзя требовать, чтобы онъ близко къ нимъ подходилъ (*ἀνθρώπους δὲ εὖ ποιεῖν καὶ ἀνέχεσθαι αὐτῶν καὶ ἀπέχεσθαι*—V, 33).

Было бы однако ошибочно думать, что этика Размышеній—чисто пассивна, что она требуетъ отъ людей только покорности и терпѣнья. Сама кратковременность жизни есть призывъ человѣка къ работѣ (III, 1); добро какъ и зло, добродѣтель какъ и порокъ не въ претерпѣваньи, а въ дѣятельности (*οὐχ ἐν πείσει ἀλλ ἐνεργείᾳ*—IX, 16), да и самое воздержаніе отъ дѣйствія въ иныхъ обстоятельствахъ обнаруживаетъ порочность (IX, 5). Столь добросовѣстный въ исполненьи своихъ жизненныхъ обязанностей М. Аврелій отнюдь не склоненъ освободить отъ нихъ человѣка подъ предлогомъ, что онъ достигъ полнаго философскаго пониманья. Ему вполнѣ чужда идея мистической аристократіи духа, которую мы такъ часто встрѣчаемъ въ исторіи религіи, и которая такъ свойственна была неоплатонизму. Личное положеніе императора слишкомъ научило его видѣть въ человѣкѣ „политическое животное“, выражаясь словами Аристотеля, въ его морали много отведено соціальнымъ обязанностямъ; въ этомъ онъ идетъ дальше и Сенеки и Эпиктета. Благо отдѣльнаго человѣка не можетъ расходиться съ благомъ общества: „пока не терпитъ вреда государство, не терплю его и я“ (V, 22), какъ съ другой стороны неполезное улью, не можетъ быть полезно пчеламъ (VI, 54). Мужъ, гражданинъ, римлянинъ, императоръ, долженъ стоять на посту, ожидая звука трубы, который призоветъ его изъ жизни (III, 5).

Digitized by Google

Но эти соціальныя обязанности не ограничиваются стѣнами родного города, они охватываютъ все человѣчество и превращаются въ часть отношенія человѣка къ міру. Римскій императоръ въ своемъ универсализмѣ не разошелся съ фригійскимъ рабомъ. Если Аристофанъ заставляетъ актера говорить „о возлюбленный городъ Кекропса", то еще правильнѣе будетъ сказать „о возлюбленный городъ Зевса" (IV, 23). Человѣкъ есть гражданинъ высшаго града, относительно котораго остальныя государства—какъ бы отдѣльные дома (ὥσπερ οἰκίαι—III, 11). Этотъ высшій градъ стоиковъ, съ которыми люди связаны въ силу естественнаго закона, болѣе основного, чѣмъ случайные распорядки историческаго государства, и въ то же время закона божественнаго—подготовляетъ образъ августиновскаго града Божія. Но своеобразіе нравственно-политическаго ученія М. Аврелія заключается въ томъ, что космополитизмъ не устраняетъ текущихъ гражданскихъ обязанностей и не разлагаетъ государственной дисциплины.

Эта возвышенная мораль, мужественная и въ то же время человѣколюбивая—имѣетъ ли какую-нибудь санкцію? Маркъ Аврелій обѣщаетъ ея послѣдователямъ лишь одну награду — полное спокойствіе духа, при которомъ человѣкъ уже не нуждается ни въ одиночествѣ, ни въ многолюдствѣ, когда достигнуто полное равновѣсіе и внутри и во внѣ—съ окружающимъ міромъ (III, 7). Но подобное спокойствіе такъ же эѳемерно во времени, какъ и сама жизнь. Что остается отъ моральныхъ призывовъ передъ лицомъ всемогущей смерти? Безконечная важность этого вопроса нимало не укрывалась отъ М. Аврелія и онъ никогда бы не согласился со Спинозой, что мудраго должна заботить жизнь, а не смерть. Вѣдь смерть отбрасываетъ тѣнь на всю человѣческую жизнь, и никакое сіяніе послѣдней не можетъ этой тѣни разсѣять. Чувство, которое составляетъ едва ли не самый глубокій лейтмотивъ въ отношеньи къ міру у Л. Н. Толстого—проникаетъ всю душу римскаго императора. Выработка разумнаго, нравствен-

Digitized by Google

наго, философскаго, религіознаго взгляда на смерть — всѣ эти эпитеты въ основѣ тождественные — составляетъ главную тему Размышленій.

И прежде всего человѣкъ долженъ понять, что самый уходъ изъ міра не есть что-либо страшное и печальное. Съ одной стороны жизнь есть безконечное повтореніе: тотъ, кто видѣлъ сегодняшній день, видѣлъ вѣчность (VI, 37, 46). Марку Аврелію, какъ и стоическому міровоззрѣнью вообще, чужда идея прогресса; человѣкъ, умирая, не чувствуетъ того, что судьба не довела его найти новые, лучшіе дни на землѣ; самое настроеніе, такъ сказать, здѣсь питается образами кругообразнаго движенья и вѣчнаго возврата. Съ другой весь міръ есть непрерывное измѣненіе (*ὁ κόσμος, ἀλλοίωσις*—IV, 3), вѣчный гераклитовскій потокъ, гдѣ смерть по существу не отличается отъ рожденія; оба они одинаково для людей таинственны и одинаково просты (IV, 5). Главное же—и наша жизнь, и жизнь всѣхъ людей, представленная на фонѣ безконечнаго пространства и безконечнаго времени становится ничтожной точкой, однимъ мигомъ; ее можно сравнить со сновидѣньемъ; все проходитъ, какъ дымъ и прахъ; какъ сегодняшнія слова, которыя завтра уже забыты (XII, 27). Въ этихъ мысляхъ, къ которымъ столь часто возвращается М. Аврелій, мы видимъ иногда полное совпаденіе съ Экклезіастомъ (напр. гл. I ст. 9—11)—какъ ни глубоко различіе въ религіозно-моральномъ фонѣ.

Эта мысль о краткости жизни и непрочности всего окружающаго является самымъ могущественнымъ лѣкарствомъ противъ страданій. При ней человѣкъ можетъ ихъ прекратить, добровольно покинувъ жизнь; въ допущеніи самоубійства М. Аврелій слѣдуетъ общей традиціи стоиковъ. Съ какой настойчивостью и разнообразіемъ формъ рекомендуетъ его Сенека. „Видишь ли ты отвѣсную скалу? Внизъ съ нея идетъ путь къ свободѣ. Видишь ли то море, ту рѣку, тотъ источникъ? Тамъ въ ихъ глубинѣ жи-

Digitized by Google

ветъ свобода. Видишь ли ты низкое, засохшее, безплодное дерево? На немъ виситъ свобода. Видишь ли ты свою гортань, свое горло, свое сердце? Все это убѣжище противъ рабства. Если тебѣ эти выходы слишкомъ трудны, если они требуютъ слишкомъ много мужества и силы, и ты спрашиваешь, гдѣ путь къ свободѣ, смотри, туда ведетъ каждая жила въ твоемъ тѣлѣ", „Лучшее установленье вѣчнаго закона то, что входъ въ жизнь намъ данъ одинъ, а выходовъ много... Лишь въ этомъ мы не можемъ жаловаться на жизнь: она не держитъ никого" (epis. 70, 12). Маркъ Аврелій не одобряетъ этого театральнаго исканья смерти, которое, какъ указывалось, онъ приписывалъ христіанамъ (XI, 3); но человѣку, который не можетъ устранить препятствіе, мѣшающее ему жить достойно, онъ предлагаетъ съ миромъ въ душѣ выйти изъ жизни (VIII, 47—*ἄπιθι οὖν ἐκ τοῦ ζῆν εὐμενῆς*). Когда мы вспоминаемъ римскіе саркофаги съ ихъ барельефными изображеніями цвѣтущей, чувственно-веселой жизни, съ ихъ надписями, полными иногда яснаго спокойствія, иногда иронической усмѣшки (саркофагъ Аннія Октавія въ Латеранскомъ музеѣ)— у насъ невольно рождается предположеніе, что разсѣять страхъ смерти великимъ моралистамъ и мыслителямъ тогда было легче, чѣмъ теперь.

Античному міру, какъ это доказано въ блестящей книгѣ Родэ „Psyche" вообще были мало свойственны опредѣленныя представленія о загробной судьбѣ души. Въ своей Апологіи Платонъ заставляетъ Сократа высказывать альтернативу—погруженія въ вѣчный сонъ или личнаго общенья съ ранѣе умершими. Несомнѣнно, что общая тенденція стоицизма неблагопріятствовала идеѣ личнаго безсмертія: не находимъ ея мы и у Марка Аврелія. У него тоже альтернатива, но она отличается отъ сократовской: или душа погибаетъ, или же переходитъ въ другую форму (IV, 3). Если даже со смертью погашается всякое сознаніе, человѣку нѣтъ основанія страшиться этого „ничто". Но какъ и въ пред-

Digitized by Google

шествующихъ альтернативахъ Маркъ Аврелій, не считая возможнымъ абсолютно-достовѣрное рѣшеніе и не ставя отъ него въ абсолютную зависимость прочности человѣческой нравственности, склоняется къ признанью разумной необходимости и божескаго промысла—такъ и здѣсь склоняется къ безличному безсмертію—сліянія человѣческаго духа съ міровымъ разумомъ. Можетъ быть души умершихъ нѣкоторое время наполняютъ воздухъ—согласно стоическому взгляду онѣ обладаютъ извѣстной матеріальностью—какъ тѣла умершихъ наполняютъ землю: потомъ и эти послѣднія сами становятся землей, и души погружаются въ σπερματικὸς λόγος. Личное безсмертіе здѣсь исключено, и М. Аврелій почти готовъ сожалѣть объ этомъ пробѣлѣ въ мірозданьи. „Какъ случилось, что боги, устроившіе все такъ прекрасно и съ такой любовью къ людямъ, просмотрѣли одно: и самые лучшіе изъ людей, вошедшіе въ тѣсное общеніе съ божественнымъ началомъ и всего болѣе приблизившіеся къ нимъ своей святостью и своимъ благочестіемъ, разъ они умрутъ, не рождаются снова, но угасаютъ навсегда". Но это недоумѣнье лишь мимолетно: М. Аврелій слишкомъ вѣрилъ въ мудрость и благость промысла, и если установленъ настоящій порядокъ, значитъ онъ соотвѣтствуетъ благу и гармоніи міра (XII, 5). А если это такъ, то и срокъ жизни каждаго предопредѣлены, „человѣкъ, ты былъ гражданиномъ этого великаго града; не все ли тебѣ равно пять лѣтъ или три года: повиноваться закону приходится одинаково всѣмъ. Что же ужаснаго въ томъ, что изъ града отсылаетъ тебя не тиранъ, не судья неправедный, а природа, тебя въ немъ поселившая. Такъ отпускаетъ со сцены распорядитель взятаго имъ актера. Но вѣдь я провелъ не пять актовъ, а только три? Ты правъ. Но въ жизни три дѣйствія—вся драма. Конецъ опредѣляетъ тотъ, кто ранѣе былъ виновникомъ возникновенія жизни, а теперь виновникъ ея прекращенія: ты же чуждъ тому и другому. Итакъ уйди изъ жизни съ благимъ чувствомъ, какъ благъ и отпускающій тебя".

Digitized by Google

Послѣ столькихъ образовъ ничтожества человѣческой жизни въ міровомъ процессѣ—образовъ, обвѣянныхъ настроеніемъ, напоминающемъ католическій requiem — эти заключительныя, простыя слова: *ἄπιθι οὖν ἵλεως; καὶ γὰρ ὁ ἀπολύων ἵλεως*—звучатъ какъ разрѣшительная молитва, залогъ послѣдняго примиренія.

По словамъ бл. Іеронима „стоики въ весьма многомъ согласны съ нашимъ ученіемъ". Христіанская легенда, которую принималъ уже Тертулліанъ, разсказывала объ общеніи Сенеки и ап. Павла. Мы видѣли, что и М. Аврелій несмотря на несомнѣнные факты преслѣдованія, не былъ причисленъ къ врагамъ христіанства. И въ Размышленіяхъ мы найдемъ много мѣстъ, родственныхъ христіанству. И однако ясно, что въ этомъ стоицизмѣ не заключалось внутреннихъ возможностей стать религіей, преобразующей античный міръ.

Прежде всего даже у М. Аврелія осталось слишкомъ много интеллектуализма. Главное орудіе стоической проповѣди — убѣжденіе и разсужденіе были безсильны заразить массу. Проповѣдникъ можетъ быть полонъ чувства, и все-таки онъ боится обратиться къ чувству. По словамъ М. Аврелія удовольствіе, получаемое отъ пѣнья и танцевъ исчезаетъ, если мы проанализируемъ ихъ элементы (XI, 2). Въ области религіозной этотъ анализъ не есть ли гораздо болѣе могущественное средство разрушенья, чѣмъ созиданья? Религіозное полное обращеніе въ жизни человѣка, которое для него становится вторымъ рожденіемъ, никогда не опредѣляется интеллектуалистической необходимостью — ея нѣтъ въ исторіи Павла и Августина, Франциска и Ратисбонна. Стоицизмъ имѣлъ поэтому слишкомъ мало обаянія для людей, которые какъ разъ въ созданіи и распространеніи великихъ религій играли первенствующую роль. Правда, за то у Марка Аврелія мы найдемъ свободу отъ религіознаго и метафизическаго догматизма: онъ тре-

Digitized by Google

буетъ отъ человѣческаго ума минимальныхъ жертвъ. Но многіе ли могли воспользоваться этой свободой и не оставалось ли у массы здѣсь простого пробѣла? Отмѣченный въ Размышленіяхъ нейтралитетъ между деизмомъ, политеизмомъ и пантеизмомъ рѣшительно недостаточенъ. Сами стоики инстинктивно это чувствовали и старались не разрушать народной религіи; не имѣя возможности совершить религіознаго преобразованія, они принуждены были выступить въ роли религіозныхъ консерваторовъ. Но эта роль по существу имъ несвойственная—вѣдь вульгарное многобожіе никогда не могло бы принять ихъ космологіи—была въ достаточной мѣрѣ неблагодарна среди полнаго религіознаго синкретизма.

Стоицизмъ не способенъ утолить жажды искупленія, которая была однимъ изъ главныхъ стимуловъ этого синкритизма — не способенъ опять-таки уже потому, что для него зло и грѣхъ казались лишь формой познанія. Что давало это человѣку въ томъ состояніи, которое изображаетъ ап. Павелъ: „не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю". Нѣтъ культа, этого источника столькихъ религіозныхъ переживаній. Нѣтъ братской близости, которая создается единствомъ этихъ переживаній, общими увѣренностями, общими надеждами—ибо нѣтъ этихъ увѣренностей и надеждъ. Кротость, которую проповѣдуетъ М. Аврелій, не свободна отъ сознанія собственнаго превосходства: слѣдуетъ любить людей, которые съ огромной вѣроятностью этой любви совсѣмъ не заслуживаютъ. Цельзъ возмущался христіанской моралью, которая послѣднихъ дѣлаетъ первыми, которая даетъ преимущество блудному сыну передъ его достойнымъ братомъ. Но тамъ эта переоцѣнка обычныхъ цѣнностей во имя милосердія, побѣждающаго внѣшнюю справедливость, тамъ признаніе общей грѣховности шли рядомъ съ чувствомъ общаго сыновства, тамъ родоначальникъ христіанской теологіи и первый проповѣдникъ церковной дисциплины могъ вознести любовь выше языковъ ангель-

Digitized by Google

скихъ и человѣческихъ, выше вѣры и надежды (1 Коринѳ. 13). Именно этой восторженности чувства не было у стоицизма. Маркъ Аврелій далъ этикѣ соціальную окраску—но выполняетъ ея завѣты отдѣльный человѣкъ въ своей замкнутости. Для того, чтобы соединить людей въ Вышнемъ градѣ нужно было что-то еще кромѣ общаго происхожденія и естественныхъ правъ, нужно было этотъ общечеловѣческій идеалъ наполнить болѣе непосредственнымъ содержаніемъ.

Наконецъ эта мораль, столь автономная, столь безкорыстная, видѣла свое высшее назначенье въ томъ, чтобы приготовить человѣка къ смерти. Она отказывалась дать ему надежды на загробное существованіе. При свѣтѣ ея философскіе доводы въ пользу безсмертія, которыми напутствовалъ въ Федонѣ умирающій Сократъ своихъ учениковъ, теряютъ силу. Это сліяніе съ космическимъ разумомъ слишкомъ походитъ на полное уничтоженіе. И если самъ М. Аврелій почувствовалъ здѣсь какую-то космическую непонятную несправедливость, то насколько больше могъ ея чувствовать его средній современникъ, у котораго не было такой глубокой покорности, глубокой вѣры въ міровой разумъ. Тѣмъ болѣе, что эта вѣра требовалась въ кредитъ. Если необходимость для М. Аврелія есть провидѣнье, то и провидѣнье принимаетъ оболочку естественной, физической необходимости. Эвдемонистическій инстинктъ въ человѣкѣ не получаетъ никакого удовлетворенья, вѣра въ нравственный міропорядокъ подвергается тяжкимъ испытаніямъ; выдержитъ ли ихъ средній человѣкъ? Тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ выборъ. Эпикурейская философія выработала мудрую діэтетику наслажденій тѣла и духа. Религіозное движенье съ Востока приносило надежду на возрожденье къ высшей лучшей жизни; въ христіанствѣ эта надежда становится увѣренностью. Не чувствуемъ ли мы у самого Марка Аврелія, что стоическая нравственность безсильна преобразовать міръ? Она всегда будетъ удѣломъ немногихъ избранныхъ.

Digitized by Google

При такихъ условіяхъ ясно, что стоицизмъ не могъ остановить поступательнаго шествія христіанства. Его значенье здѣсь нельзя сопоставлять даже съ религіей Митры, въ которой замѣчались такія поразительныя аналогіи съ христіанствомъ, и которая шла на встрѣчу и этой жаждѣ искупленья, и потребности въ обновленномъ культѣ, и тяготѣнью къ мистическому. Отсюда, говоря отвлеченно, могла развиться религія, которая бы охватила массы, болѣе приспособленная къ человѣческой психологіи, чѣмъ манихейство, и болѣе богатая религіознымъ содержаніемъ, чѣмъ исламъ. Передъ стоицизмомъ эти отвлеченныя возможности не существовали. Здѣсь причина благосклонности къ нему христіанскихъ писателей: они готовы были въ немъ увидить блѣдное отраженье христіанской истины, тогда какъ митраизмъ представлялся имъ дьявольскимъ плагіатомъ. Во всякомъ случаѣ стоицизмъ въ большей мѣрѣ подготовлялъ почву для христіанства, чѣмъ его задерживалъ. Имъ широко воспользовались христіанская мысль и христіанская литература, преимущественно на латинскомъ Западѣ, въ особенности разрабатывая систему морали. Наконецъ огромно его косвенное воздѣйствіе черезъ преобразованное римское право, давшее столько образцовъ праву каноническому.

Если же мы отрѣшимся отъ этой культурно-исторической обстановки, въ которыхъ стоической проповѣди были поставлены довольно узкіе предѣлы, если мы возьмемъ Размышленія Марка Аврелія, какъ одно изъ произведеній моральнаго самосознанья, значенье этой книги для насъ можетъ только возрасти. Не связанныя ни съ какими догматами, не пытаясь поднять завѣсы надъ тайной мірового порядка, Размышленія остаются полными содержанья, когда рядъ историческихъ догмъ безвозвратно разрушенъ религіозная по своему господствующему тону мысль М. Аврелія освобождается отъ односторонностей интеллектуализма и сближается съ тѣмъ вѣчнымъ смысломъ, который лежитъ подъ исто-

Digitized by Google

рическими оболочками христіанства. Новая наука также показываетъ человѣку всю эѳемерность его жизни, въ безконечномъ космическомъ времени и пространствѣ; она опровергла его антропоцентрическія притязанья, противъ которыхъ возсталъ М. Аврелій, и обнаружила безчисленныя нити, связывающія его со строеніемъ и процессомъ вселенной. Не идетъ въ разрѣзъ здѣсь и новая этика, которая этому космическому фатализму противопоставляетъ идею достоинства человѣческой личности съ ея религіозными санкціями и ея политическими и соціальными выводами. И наконецъ вся новая культура даетъ человѣчеству одинъ урокъ—терпимости въ высшемъ смыслѣ слова, благодарнаго признанія тѣхъ идеаловъ, которые для сектантски воспитаннаго ума кажутся непримиримо противорѣчивыми. Мы преклоняемся передъ св. Игнатіемъ и передъ Джордано Бруно, передъ Августиномъ и передъ Галилеемъ, передъ Франциском Ассизскимъ и передъ Спинозой—они всѣ сочлены „высшаго града“ человѣческой культуры — и въ этомъ избранномъ обществѣ почетное мѣсто обезпечено и Марку Аврелію.

С. Котляревскій.

Digitized by Google

НАЕДИНѢ СЪ СОБОЙ

РАЗМЫШЛЕНІЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

3. МАРКЪ АВРЕЛІЙ ВЪ ЮНОСТИ.

БЮСТЪ. РИМЪ. КАПИТОЛІЙСКІЙ МУЗЕЙ.

Digitized by Google

4. МАРКЪ АВРЕЛІЙ ВЪ ЮНОСТИ.

СТАТУЯ. РИМЪ. ВИЛЛА АЛЬБАНИ.

Digitized by Google

КНИГА ПЕРВАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Дѣду Веру[1] я обязанъ сердечностью и незлобивостью (1).

Славѣ родителя[2] и оставленной имъ по себѣ памяти—скромностью и мужественностью (2).

Матери[3]—благочестіемъ, щедростью и воздержаніемъ не только отъ дурныхъ дѣлъ, но и отъ дурныхъ помысловъ. А также и простымъ образомъ жизни, далекимъ отъ всякаго роскошества (3).

Прадѣду[4] — тѣмъ, что не[5] посѣщалъ публичныхъ школъ, пользовался услугами прекрасныхъ учителей на дому и понялъ, что на это не слѣдуетъ щадить средствъ (4).

Воспитателю[6]—тѣмъ, что не интересовался исходомъ борьбы между Зелеными и Голубыми, или между гладіаторами ѳракійскаго и гальскаго вооруженія, что выносливъ въ трудахъ, довольствуюсь малымъ, не поручаю своего дѣла другому, не берусь за множество дѣлъ и невоспріимчивъ къ клеветѣ[7] (5).

Діогнету[8]—нелюбовью заниматься пустяками и невѣріемъ въ розсказни чудотворцевъ и волшебниковъ о заклинаніяхъ, изгнаніи бѣсовъ и тому подобныхъ вещахъ, тѣмъ, что не разводилъ перепеловъ[9] и не увлекался ничѣмъ подобнымъ, и тѣмъ, что меня

Digitized by Google

не выводитъ изъ себя свободное слово, что я отдался философіи и слушалъ вначалѣ Евтихія, затѣмъ Андрона и Меціана [10], уже ребенкомъ писалъ діалоги и почувствовалъ влеченіе къ простому ложу, звѣриной шкурѣ и прочимъ принадлежностямъ греческаго образа жизни [11] (6).

Рустику [12]—тѣмъ, что пришелъ къ мысли о необходимости исправлять и образовывать характеръ, не проникся духомъ софистики, не занимался сочинительствомъ теорій, не держалъ увѣщательныхъ рѣчей, не разыгрывалъ напоказъ ни страстотерпца, ни общаго благодѣтеля, не увлекался ни риторикой, ни поэтикой, ни краснобайствомъ, не разгуливалъ дома въ стóлѣ [13] и не дѣлалъ ничего подобнаго. Благодаря ему я пишу письма безъ всякихъ затѣй, вродѣ того, которое онъ самъ написалъ моей матери изъ Синуессы [14], всегда готовъ примириться съ оскорбителями и обидчиками, лишь только они сдѣлаютъ первый шагъ, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностнымъ обзоромъ, не соглашаюсь тотчасъ же съ людьми сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился съ воспоминаніями объ Эпиктетѣ [15], которыми онъ ссудилъ меня изъ своей библіотеки (7).

Аполлонію [16]—свободой и рѣшимостью и тѣмъ, что неуклонно не взираю ни на что, кромѣ какъ на разумъ, и всегда остаюсь себѣ вѣрнымъ, при жестокой боли, при потерѣ ребенка, въ опасной болѣзни. Благодаря ему я на живомъ примѣрѣ ясно увидѣлъ, что въ одномъ и томъ же лицѣ величайшая настойчивость можетъ ужиться со снисходительностью, благодаря ему я не выхожу изъ себя, когда приходится растолковывать что-либо, видѣлъ человѣка, который умѣнье и сноровку въ передачѣ познаній почиталъ наименьшимъ изъ своихъ достоинствъ, и понялъ, какимъ образомъ слѣдуетъ принимать отъ друзей такъ называемыя услуги,

Digitized by Google

не оставаясь въ вѣчномъ долгу изъ-за нихъ, но и не оставляя ихъ равнодушно безъ вниманія (8).

Сексту [17]—благожелательностью, образцомъ дома, руководимаго отцомъ семейства, рѣшеніемъ жить согласно природѣ, безыскусственной серьезностью, заботливымъ отношеніемъ къ друзьямъ, запасомъ терпѣнія въ отношеніи къ людямъ невѣжественнымъ и опрометчиво судящимъ [18] и умѣньемъ со всѣми ладить: общеніе съ нимъ было пріятнѣе всякой лести, и въ то же время онъ пользовался у этихъ людей величайшимъ уваженіемъ. Онъ училъ меня съ пониманіемъ и методически отыскивать и располагать необходимыя для жизни основоположенія (*δόγματα*), не выказывать признаковъ гнѣва или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобиліе съ полнѣйшей свободой отъ страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаніями, не выставляя ихъ напоказъ (9).

Александру грамматику [19]—воздержаніемъ отъ упрековъ и обидныхъ замѣчаній по адресу людей, обмолвившихся какимъ-либо варварскимъ, ошибочнымъ или неблагозвучнымъ выраженіемъ: въ подобныхъ случаяхъ я, слѣдуя ему, стараюсь употребить правильное выраженіе въ формѣ ли отвѣта, подтвержденія, совмѣстнаго изслѣдованія самого предмета, а не оборота рѣчи, или же посредствомъ какого либо другого умѣстнаго пріема напоминанія (10).

Фронтону [20]—пониманіемъ того, каковы злорадство, коварство и лицемѣріе, присущія тиранніи, и того, насколько, въ общемъ, чѣрствы душой люди, слывущіе у насъ аристократами (11),

Александру платонику [21]—тѣмъ, что не часто и не безъ необходимости ссылаюсь на недосугъ, какъ въ разговорѣ съ кѣмъ-

Digitized by Google

нибудь, такъ и въ письмахъ, и не пренебрегаю, такимъ образомъ, постоянно, подъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ, обязанностями по отношенію къ ближнимъ (12).

Катулу [22]—тѣмъ, что не оставляю безъ вниманія жалобы друзей, даже если онѣ неосновательны, но стремлюсь, по возможности, все уладить попрежнему, что отъ чистаго сердца воздаю хвалу учителямъ, какъ это дѣлали, судя по воспоминаніямъ, Домицій и Атенодотъ [23], а также истинной любовью къ дѣтямъ (13).

Брату моему Северу [24]—любовью къ домашнимъ, къ истинѣ и справедливости, знакомствомъ, черезъ его посредство, съ Тразеемъ, Гельвидіемъ, Катономъ, Діономъ и Брутомъ [25], представленіемъ о государствѣ съ равнымъ для всѣхъ закономъ, управляемомъ согласно равенству и равноправію всѣхъ, и царствѣ, превыше всего чтущемъ свободу подданныхъ. Ему же я обязанъ и тѣмъ, что неизмѣнно чту философію, дѣлаю добро, постояненъ въ проявленіяхъ щедрости, исполненъ благихъ надеждъ и вѣрю въ любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, онъ не скрывалъ этого, а его друзьямъ не приходилось догадываться, чего онъ хочетъ или не хочетъ, но это всѣмъ было ясно (14).

Максиму [26]—самообладаніемъ, настойчивостью, бодростью въ болѣзняхъ и другихъ невзгодахъ, уравновѣшенностью, мягкостью и достоинствомъ характера, рвеніемъ въ исполненіи стоящихъ на очереди дѣлъ; что бы онъ ни говорилъ, всѣ вѣрили въ его искренность, что бы ни дѣлалъ,—въ отсутствіе злого умысла. Ему же я обязанъ тѣмъ, что ничему не удивляюсь и ничѣмъ не поражаюсь, ни въ чемъ не проявляю ни спѣшки, ни медлительности, ни растерянности, ни унынія, ни злорадства, ни гнѣва, ни мнительности, и тѣмъ, что преданъ добру, готовъ отпустить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю вѣрность своему долгу послѣдующему

Digitized by Google

исправленію, соблюдаю благопристойность и въ шуткахъ: никто не считалъ себя презираемымъ имъ, но никто не рѣшался и счесть себя выше его (15).

Отцу своему [27]—кротостью и непоколебимой твердостью въ рѣшеніяхъ, принятыхъ по зрѣломъ обсужденіи, отсутствіемъ интереса къ мнимымъ почестямъ, любовью къ труду и старательностью, внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, имѣющимъ внести какое-либо общеполезное предложеніе, неуклоннымъ воздаваніемъ каждому по его достоинству, знаніемъ, гдѣ нужны мѣры строгости, а гдѣ кротости, искорененіемъ любви къ мальчикамъ, преданностью общимъ интересамъ. Онъ разрѣшилъ своимъ друзьямъ даже вовсе не присутствовать на его обѣдахъ и не принуждалъ ихъ сопровождать его въ путешествіяхъ. Если кто отлучался по дѣламъ, то, возвращаясь обратно, находилъ его расположеннымъ къ себѣ попрежнему. Во время совѣщаній онъ настаивалъ на изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и не спѣшилъ положить конецъ обсужденію, довольствуясь первымъ встрѣтившимся рѣшеніемъ. Онъ старался сохранить своихъ друзей, не мѣняя ихъ по капризу, но и не обнаруживая къ нимъ чрезмѣрнаго пристрастія. Увѣренность въ своихъ силахъ и бодрость были его постоянными спутниками. Онъ предвидѣлъ отдаленныя событія и предусматривалъ самыя ничтожныя обстоятельства, не кичась этимъ. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Онъ всегда былъ на стражѣ государственныхъ нуждъ и бережно тратилъ общественныя средства, не боясь упрековъ за это. Ему были равно чужды, какъ суевѣріе по отношенію къ богамъ, такъ и заискиваніе и угожденіе по отношенію къ людямъ или потаканіе черни — наоборотъ, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которыя красятъ жизнь, и которыми судьба одарила его въ изобиліи, то онъ пользовался ими безъ

Digitized by Google

тщеславія, но и безъ скупости, такъ что, пользуясь безпритязательно тѣмъ, что имѣлось на лицо, онъ не нуждался въ томъ, чего не было. Никто не могъ про него сказать, что онъ софистъ, болтунъ или педантъ, но всякій долженъ былъ признать въ немъ человѣка зрѣлаго, совершеннаго, недоступнаго лести, способнаго устроить и свои дѣла, и чужія. Кромѣ того, онъ умѣлъ цѣнить истинныхъ философовъ, къ остальнымъ же относился безъ пренебреженія, хотя и не давался имъ въ обманъ. Отличаясь привѣтливостью, онъ не прочь былъ и пошутить, но никогда не переходилъ границъ. Онъ заботился должнымъ образомъ и о своемъ тѣлѣ, не какъ человѣкъ, цѣпляющійся за жизнь, не стремясь къ внѣшней красотѣ, но и не оставляя его въ небреженіи; своимъ вниманіемъ къ нему онъ имѣлъ въ виду достичь того, чтобы возможно менѣе нуждаться во врачебномъ искусствѣ или же во внутреннихъ и наружныхъ лѣкарствахъ. Но особенно замѣчательна та готовность, съ которой онъ признавалъ превосходство людей, пріобрѣтшихъ особую авторитетность въ какой-нибудь области, напримѣръ, въ краснорѣчіи, познаніи законовъ, нравовъ или еще чего-нибудь; онъ даже прилагалъ всѣ усилія, чтобы каждый изъ нихъ получилъ извѣстность въ мѣру своихъ дарованій. Во всемъ блюдя завѣты отцовъ, онъ въ то же время даже не старался казаться слѣдующимъ имъ. Кромѣ того, ему были чужды непостоянство и непосѣдливость, и онъ подолгу оставался въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ. Послѣ жестокихъ припадковъ головной боли онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, со свѣжими силами принимался за обычныя дѣла. Секретовъ у него было очень мало, да и тѣ относились только къ общественнымъ дѣламъ. Въ устройствѣ зрѣлищъ, возведеніи зданій, въ своихъ щедротахъ и тому подобномъ онъ проявлялъ благоразуміе и умѣренность. Во всякомъ поступкѣ его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Онъ не пользовался банями не въ урочное время, не

Digitized by Google

увлекался постройкой зданій, былъ непритязателенъ въ вопросѣ о ѣдѣ, о ткани и цвѣтѣ одеждъ, о красотѣ рабовъ. Обыкновенно въ Лоріумѣ онъ носилъ стóлу, изготовленную въ сосѣдней деревнѣ, въ Ланувіумѣ, по большей части, ходилъ одѣтымъ въ хитонъ, въ Тускуланѣ же носилъ плащъ, считая нужнымъ извиняться въ этомъ—и таковъ онъ былъ во всемъ [28]. Не было въ немъ ничего грубаго, непристойнаго, необузданнаго, ничего такого, что позволило бы говорить объ „усердіи не по разуму"; наоборотъ, онъ все обсуждалъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ бы на досугѣ, спокойно, держась извѣстнаго порядка, терпѣливо, сообразуясь съ самимъ дѣломъ. Къ нему вполнѣ можно было бы примѣнить то, что повѣствуется о Сократѣ: онъ могъ, именно, и воздерживаться, могъ и пользоваться всѣмъ тѣмъ, относительно чего большинство людей безсильно въ воздержаніи и неумѣренно въ пользованіи [29]. Но проявлять въ одномъ случаѣ терпѣніе, въ другомъ—воздержаніе, въ третьемъ—трезвость сужденія, достойно человѣка, обладающаго душою совершенной и непреклонной. Именно такимъ показалъ онъ себя во время болѣзни Максима (16).

Богамъ—тѣмъ, что у меня хорошіе дѣды, хорошіе родители, хорошая сестра, хорошіе учителя, хорошіе домочадцы, родственники, друзья, почти всѣ окружающіе, и тѣмъ, что мнѣ не пришлось обидѣть никого изъ нихъ, хотя у меня такой характеръ, при которомъ я, при случаѣ, и могъ сдѣлать что-нибудь подобное; но, по милости боговъ, не было такого стеченія обстоятельствъ, которое должно было бы меня обличить. Имъ же я обязанъ и тѣмъ, что не долго воспитывался у наложницы дѣда, и что сохранилъ въ чистотѣ свою юность, не возмужалъ раньше времени, а даже запоздалъ въ этомъ отношеніи. Боговъ я долженъ благодарить и за то, что моимъ руководителемъ былъ государь и отецъ, который хотѣлъ искоренить во мнѣ всякое

Digitized by Google

тщеславіе и внѣдрить мысль, что, и живя при дворѣ, можно обходиться безъ тѣлохранителей, безъ пышныхъ одеждъ, безъ факеловъ, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь, весьма близкую къ жизни частнаго человѣка, не относясь поэтому уже съ пренебреженіемъ и легкомысліемъ къ обязанностямъ правителя, касающимся общественныхъ дѣлъ. Ихъ же я долженъ благодарить, далѣе, за то, что у меня былъ братъ[30], который своимъ характеромъ могъ подвигнуть меня на заботу о самомъ себѣ и который въ то же время доставлялъ мнѣ радость своимъ уваженіемъ и любовью ко мнѣ, за то, что мои дѣти не были обижены ни въ умственномъ, ни въ физическомъ отношеніи, и за то, что я не сдѣлалъ большихъ успѣховъ ни въ риторикѣ, ни въ поэтикѣ, ни въ другихъ занятіяхъ, которымъ быть можетъ я бы посвятилъ себя, если бы зналъ за собой бóльшую успѣшность. Богамъ я обязанъ и тѣмъ, что безотлагательно взыскалъ своихъ воспитателей тѣми почестями, которыхъ они, повидимому, добивались, а не ласкалъ ихъ только надеждою, что сдѣлаю это впослѣдствіи, такъ какъ сейчасъ они еще молоды, и тѣмъ, что познакомился съ Аполлоніемъ, Рустикомъ, Максимомъ. Я часто думалъ о жизни согласной съ природой и ясно представлялъ себѣ, какова она. Боги, съ своей стороны, сдѣлали все своими дарами, помощью и внушеніемъ, чтобы я могъ безпрепятственно жить согласно природѣ, и если я не жилъ такъ, то по своей винѣ и потому, что не слѣдовалъ ихъ указаніямъ и чуть-что не прямымъ наставленіямъ—за это я также долженъ быть признателенъ богамъ, равно какъ и за то, что, при такой жизни, мое тѣло не отказалось мнѣ служить до сихъ поръ, и за то, что избѣгъ сближенія съ Бенедиктой и Ѳеодотомъ[31], да и впослѣдствіи быстро исцѣлялся отъ любовныхъ увлеченій; за то, далѣе, что, часто сердясь на Рустика, не сдѣлалъ ничего такого, въ чемъ бы пришлось потомъ раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, послѣдніе годы провела со мною.

Digitized by Google

Благодареніе богамъ и за то, что не было такого случая, чтобы я хотѣлъ помочь бѣдному или же вообще нуждающемуся, но долженъ былъ отказаться отъ этого за неимѣніемъ средствъ, и за то, что самъ никогда не былъ въ такой нуждѣ, чтобы быть вынужденнымъ брать у другихъ, и за то, что у меня такая преданная, любвеобильная, откровенная жена [32], и за то, что никогда не имѣлъ недостатка въ хорошихъ воспитателяхъ для моихъ дѣтей. Имъ же я обязанъ и полученнымъ мною во снѣ указаніемъ средствъ, какъ противъ кровохарканія и головокруженія (что случалось и въ Каэтѣ), такъ и противъ другихъ недуговъ [33], и тѣмъ, что, почувствовавъ влеченіе къ философіи, я не попалъ въ руки какого-нибудь софиста, не увлекся ни исторіей, ни анализомъ силлогизмовъ, не отдался изученію небесныхъ явленій. Ибо для всего этого нужна помощь боговъ и милость судьбы (17).

Страна Квадовъ у Грануи [34].

Digitized by Google

Digitized by Google

5. КОННАЯ СТАТУЯ МАРКА АВРЕЛІЯ.

РИМЪ. КАПИТОЛІЙСКАЯ ПЛОЩАДЬ.

Digitized by Google

6. КОЛОННА МАРКА АВРЕЛІЯ.

РИМЪ. ПЛОЩАДЬ КОЛОННЫ.

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Поутру слѣдуетъ сказать себѣ: „Сегодня мнѣ придется столкнуться съ людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всѣми этими свойствами они обязаны незнанію добра и зла. Я же, послѣ того какъ позналъ и природу добра—оно прекрасно—, и природу зла—оно постыдно—, и природу самого заблуждающагося—онъ родной мнѣ не по крови и общему происхожденію, а по духу и божескому опредѣленію—, я не могу ни потерпѣть вреда отъ кого-либо изъ нихъ—вѣдь никто не можетъ вовлечь меня во что либо постыдное—, ни гнѣваться на родного, ни ненавидѣть его. Ибо мы созданы для совмѣстной дѣятельности, какъ и ноги, руки, вѣки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодѣйствовать другъ другу—противно природѣ: но досадовать на людей и чуждаться ихъ и значитъ имъ противодѣйствовать“ (1).

Чѣмъ бы я ни былъ, я все же только немощное тѣло, слабое проявленіе жизненной силы (*πνεμάτιον*)[1] и руководящее начало (*ἡγεμονικόν*).—Оставь книги, не отвлекайся отъ дѣла, время не терпитъ[2]. Относись же къ твоему тѣлу съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ если бы ты былъ при смерти; оно лишь кровь да кости, бренное плетеніе изъ нервовъ, жилъ и артерій. Разсмотри также существо жизненной силы: оно—дуновеніе, притомъ не остающееся всегда себѣ равнымъ, а ежемгновенно то вы-

Digitized by Google

дыхаемое, то вновь вдыхаемое. Итакъ, остается лишь третье— руководящее начало, и о немъ-то ты долженъ подумать. Ты старъ: не допускай же болѣе его порабощенія, не допускай, чтобы помыкали имъ противообщественныя стремленія, чтобы оно роптало на свой настоящій удѣлъ и приходило въ ужасъ передъ будущимъ (2).

Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникаетъ не безъ участія природы или не безъ связи и соединенія съ тѣмъ, чѣмъ руководитъ промыселъ. Все проистекаетъ изъ этого источника; съ нимъ сопряжены и неизбѣжное, и то, что идетъ на пользу всему міру, коего ты составляешь часть. Для всякой же части природы будетъ благомъ то, что производитъ природа Цѣлаго и что способствуетъ ея поддержанію. Но измѣненія, какъ элементовъ, такъ и сложныхъ тѣлъ, способствуютъ поддержанію міра. Вотъ мысли, которыя должны дать тебѣ удовлетвореніе; пусть же онѣ будутъ твоими основоположеніями. Утишь свою жажду книжнаго знанія, чтобы не роптать, когда придетъ смерть, а умереть, храня благорасположеніе и искренно, отъ всего сердца, благодаря боговъ (3).

Вспомни, съ коихъ поръ ты откладываешь эти размышленія и сколько разъ ты, получивъ у боговъ отсрочку, не воспользовался ею. Но вѣдь слѣдуетъ же тебѣ въ концѣ концовъ сознать, къ какому міру ты принадлежишь, какъ часть, и истеченіемъ какого міроправителя ты являешься; ты долженъ сознать, что положенъ предѣлъ времени твоей жизни, и если ты не воспользуешься этимъ временемъ для своего просвѣщенія, оно исчезнетъ, какъ исчезнешь и ты, и болѣе уже не вернется (4).

Всегда ревностно заботься о томъ, чтобы дѣло, которымъ ты въ данный моментъ занятъ, исполнять такъ, какъ достойно

Digitized by Google

римлянина и мужа, съ полной и искренней серьезностью, съ любовью къ людямъ, со свободой и справедливостью; и о томъ также, чтобы отстранить отъ себя всѣ другія представленія. Послѣднее удастся тебѣ, если ты каждое дѣло будешь исполнять, какъ послѣднее въ своей жизни, свободный отъ всякаго безразсудства, отъ обусловленнаго страстями пренебреженія къ велѣніямъ разума, отъ лицемѣрія, себялюбія и недовольства своей судьбой. Ты видишь, какъ немногочисленны требованія, исполнивъ которыя, всякій сможетъ жить блаженной и божественной жизнью. Да и сами боги отъ того, кто исполняетъ эти требованія, ничего больше не потребуютъ (5).

Ну, что-жъ, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Вѣдь отнестись къ себѣ съ должнымъ вниманіемъ ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя же жизнь уже на исходѣ, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствіе въ зависимость отъ душъ другихъ людей (6).

Пусть не разсѣиваетъ тебя приходящее къ тебѣ извнѣ![3]. Создай себѣ досугъ для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать безъ цѣли. Слѣдуетъ беречься также и другого тяжкаго заблужденія. Вѣдь безумны люди, которые всю жизнь безъ силъ отъ дѣлъ и не имѣютъ все-таки цѣли, съ которой они сообразовали бы всецѣло всѣ стремленія и представленія (7).

Не легко указать на кого-либо, кто сталъ бы несчастнымъ отъ того, что былъ невнимателенъ къ происходящему въ чужой душѣ. Но неизбѣжно будетъ несчастенъ тотъ, кто не слѣдитъ за движеніями своей собственной души (8).

Всегда слѣдуетъ помнить о томъ, какова природа Цѣлаго, какова моя природа, каково отношеніе второй къ первой и ка-

Digitized by Google

кой частью какого Цѣлаго она является, а также о томъ, что никто не можетъ помѣшать всегда дѣйствовать и говорить согласно природѣ, часть которой ты составляешь (9).

Ѳеофрастъ, расцѣнивая различные проступки (поскольку такая расцѣнка возможна съ обычной точки зрѣнія)[4], замѣчаетъ, какъ истинный философъ, что проступки, содѣянные по влеченію, болѣе тяжки, чѣмъ проступки, содѣянные подъ вліяніемъ гнѣва. Вѣдь гнѣвающійся, отвращаясь отъ разума, испытываетъ, повидимому, какую-то горечь и тайное сокрушеніе, прегрѣшающій же по влеченію, не будучи въ силахъ устоять передъ соблазномъ наслажденія, проявляетъ, повидимому, въ своихъ проступкахъ бо́льшую распущенность и изнѣженность. Правильно, поэтому, и достойно философіи, Ѳеофрастъ рѣшилъ, что большаго порицанія заслуживаетъ проступокъ, сопряженный съ наслажденіемъ, нежели сопряженный съ горемъ. Вообще одинъ изъ этихъ людей подобенъ скорѣе тому, кого вызвало на гнѣвъ чувство горечи, связанное съ причиненной ему ранѣе несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится къ несправедливости, увлекаемый своимъ вожделѣніемъ къ какому-нибудь дѣйствію (10).

Все слѣдуетъ дѣлать, обо всемъ говорить и помышлять такъ, какъ будто каждое мгновеніе можетъ оказаться для тебя послѣднимъ. Если боги существуютъ, то выбыть изъ числа людей вовсе не страшно: вѣдь боги не ввергнутъ тебя во зло. Если же боговъ не существуетъ, или имъ нѣтъ дѣла до людей, то что за смыслъ мнѣ жить въ мірѣ, гдѣ нѣтъ боговъ или нѣтъ промысла? Но боги существуютъ и проявляютъ заботливость по отношенію къ людямъ. Они устроили такъ, что всецѣло отъ самого человѣка зависитъ, впасть или не впасть въ истинное зло. А если зломъ является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы отъ каждаго зависѣло не впасть въ оное. Но

Digitized by Google

то, что не дѣлаетъ худшимъ человѣка, можетъ ли сдѣлать худшей жизнь человѣческую? Природа Цѣлаго не могла оплошать такимъ образомъ ни по невѣдѣнію, ни по безсилію предупредить или исправить, въ случаѣ если она обладаетъ всезнаніемъ; не могла бы она также ни по безсилію, ни по неумѣлости, допустить такую ошибку, какъ распредѣленіе благъ и золъ между всѣми людьми безъ разбора, какъ между хорошими, такъ и между дурными. Смерть же и жизнь, слава и безчестье, страданіе и наслажденіе, богатство и бѣдность—все это одинаково выпадаетъ на долю какъ хорошимъ людямъ, такъ и дурнымъ. Все это не прекрасно и не постыдно, а слѣдовательно не благо и не зло (11).

Какъ быстро все исчезаетъ: самыя тѣла въ мірѣ, память о нихъ въ вѣчности! Каково все воспринимаемое чувствами, въ особенности то, что манитъ насъ наслажденіемъ, или отпугиваетъ страданіемъ, или прославляется тщеславіемъ? Какъ все это ничтожно, презрѣнно, низменно, бренно и мертво! Вотъ на что слѣдуетъ направить способность мышленія. Что представляютъ собою тѣ, убѣжденія и голоса которыхъ рождаютъ славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себѣ и отвлечься отъ всего, что вымышлено по ея поводу, то тотчасъ же убѣдишься, что она не что иное, какъ дѣйствіе природы. Бояться же дѣйствія природы—ребячество; смерть же не только дѣйствіе природы, но и дѣйствіе полезное ей.

Какъ и какою частью своего существа соприкасается человѣкъ съ богомъ, и что дѣлается съ этой частью по ея отдѣленіи? [5] (12).

Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, нежели человѣкъ, измѣряющій все вдоль и поперекъ, пытающійся, какъ говоритъ поэтъ, проникнуть въ „глубины подземныя“ [6] и разгадать тайну душъ окружающихъ его людей и однако не сознающій, что для него вполь-

Digitized by Google

нѣ достаточно общенія съ однимъ только внутреннимъ геніемъ и честнаго служенія ему. Послѣднее же заключается въ томъ, чтобы оберечь его отъ страстей, безразсудства и недовольства дѣлами боговъ и людей. Дѣла боговъ почтенны своимъ совершенствомъ, дѣла людей любезны намъ въ силу родства съ ними. Но иногда послѣднія возбуждаютъ нѣкотораго рода жалость: когда, именно, въ нихъ проявляется невѣдѣніе добра и зла— уродство не меньшее, нежели неспособность различать бѣлое и черное (13).

Если бы даже ты разсчитывалъ прожить три тысячи лѣтъ и еще тридцать тысячъ, все же ты долженъ помнить, что никто не лишается другой жизни, кромѣ той, которую онъ изживаетъ, и никто не изживаетъ другой жизни, кромѣ той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничѣмъ не отличается отъ самой краткой. Вѣдь настоящее для всѣхъ равно, а слѣдовательно равны и потери—и сводятся онѣ всего на всего къ мгновенью. Никто не можетъ лишиться ни минувшаго, ни грядущаго. Ибо кто могъ бы отнять у меня то, чего я не имѣю?

Итакъ, слѣдуетъ помнить о двухъ истинахъ. Во-первыхъ: все изъ вѣка равно самому себѣ, пребывая въ круговоротѣ, и потому вполнѣ безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лѣтъ, или двѣсти, или же безконечное время. Во-вторыхъ: наиболѣе долговѣчный и умершій, только что начавъ жить, теряютъ, въ концѣ концовъ, одно и то же. Настоящее — вотъ все, чего можно лишиться, ибо только имъ и обладаешь, а никто не лишается того, чѣмъ не обладаетъ (14).

Все зависитъ отъ убѣжденія (ὑπόληψις). Это ясно изъ изреченій циника Монима[7]. Но и польза его словъ будетъ ясна для того, кто сумѣетъ уловить заключающееся въ нихъ ядро истины (15).

Digitized by Google

Наибольшимъ позоромъ покрываетъ себя душа человѣческая, когда возмущается противъ міра, становясь (поскольку то зависитъ отъ нея) какъ бы болѣзненнымъ наростомъ на немъ. Ибо ропотъ по поводу чего-либо происходящаго есть возмущеніе противъ природы Цѣлаго, объемлющей въ своей части всѣ другія существа. Далѣе, когда она чуждается какого-либо человѣка или устремляется противъ него съ намѣреніемъ причинить ему вредъ, какъ это бываетъ съ разгнѣванными. Въ-третьихъ, она покрываетъ себя позоромъ, когда не въ силахъ устоять противъ наслажденія или страданія. Въ-четвертыхъ, когда она лицемѣритъ и фальшиво и неискренно дѣлаетъ что-нибудь или говоритъ. Въ-пятыхъ, когда она не сообразуетъ своего дѣйствія и стремленія съ цѣлью, но дѣлаетъ что-нибудь зря и безъ толку, ибо даже въ пустякахъ слѣдуетъ сообразоваться съ цѣлью. Цѣлью же разумныхъ существъ является повиновеніе разуму и закону древнѣйшаго Града и устройства (16).

Время человѣческой жизни—мигъ; ея сущность—вѣчное теченіе; ощущеніе—смутно; строеніе всего тѣла—бренно; душа—неустойчива; судьба—загадочна; слава—недостовѣрна. Однимъ словомъ, все относящееся къ тѣлу подобно потоку, относящееся къ душѣ—сновидѣнью и дыму. Жизнь—борьба и странствіе по чужбинѣ; посмертная слава—забвеніе. Но что же можетъ вывести на путь? Ничто, кромѣ философіи. Философствовать же значитъ оберегать внутренняго генія отъ поношенія и изъяна, добиваться того, чтобы онъ стоялъ выше наслажденій и страданій, чтобы не было въ его дѣйствіяхъ ни безразсудства, ни обмана, ни лицемѣрія, чтобы не касалось его, дѣлаетъ или не дѣлаетъ чего-либо его ближній, чтобы на все происходящее и данное ему въ удѣлъ онъ смотрѣлъ, какъ на проистекающее оттуда, откуда изошелъ и онъ самъ, а самое главное,—чтобы онъ безропотно ждалъ смерти, какъ простого разложенія тѣхъ элементовъ, изъ кото-

Digitized by Google

рыхъ слагается каждое живое существо. Но если для самихъ элементовъ нѣтъ ничего страшнаго въ ихъ постоянномъ переходѣ другъ въ друга, то гдѣ основанія бояться кому-либо ихъ общаго измѣненія и разложенія? Вѣдь послѣднее согласно съ природой, а то, что согласно съ природой, не можетъ быть дурнымъ (17).

Карнунтъ [8].

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТЬЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Надлежитъ учесть не только то, что жизнь убываетъ съ каждымъ немъ и остается все меньшая ея доля, но также и то, что, если бы даже была обезпечена кому-нибудь болѣе долгая жизнь, все же останется неизвѣстнымъ, будетъ ли попрежнему достаточна сила его мысли для пониманія наличныхъ обстоятельствъ и для постиженія, осваивающаго съ дѣлами божескими и человѣческими. Вѣдь если человѣкъ начнетъ тупѣть, то это конечно не отразится еще на дыханіи, пищевареніи, воображеніи, стремленіи и тому подобныхъ отправленіяхъ, но власть надъ самимъ собой, точное пониманіе своихъ обязанностей, способность разобраться въ происходящемъ и отдать себѣ отчетъ въ томъ, не пора ли разстаться съ этой жизнью, все, что необходимо предполагаетъ изощренность разума, будетъ потеряно безвозвратно. Итакъ, нужно торопиться не только потому,что съ каждымъ днемъ мы все ближе и ближе подходимъ къ смерти, но и потому, что еще при жизни отказывается служить способность уразумѣнія и наблюденія вещей (1).

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что даже и привходящее къ произведеніямъ природы обладаетъ какой-то привлекательностью и заманчивостью. Такъ, на печеномъ хлѣбѣ мѣстами имѣются трещинки, и хотя эти расщелины нѣкоторымъ образомъ чужды цѣли пекарскаго искусства, однако онѣ какъ-то умѣстны

Digitized by Google

и особливо возбуждаютъ аппетитъ къ ѣдѣ. Точно также и плоды смоковницы лопаются, достигнувъ наибольшей зрѣлости, а въ переспѣлыхъ маслинахъ самая близость гніенія сообщаетъ какую-то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пѣна, бьющая изъ пасти вепря, и многое другое, далеко не миловидное, если разсматривать его само по себѣ, сопутствуя тому, что произведено природой, способствуетъ общему впечатлѣнію и влечетъ къ себѣ; такъ что тому, кто обладаетъ воспріимчивостью и болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ происходящее въ Цѣломъ, едва-ли что-нибудь и изъ сопутствующаго произведеніямъ природы не покажется нѣкоторымъ образомъ умѣстнымъ. На пасти живыхъ звѣрей онъ будетъ взирать съ неменьшимъ удовольствіемъ, чѣмъ на изображенныя, въ подражаніе природѣ, художниками и ваятелями; а разумными очами своими онъ сможетъ узрѣть какъ особый расцвѣтъ и красоту старца и старухи, такъ и привлекательность ребенка. И много есть такого, что вѣдомо не всякому, но открывается лишь тому, кто дѣйствительно сблизился съ природой и ея дѣлами (2).

Гиппократъ, исцѣливъ множество болѣзней, самъ заболѣлъ и умеръ. Халдеи предсказали многимъ смерть, а затѣмъ ихъ самихъ настигла судьба. Александръ, Помпей, Гай Цезарь, разрушивъ до тла столько городовъ и умертвивъ въ бояхъ десятки тысячъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, въ концѣ концовъ и сами разстались съ жизнью. Гераклитъ, столько разсуждавшій о всемірномъ пожарѣ, умеръ отъ водянки; не помогъ ему и коровій пометъ, которымъ онъ былъ намазанъ[1]. Демокрита заѣли паразиты[2], Сократа убили тоже своего рода паразиты. Но какой выводъ изъ всего этого? Ты взошелъ на корабль, совершилъ плаваніе, достигъ гавани: пора слѣзать. Если тебя ждетъ другая жизнь, то, такъ какъ боги вездѣсущи, они будутъ и тамъ. Если же это будетъ состояніе безчувственности, то тебѣ не придется болѣе терпѣть отъ стра-

Digitized by Google

даній и наслажденій и служить оболочкѣ, которая настолько хуже того, кто у нея въ плѣну. Ибо послѣдній есть духъ и геній, оболочка же—прахъ и тлѣнъ (3).

Не расточай остатка жизни на мысли о другихъ, если только дѣло не идетъ о чемъ-либо общеполезномъ. Вѣдь раздумывая о томъ, что кто дѣлаетъ и ради чего онъ это дѣлаетъ, что кто говоритъ, замышляетъ и предпринимаетъ, ты упускаешь другое дѣло: все подобное отвлекаетъ отъ заботъ о собственномъ руководящемъ началѣ. Надлежитъ, слѣдовательно, удалять изъ связи своихъ представленій все безцѣльное и праздное, а въ особенности все, внушаемое любопытствомъ и злобой. Слѣдуетъ пріучать себя, далѣе, только къ такимъ мыслямъ, относительно которыхъ на внезапный вопросъ: „О чемъ ты теперь думаешь?“, ты могъ бы, не обинуясь, откровенно отвѣтить, что о томъ-то и томъ-то, ибо изъ нихъ непосредственно явствуетъ, что всѣ онѣ преисполнены искренности и благожелательности и достойны существа общежительнаго, гнушающагося мыслями о чувственномъ удовольствіи и даже вообще о наслажденіи, всякой строптивостью, завистью, подозрительностью и вообще всѣмъ тѣмъ, что заставитъ тебя покраснѣть, если ты сознаешься, что оно было въ тебѣ. Вѣдь подобный человѣкъ, никогда не оставляющій попеченія о томъ, чтобы быть въ числѣ наилучшихъ, есть жрецъ и пособникъ боговъ. Онъ дружен и съ живущимъ внутри его божествомъ, которое дѣлаетъ человѣка недосягаемымъ для наслажденій, неуязвимымъ для какихъ бы то ни было страданій, чуждымъ всякой гордынѣ, нечувствительнымъ къ какому бы то ни было проявленію злобы, борцомъ въ величайшей борьбѣ, гдѣ онъ долженъ противостать всѣмъ страстямъ, побуждаетъ его глубоко проникнуться справедливостью и отъ всей души привѣтствовать все происходящее и выпадающее ему на долю, а о томъ, что говоритъ, дѣлаетъ или помышляетъ другой человѣкъ,

Digitized by Google

думать не часто и только если этого необходимо требуетъ великое и общеполезное дѣло. Онъ занятъ исключительно своими личными дѣлами, а постояннымъ предметомъ его размышленій является жребій, предуготовленный ему строеніемъ Цѣлаго. Первыя онъ стремится довести до совершенства, а что касается второго, то онъ твердо уповаетъ на его благость. Ибо жребій, выпадающій на долю каждаго, и приноровленъ ему и полезенъ для него [3]. Онъ помнитъ также, что все разумное въ родствѣ между собой, что заботиться о всѣхъ людяхъ сообразно природѣ человѣка и что цѣнно одобреніе не всѣхъ людей, а только живущихъ согласно природѣ. Онъ никогда не упускаетъ изъ виду, что представляютъ собою тѣ, кто живутъ не такъ, каковы они дома и внѣ дома, ночью и въ теченіе дня, и съ кѣмъ, и какую водятъ дружбу. И похвалу людей, которые и сами-то себя не удовлетворяютъ, онъ не ставитъ ни во что (4).

Не поступай ни противъ своей воли, ни въ разрѣзъ съ общимъ благомъ, ни какъ человѣкъ опрометчивый или поддающійся вліянію какой-нибудь страсти, не облекай свою мысль въ пышныя формы, не увлекайся ни многорѣчивостью, ни многодѣланіемъ. Пусть божество въ тебѣ будетъ руководителемъ существа мужественнаго, зрѣлаго, преданнаго интересамъ государства, римлянина, облеченнаго властью, чувствующаго себя на посту, подобнаго человѣку, который, не нуждаясь ни въ клятвѣ, ни въ поручителяхъ [4], съ легкимъ сердцемъ ждетъ зова оставить жизнь. И свѣтло у тебя будетъ на душѣ [5], и ты не будешь нуждаться ни въ помощи извнѣ, ни въ томъ спокойствіи, которое зависитъ отъ другихъ.

Итакъ, слѣдуетъ быть правымъ, а не исправляемымъ (5).

Если ты находишь въ человѣческой жизни что-нибудь лучшее, нежели справедливость, истина, благоразуміе, мужество, однимъ словомъ, удовлетворенность твоего духа самимъ собой, гдѣ онъ

Digitized by Google

можетъ указать тебѣ путь дѣйствія, согласный съ правымъ разумомъ, и своей участью, гдѣ выпадающее на долю не зависитъ отъ выбора, если, говорю я, ты видишь что-нибудь лучшее, нежели это, то положи всю свою душу на то, чтобы испытать оказавшееся наилучшимъ. Если же ничто не кажется тебѣ лучшимъ, нежели живущій въ тебѣ геній, подчинившій себѣ отдѣльныя стремленія, изслѣдующій свои представленія, сдѣлавшій себя недоступнымъ для обольщенія чувствъ, какъ говорилъ Сократъ, подчинившій себя богамъ и заботящійся о людяхъ, если, по сравненіи съ этимъ, ты находишь все остальное мелкимъ и ничтожнымъ, то не удѣляй мѣста ничему другому, что, разъ прельстивши и склонивши тебя, уже не дастъ тебѣ возможности безраздѣльно отдаться служенію единственно тебѣ принадлежащему благу. Вѣдь непозволительно же рядомъ съ благомъ разума и гражданственности ставитъ что-либо чужеродное, какъ-то одобреніе толпы, власть, богатство, жизнь полная наслажденій. Но все это, если ты припишешь ему хотя бы незначительную цѣнность, внезапно овладѣетъ тобой и увлечетъ за собой. Ты же, говорю, искренно и свободно избирай лучшее и держись его.— „Но лучшее это полезное“.—Если оно полезно для тебя, какъ существа разумнаго, то береги его, если для тебя, какъ животнаго, отрекись отъ него. Оберегай способность сужденія отъ надменности, чтобы имѣть возможность осторожно производить изслѣдованіе (6).

Никогда не считай полезнымъ для себя то, что когда-либо побудитъ тебя преступить обѣщаніе, забыть стыдъ, ненавидѣть кого-нибудь, подозрѣвать, клясть, лицемѣрить, пожелать чего-нибудь такого, что прячутъ за стѣнами и замками. Вѣдь тотъ, кто отдалъ предпочтеніе своему духу, генію и служенію его добродѣтели, не надѣваетъ трагической маски, не издаетъ стенаній, не нуждается ни въ уединеніи, ни въ многолюдствѣ. Онъ будетъ

Digitized by Google

жить—и это самое главное—ничего не преслѣдуя и ничего не избѣгая. Его совершенно не безпокоитъ, въ теченіе ли большаго или меньшаго времени его душа будетъ пребывать въ тѣлесной оболочкѣ, и когда придетъ моментъ разставанія съ жизнью, онъ уйдетъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ онъ сталъ бы приводить въ исполненіе что-нибудь другое изъ того, что можетъ быть сдѣлано съ достоинствомъ и честью. Вѣдь всю свою жизнь онъ только и думаетъ о томъ, чтобы не дать своей душѣ опуститься до состоянія, недостойнаго разумнаго и призваннаго къ гражданственности существа (7).

Въ душѣ человѣка, облагороженнаго и претерпѣвшаго очищеніе, ты не найдешь ни гнойниковъ, ни скверны, ни скрытой порчи. Когда бы ни настигла его судьба, его жизнь не будетъ неокончена, какъ про трагическаго актера говорятъ, что онъ оставилъ сцену, не окончивъ и не доигравъ роли. Въ немъ нѣтъ ничего рабскаго, вынужденнаго, нѣтъ навязчивости, отчужденности, нѣтъ ничего заслуживающаго порицанія и боящагося свѣта (8).

Относись бережно къ способности составлять себѣ убѣжденіе. Отъ нея всецѣло зависитъ, чтобы не возникло въ руководящемъ тобой началѣ никакого убѣжденія, несогласнаго съ природой и строемъ разумнаго существа. Она же предписываетъ намъ не быть скорыми на рѣшенія, относиться съ благожелательностью къ людямъ и слушаться боговъ (9).

Отринувъ все, держись лишь этихъ немногихъ правилъ[6]. Помни также, что каждый живетъ лишь настоящимъ, ничтожно малымъ моментомъ; все же остальное или уже прожито, или покрыто неизвѣстностью. Ничтожна жизнь каждаго, ничтоженъ тотъ уголокъ земли, гдѣ онъ живетъ, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь въ нѣсколькихъ кратковѣчныхъ

Digitized by Google

поколѣніяхъ людей, не знающихъ и самихъ себя, не то что тѣхъ, кто уже давно опочилъ (10).

Къ вышеуказаннымъ предписаніямъ нужно прибавить еще одно. Слѣдуетъ давать опредѣленіе или описаніе каждаго представляющагося предмета, чтобы безъ покрова и въ расчлененіи всѣхъ частей видѣть самое его сущность и называть его и все то, изъ чего онъ состоитъ и на что разложится, соотвѣтствующими именами. Вѣдь ничто такъ не содѣйствуетъ возвышенному настроенію, какъ способность планомѣрнаго и истиннаго проникновенія во все встрѣчающееся въ жизни и умѣніе встать относительно его на такую точку зрѣнія, чтобы сразу рѣшить, какому міру и какая отъ него польза, въ чемъ его цѣнность какъ для Цѣлаго, такъ и для человѣка, гражданина вышняго Града, по отношенію къ которому всѣ остальныя государства только отдѣльныя домохозяйства, что есть, изъ чего слагается, и сколько времени будетъ длиться то, что возбуждаетъ теперь мое представленіе, и какую добродѣтель слѣдуетъ къ нему примѣнить, кротость ли, мужество, правдивость, вѣрность, простоту, самоудовлетворенность или что-либо въ этомъ родѣ. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ дать себѣ отчетъ: вотъ это исходитъ отъ бога, это происходитъ въ силу связи, предопредѣленнаго соединенія, такого же сочетанія и судьбы, это же обязано своимъ существованіемъ моему единоплеменнику, сородичу и согражданину, хотя и незнающему, чего требуетъ отъ него природа. Но я-то вѣдь знаю и поэтому отношусь къ нему благожелательно и справедливо, согласно естественному закону общенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я стремлюсь опредѣлить и относительную цѣнность вещей собственно безразличныхъ[7] (11).

Если ты, слѣдуя правому разуму, будешь старательно, ревностно и любовно относиться къ дѣлу, которымъ ты въ данный

Digitized by Google

моментъ занятъ, и, не глядя по сторонамъ, будешь блюсти чистоту своего генія, какъ будто уже пора съ нимъ разстаться, если ты будешь поступать такъ, ничего не ожидая и не избѣгая, но довольствуясь наличной дѣятельностью, согласной съ природой, и геройскимъ правдолюбіемъ во всемъ, что ты говоришь и высказываешь—ты будешь жить хорошо. И никто не въ силахъ помѣшать этому (12).

Какъ врачи всегда имѣютъ подъ рукой инструменты и приборы на случай внезапной операціи, такъ и ты имѣй наготовѣ основоположенія для познанія вещей божескихъ и человѣческихъ и во всѣхъ даже самыхъ незначительныхъ дѣйствіяхъ помышляй о связи тѣхъ и другихъ. Безъ соображенія съ божественнымъ не сдѣлаешь хорошо ничего человѣческаго и наоборотъ (13).

Пора угомониться. Иначе тебѣ не придется прочесть ни твоихъ воспоминаній, ни дѣяній древнихъ римлянъ и грековъ, ни тѣхъ отрывковъ изъ писателей, которые ты отобралъ себѣ подъ старость. Итакъ, спѣши къ цѣли и, оставивъ пустыя надежды, самъ, пока еще не поздно, приди себѣ на помощь, если только ты сколько-нибудь заботишься о самомъ себѣ (14).

Люди не знаютъ, сколь многозначны такія слова, какъ воровать, сѣять, покупать, бездѣйствовать, усматривать надлежащее; для этого знанія нужны не тѣлесныя очи, а нѣкій другой органъ зрѣнія (15).

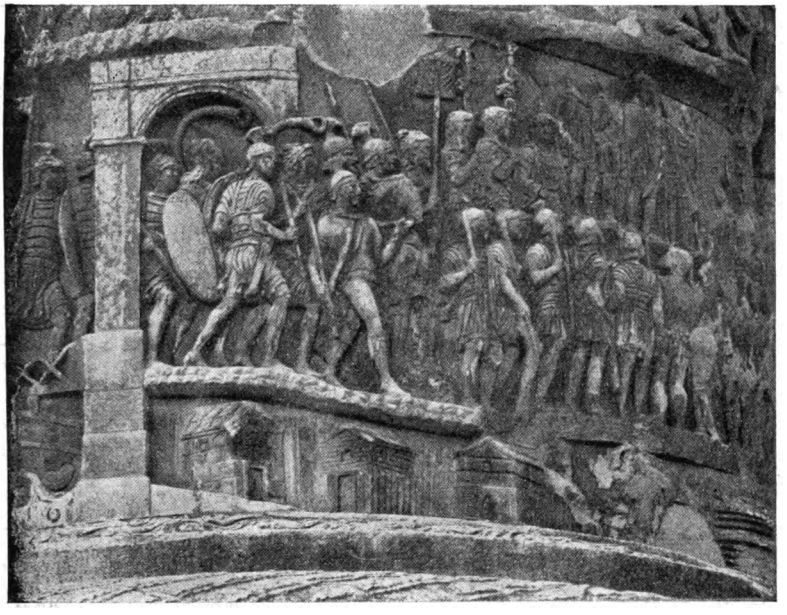
Тѣло, душа, духъ. Тѣлу принадлежатъ ощущенія, душѣ—стремленія, духу—основоположенія. Способностью получать впечатлѣнія обладаютъ и скоты, стремленія проявляются бурно и въ дикихъ звѣряхъ, и въ андрогинахъ [8], и въ Фаларисѣ [9] и въ Неронѣ, пользоваться духомъ для внѣшняго соблюденія обязан-

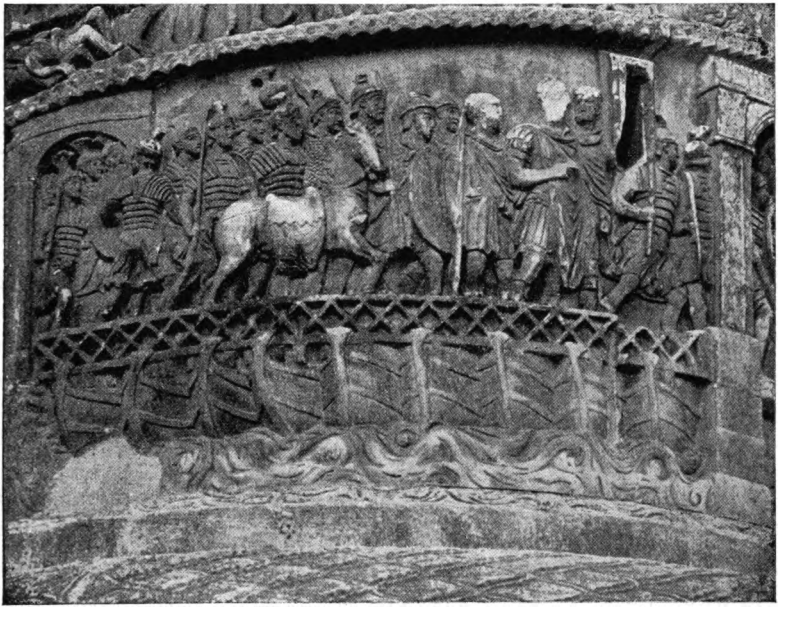
Digitized by Google

ностей мотутъ люди и не признающіе боговъ, и измѣняющіе своей родинѣ, и творящіе, запершись у себя, всякія гнусности. Если все это, согласно сказанному, общó всѣмъ, то одному лишь хорошему человѣку свойственно любить и привѣтствовать происходящее и сопряженное съ нимъ, не осквернять живущаго въ его груди генія, не безпокоить и не смущать его обиліемъ представленій, а сберечь его чистымъ, строго послушнымъ богамъ, не говорящимъ никогда въ разрѣзъ съ истиной и не дѣлающимъ ничего въ разрѣзъ со справедливостью. Если даже всѣ люди откажутся повѣрить, что онъ живетъ такъ просто, скромно и счастливо, то онъ не будетъ сердиться ни на кого изъ нихъ и не сойдетъ съ пути, ведущаго къ цѣли жизни, къ которой слѣдуетъ подойти чистымъ, спокойнымъ, съ легкимъ сердцемъ и съ безропотной покорностью своей судьбѣ (16).

Digitized by Google

Digitized by Google

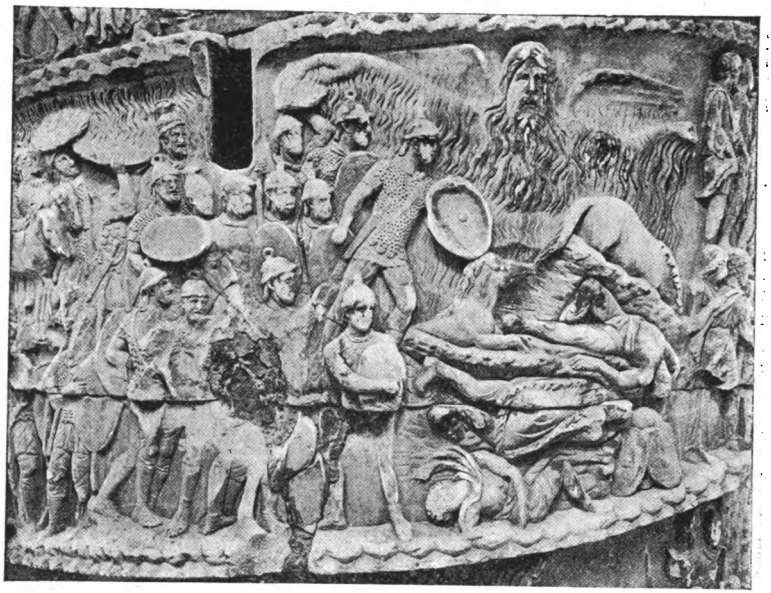


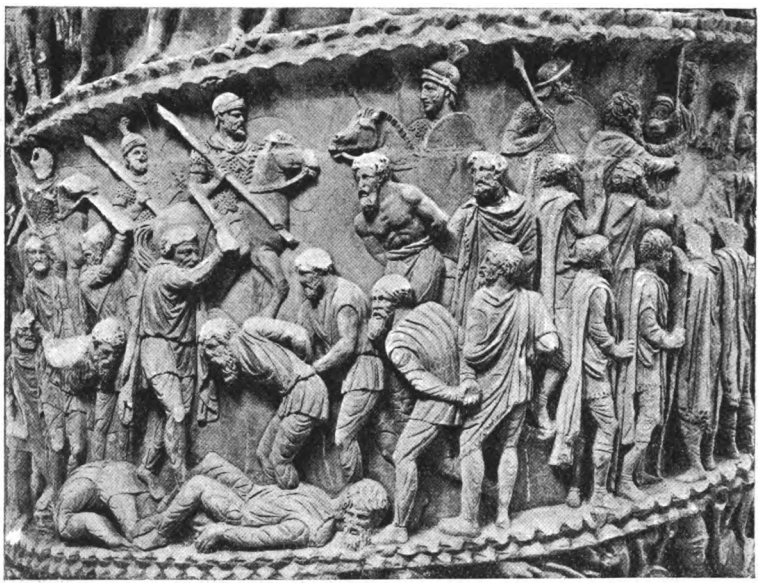


7. ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ВОЙНЪ МАРКА АВРЕЛІЯ.

БАРЕЛЬЕФЫ КОЛОННЫ ВЪ РИМѢ.

Digitized by Google





8. ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ВОЙНЪ МАРКА АВРЕЛІЯ.

БАРЕЛЬЕФЫ КОЛОННЫ ВЪ РИМѢ.

Digitized by Google

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Когда внутреннее господствующее начало вѣрно природѣ, то его отношеніе ко всему происходящему таково, что оно всегда можетъ легко приноровиться къ возможному и данному. Вѣдь оно не испытываетъ любви къ какой-нибудь опредѣленной матеріи, но къ предпочтительному (ἡγούμενα) стремится лишь условно (μεθ' ὑπεξαιρέσεως) [1], заступающее же мѣсто послѣдняго обращаетъ въ матеріалъ для себя. Оно подобно огню, овладѣвающему тѣмъ, что брошено въ него: слабая лампада была бы потушена, а яркое пламя мгновенно охватываетъ попавшее въ него, пожираетъ его и вздымается благодаря этому еще выше (1).

Ничего не слѣдуетъ дѣлать зря и никогда не поступать иначе, какъ сообразно строгимъ правиламъ искусства (2).

Люди ищутъ уединенія, стремятся къ деревенской тиши, къ морскимъ берегамъ, въ горы. И ты также привыкъ болѣе всего желать этого. Все это, однако, говоритъ лишь о крайнемъ невѣжествѣ, ибо въ любой моментъ ты можешь удалиться въ самого себя. Вѣдь самое тихое и безмятежное мѣсто, куда человѣкъ можетъ удалиться,—это его душа. Въ особенности же человѣкъ, который найдетъ внутри себя то, вглядѣвшись во что, онъ тотчасъ преисполнится спокойствіемъ; подъ спокойствіемъ же я разумѣю здѣсь не что иное, какъ сознаніе своей добропо-

Digitized by Google

рядочности. Почаще же разрѣшай себѣ такое уединеніе и черпай въ немъ новыя силы.

Пусть будутъ установлены краткія и основныя положенія, перваго соприкосновенія съ которыми будетъ достаточно, чтобы разогнать всю печаль и отправить тебя обратно недосадующимъ на то, къ чему ты возвращаешься. На что ты, въ самомъ дѣлѣ, будешь досадовать? На порочность людей? Но если ты поразмыслишь надъ положеніемъ, гласящимъ, что разумныя существа рождены другъ для друга, что терпѣніе есть часть справедливости, что люди заблуждаются противъ своей воли, если ты вспомнишь, что столько людей враждовавшихъ, подозрѣвавшихъ, ненавидѣвшихъ, соперничавшихъ умерло и обратилось въ прахъ, то скоро успокоишься. — Но не досадуешь ли ты на удѣлъ, доставшійся тебѣ въ силу устройства Цѣлаго? Возобнови въ своей памяти дилемму: „Или промыселъ, или атомы", и тѣ положенія, которыми доказывается, что міръ подобенъ Граду.—Тебя смущаетъ еще состояніе тѣла? Подумай о томъ, что духъ, сосредоточившійся въ самомъ себѣ и познавшій свою собственную мощь, не смѣшивается съ тихо или порывисто движущейся жизненной силой, и обо всемъ другомъ, что ты слышалъ и одобрилъ относительно наслажденія и страданія.—Тебя увлекаетъ мечта о славѣ? Обрати вниманіе на то, какъ быстро все предается забвенію, на хаосъ времени, безпредѣльнаго въ ту и другую сторону, на суетность похвалъ, измѣнчивость и безразсудство тѣхъ, которые, повидимому, тебя цѣнятъ, на незначительность пространства, предѣлами коего слава ограничена. Вѣдь вся земля только точка. А какой крошечный уголокъ ея занимаетъ мѣсто твоего пребыванія? А сколько здѣсь тѣхъ, кто будетъ прославлять тебя, и что они собой представляютъ?

Вспомни же, наконецъ, объ удаленіи въ свою собственную обитель и, главное, не разбрасывайся, не суетись, но будь свободнымъ и смотри на вещи, какъ мужъ, гражданинъ, смертный!

Digitized by Google

Среди истинъ, которыя всегда должны быть подъ рукой, замѣть особенно двѣ. Во-первыхъ, вещи не касаются души, но пребываютъ въ покоѣ внѣ ея; причины жалобъ коренятся въ одномъ лишь внутреннемъ убѣжденіи. Во-вторыхъ, все то, что ты видишь, подлежитъ измѣненію и вскорѣ исчезнетъ. Размышляй постоянно и о томъ, сколькихъ измѣненій ты уже былъ свидѣтелемъ. Міръ —измѣненіе, жизнь—убѣжденіе (3).

Если духовное начало у насъ общее, то общимъ будетъ и разумъ, въ силу котораго мы являемся существами разумными. Если такъ, то и разумъ, повелѣвающій, что дѣлать и чего не дѣлать, тоже будетъ общимъ; если такъ, то и законъ общій, если такъ, то мы граждане. Слѣдовательно мы причастны какому-нибудь гражданскому устройству, а міръ подобенъ Граду. Ибо кто могъ бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, которому былъ бы причастенъ весь родъ человѣческій? Отсюда-то, изъ этого Града, и духовное начало въ насъ, и разумное, и законъ. Откуда же иначе? Вѣдь какъ все то во мнѣ, что обладаетъ свойствами земли, есть частица какой-нибудь земли, влажное — частица другого элемента, животворящее, теплое и огневидное берутъ начало каждое въ своемъ источникѣ (ибо ничто не возникаетъ изъ ничего, какъ и не превращается въ ничто), точно такъ же и духъ откуда-нибудь да происходитъ (4).

Смерть есть такая же тайна природы, какъ и рожденіе. Въ одномъ случаѣ соединеніе, въ другомъ разложеніе однихъ и тѣхъ же элементовъ. Вообще въ нихъ нѣтъ ничего, что могло бы быть для кого-нибудь постыднымъ, ибо нѣтъ ничего несоотвѣтствующаго одухотворенному существу или разуму его строенія (5).

Людямъ этого рода свойственно поступать такимъ образомъ— это необходимо. Не желать этого все равно, что не желать, что

Digitized by Google

бы въ смоковницѣ былъ сокъ. Вообще помни о томъ, что по истеченіи самаго незначительнаго промежутка времени вы оба, и ты, и твой супротивникъ, умрете; а вскорѣ затѣмъ не будетъ помину и о вашихъ именахъ (6).

Устрани убѣжденіе, устранится и жалоба на вредъ. Устрани жалобу на вредъ, устранится и самый вредъ (7).

То, что не дѣлаетъ человѣка худшимъ, чѣмъ онъ есть, не дѣлаетъ худшей и его жизнь и не вредитъ ни внѣшней, ни внутренней сторонѣ его существа (8).

Польза вынуждаетъ природу поступать такимъ образомъ[2] (9).

Все совершающееся совершается согласно справедливости; если будешь наблюдать внимательно, то убѣдишься въ этомъ. Все совершается, говорю я, не только согласно опредѣленному порядку, но и согласно справедливости, точно кто-то распредѣлилъ все сообразно достоинству. Продолжай же начатое тобою наблюденіе и, что бы ты ни дѣлалъ, дѣлай съ той мыслью, чтобы стать хорошимъ въ истинномъ значеніи этого слова. Храни эту мысль во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ (10).

Не проникайся ни тѣмъ убѣжденіемъ, котораго держится обидчикъ, ни тѣмъ, которое онъ хочетъ навязать тебѣ, но все разсматривай въ его подлинной истинѣ (11).

Всегда слѣдуетъ быть готовымъ къ двоякому. Во-первыхъ, дѣлать только то, что внушаетъ разумъ царствующей и законодательствующей въ тебѣ части на пользу людей. Во-вторыхъ, измѣнить свое мнѣніе, если кто-либо поправитъ тебя и разубѣдитъ въ чемъ-нибудь. Но измѣнять свое мнѣніе слѣдуетъ только со-

Digitized by Google

образуясь съ чѣмъ-нибудь столь убѣдительнымъ, какъ справедливое, общая польза и тому подобное, а отнюдь не потому, что такое измѣненіе кажется пріятнымъ или сулитъ славу (12).

„Обладаешь ли ты разумомъ?".—„Обладаю".—„Почему же ты не пользуешься имъ? Вѣдь если онъ будетъ дѣлать свое дѣло, что останется тебѣ желать?" (13).

Ты существовалъ, какъ часть Цѣлаго. Тебѣ предстоитъ исчезнуть въ породившемъ тебя, правильнѣе, ты, въ силу измѣненія, будешь поглощенъ его сѣменообразнымъ разумомъ (*λόγος σπερματικός*) [8] (14).

На жертвенникѣ много кусочковъ ладона. Одинъ изъ нихъ попалъ сюда раньше, другіе позже—разницы здѣсь нѣтъ никакой (15).

Если ты проникнешься извѣстными основоположеніями и отдашься служенію разуму, то черезъ десять дней покажешься богомъ тѣмъ, кому теперь кажешься звѣремъ и обезьяной (16).

Не живи такъ, точно тебѣ предстоитъ еще десять тысячъ лѣтъ жизни. Ужъ близокъ часъ. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать хорошимъ (17).

Сколько досуга выигрываетъ тотъ, кто не смотритъ на то, что сказалъ, сдѣлалъ или подумалъ его ближній, но лишь на то, что онъ дѣлаетъ самъ, чтобы соблюсти въ своихъ дѣйствіяхъ справедливость и благочестіе! По слову Агатона [4], не выискивать слѣдуетъ пороки другихъ, а итти своей прямой дорогой, не уклоняясь въ сторону (18).

Digitized by Google

Тотъ, кто мечтаетъ о посмертной славѣ, упускаетъ изъ виду, что каждый, помнящій о немъ, самъ скоро умретъ, за нимъ послѣдуетъ и тотъ, кто унаслѣдовалъ ему, и такъ до тѣхъ поръ, пока не угаснетъ вся память, пройдя поколѣнія помнившихъ[5] и обреченныхъ. Но допусти, что безсмертны помнящіе о тебѣ и неистребима память. Что тебѣ до этого? Я не говорю уже, что это—ничто для умершаго. Но что до похвалы живому, кромѣ развѣ имущественныхъ выгодъ? Оставь же теперь заблаговременно заботы объ этомъ суетномъ дарѣ, зависящемъ только отъ людской молвы[6] (19).

Все прекрасное, чѣмъ бы оно ни было, прекрасно само по себѣ: похвала не входитъ въ него составной частью. Поэтому отъ похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имѣю здѣсь въ виду и то, что называется прекраснымъ съ обычной точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, матеріальныя вещи и произведенія искусства. А въ какой похвалѣ могло бы имѣть нужду дѣйствительно прекрасное? Не болѣе, чѣмъ законъ, не болѣе, чѣмъ истина, не болѣе, чѣмъ благожелательность, чѣмъ порядочность. Что изъ всего этого прекрасно вслѣдствіе похвалъ или извращается благодаря порицанію? Развѣ смарагдъ отъ отсутствія похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпуръ, мраморъ, цвѣтокъ, растеніе? (20).

Если души продолжаютъ существовать, то какимъ образомъ воздухъ изъ вѣка вмѣщаетъ ихъ въ себѣ?—А какимъ образомъ вмѣщаетъ въ себѣ земля тѣла погребаемыхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ? Подобно тому, какъ здѣсь тѣла, послѣ нѣкотораго пребыванія въ землѣ, измѣняются и разлагаются, и такимъ образомъ очищаютъ мѣсто для другихъ труповъ, точно такъ же и души, нашедшія прибѣжище въ воздухѣ, нѣкоторое время остаются въ прежнемъ видѣ, а затѣмъ начинаютъ претерпѣвать из-

Digitized by Google

мѣненія, растекаются и возгараются, возвращаясь обратно къ сѣменообразному разуму Цѣлаго, и такимъ образомъ уступаютъ мѣсто вновь прибывающимъ. Вотъ что можно отвѣтить при предположеніи, что души продолжаютъ существовать. Слѣдуетъ поразмыслить не только надъ числомъ погребаемыхъ труповъ, но и надъ числомъ живыхъ существъ, ежедневно поѣдаемыхъ нами и другими плотоядными животными. А въ какомъ количествѣ они уничтожаются и какъ находятъ свою могилу въ тѣлахъ тѣхъ, кому они были на потребу? И однако мѣста для нихъ хватаетъ, ибо они преосуществляются въ кровь и принимаютъ свойства воздуха или огня.

Что могло бы помочь распознанію истины въ этомъ вопросѣ? Различеніе начала матеріи и причины (21).

Не слѣдуетъ бросаться изъ стороны въ сторону, но при всякомъ стремленіи сообразоваться со справедливостью и при всякомъ представленіи блюсти пониманіе (*τὸ καταληπτικόν*) (22).

Міръ! Все, что гармонируетъ съ тобой, пристало и мнѣ, и ничто для тебя заблаговременное и для меня не наступаетъ слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Природа! Все созрѣвающее въ смѣнѣ твоихъ временъ—мнѣ на потребу. Все исходитъ отъ тебя, все пребываетъ въ тебѣ, все къ тебѣ возвращается. Герой пьесы говоритъ: „О возлюбленный градъ Кекропса!“ [7]. Неужели же ты не скажешь: „О возлюбленный градъ Зевса!“? (23).

„Если хочешь достичь душевнаго спокойствія“, говоритъ философъ [8], „то ограничь свою дѣятельность немногимъ“. Но не лучше было бы сказать „необходимымъ“ и тѣмъ, что предписываетъ разумъ существа, отъ природы гражданственнаго, и при томъ, какъ онъ предписываетъ? Въ такомъ случаѣ мы будемъ

Digitized by Google

обладать не только тѣмъ душевнымъ миромъ, который обусловливается прекрасными поступками, но и тѣмъ, который обусловливается ихъ немногочисленностью. Вѣдь бо́льшая часть того, что мы говоримъ и дѣлаемъ, не необходимо, и если бы кто-нибудь обошелся безъ этого, то былъ бы богаче досугомъ и бѣднѣе треволненіями. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ спрашивать себя: „Относится ли это къ числу необходимаго?“ И устранять слѣдуетъ не только не необходимые поступки, но и не необходимыя представленія, ибо за ними-то и слѣдуютъ праздные поступки (24).

Сдѣлай попытку, насколько тебѣ удастся жизнь хорошаго человѣка, довольствующагося удѣломъ, доставшимся ему въ силу устройства Цѣлаго, удовлетворяющагося справедливостью своей собственной дѣятельности и благожелательностью своего настроенія (*διάθεσις*) (25).

Осмыслилъ ли ты предыдущее? Ознакомься тогда и съ нижеслѣдующимъ. Не мудри надъ собой, старайся быть простымъ. Прегрѣшаетъ кто-нибудь? Онъ прегрѣшаетъ противъ самого себя. Случилось съ тобой что-нибудь? Прекрасно. Все случающееся съ тобой было изначала суждено тебѣ и сопряжено съ тобой въ силу устройства Цѣлаго. Вообще же жизнь мимолетна, надо разумно и справедливо использовать настоящее. Не предавайся излишествамъ и въ часы досуга (26).

Міръ или стройный порядокъ, или же смѣшеніе и путаница[9]. Но несомнѣнно первое. Или въ тебѣ можетъ существовать извѣстный строй, а во всемъ должно быть нестроеніе? И это, когда все различено, расчленено и находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи! (27).

Digitized by Google

Есть характеры мрачные, характеры женственные, упорные, звѣрскіе, ребяческіе, скотскіе, вялые, фальшивые, нелѣпые, вѣроломные, тиранические (28).

Если чуждъ міру тотъ, кто не знаетъ сущаго въ немъ, то не менѣе чуждъ и не знающій происходящаго. Бѣглецъ тотъ, кто уклоняется отъ разума гражданственности, слѣпецъ—смежающій очи духовныя, нищій—кто нуждается въ другомъ и не имѣетъ въ самомъ себѣ всего полезнаго для жизни. Кто отступаетъ и удаляется отъ разума общей природы, выражаетъ неудовольствіе происходящимъ—отступникъ отъ міра. Вѣдь порождаетъ все происходящее та же природа, что породила и его. Отверженецъ Града тотъ, кто обособляетъ свою душу отъ души всѣхъ разумныхъ существъ—единой для всѣхъ (29).

Кто философствуетъ безъ хитона, кто безъ книгъ, кто—полуголый. „У меня нѣтъ хлѣба", говоритъ онъ, „и все же я вѣренъ разуму" [10]. И меня наука не кормитъ, а все же я остаюсь ей вѣрнымъ (30).

Люби то немудреное искусство, которое ты изучилъ, и въ немъ находи удовлетвореніе. Остатокъ жизни проживи, какъ человѣкъ всей душой предавшійся, во всемъ касающемся его, на волю боговъ и не желающій быть ни рабомъ, ни тираномъ по отношенію къ кому-нибудь изъ людей (31).

Окинь мысленнымъ взоромъ хотя бы времена Веспассіана, и ты увидишь все то же, что и теперь: люди вступаютъ въ браки, взращиваютъ дѣтей, болѣютъ, умираютъ, ведутъ войны, справляютъ празднества, путешествуютъ, обрабатываютъ землю, льстятъ, предаются высокомѣрію, подозрѣваютъ, злоумышляютъ, желаютъ смерти другихъ, ропщутъ на настоящее, любятъ, собираютъ сокровища, добиваются почетныхъ должностей и трона. Что ста-

Digitized by Google

лось съ ихъ жизнью? Она сгинула. Перенесись ко временамъ Траяна: и опять все то же. Опочила и эта жизнь. Взгляни, равнымъ образомъ, и на другіе періоды времени въ жизни цѣлыхъ народовъ и обрати вниманіе на то, сколько людей умерло вскорѣ по достиженіи завѣтной цѣли и разложилось на элементы. Чаще же всего слѣдуетъ возвращаться къ тѣмъ, которыхъ ты зналъ лично, какъ людей стремящихся къ суетному и пренебрегавшихъ дѣломъ, отвѣчавшимъ ихъ собственному строю, не остававшихся ему вѣрными и не довольствовавшихся имъ. Необходимо также помнить, что вниманіе, удѣляемое каждому дѣлу, оцѣнивается по нему и должно быть соразмѣрно ему. Такимъ образомъ, если ты не будешь заниматься незначительными дѣлами болѣе, чѣмъ приличествуетъ, то не придется тебѣ и разочаровываться (32).

Слова, бывшія нѣкогда обычными, теперь нуждаются въ поясненіи. То же и съ именами нѣкогда прославленныхъ мужей, какъ Камиллъ, Цезонъ, Волезъ, Леоннатъ [11]; скоро та же участь постигнетъ и Сципіона, и Катона, затѣмъ Августа, а потомъ очередь и Адріана, и Антонина. Все кратковѣчно и вскорѣ начинаетъ походить на миѳъ, а затѣмъ предается и полному забвенію. И я еще говорю о людяхъ, въ свое время окруженныхъ необычайнымъ ореоломъ. Что же касается остальныхъ, то стоитъ имъ испустить духъ, чтобы „не стало о нихъ и помину“ [12]. Что же такое вѣчная слава?—Сущая суета. Но есть ли что-нибудь, къ чему слѣдуетъ отнестись серьезно? Только одно: праведное помышленіе, общеполезная дѣятельность, рѣчь, неспособная ко лжи, и душевное настроеніе, съ радостью пріемлющее все происходящее, какъ необходимое, какъ предусмотрѣнное, какъ проистекающее изъ общаго начала и источника (33).

Предайся добровольно Клото [13], и пусть она ставитъ тебя въ тѣ условія, которыя пожелаетъ (34).

Digitized by Google

Все мимолетно: и тотъ, кто помнитъ, и то, о чемъ помнятъ (35).

Постоянно думай о томъ, что все возникающее возникаетъ въ силу измѣненія, и пріучай себя къ мысли, что ничто такъ не любитъ природа Цѣлаго, какъ измѣнять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть нѣкоторымъ образомъ сѣмя того, что изъ него произойдетъ. Ты же считаешь сѣменемъ только засѣянное въ землю или утробу матери—и коснѣешь въ невѣжествѣ (36).

Твой конецъ уже близокъ, а ты все еще не отрѣшился отъ всего искусственнаго, все еще не свободенъ отъ треволненій, все еще опасаешься вреда извнѣ, не преисполненъ благосклонности ко всѣмъ, не понимаешь, что мудрость исключительно въ справедливой дѣятельности (37).

Вникни въ руководящее начало людей, въ то, что ихъ озабочиваетъ[14], къ чему они стремятся и чего избѣгаютъ (38).

Зло коренится для тебя не въ руководящемъ началѣ другихъ людей и не въ превращеніяхъ и измѣненіяхъ твоего тѣла.—„Но гдѣ же?"—Въ твоей способности составлять себѣ убѣжденіе о злѣ. Пусть эта способность смолкнетъ, и все будетъ хорошо. Пусть эта способность пребываетъ въ покоѣ даже тогда, когда наиболѣе ей близкое, ея тѣло, рѣжутъ, жгутъ, когда оно гноится и гніетъ, т.-е. пусть она разсудитъ, что нѣтъ ни добра, ни зла въ томъ, что равно можетъ случиться какъ съ дурнымъ, такъ и съ хорошимъ человѣкомъ. Вѣдь то, что одинаково можетъ случиться какъ съ живущимъ въ разрѣзъ съ природой, такъ и съ живущимъ согласно ей, то и не согласно съ природой и не идетъ въ разрѣзъ съ ней (39).

Digitized by Google

Ты всегда долженъ мыслить міръ, какъ единое существо, съ единой сущностью и единой душой. Подумай о томъ, какъ все сводится къ его же единому ощущенію, какъ создаетъ онъ все единымъ стремленіемъ, какъ все содѣйствуетъ возникновенію всего, какая во всемъ связь и соотвѣтствіе (40).

„Человѣкъ — это душонка, обремененная трупомъ", какъ говорилъ Эпиктетъ (41).

Нѣтъ ничего дурного въ томъ, чтобы претерпѣть измѣненіе, какъ нѣтъ ничего хорошаго въ существованіи благодаря ему (42).

Время есть рѣка возникающаго и стремительный потокъ. Лишь появится что-нибудь, какъ уже проносится мимо, но проносится и другое, и вновь на виду первое (43).

Все происходящее такъ же обычно и извѣстно, какъ роза весной и виноградъ осенью. Таковы и болѣзнь, и смерть, и клевета, и злоумышленіе, и все то, что радуетъ или огорчаетъ глупцовъ (44).

Послѣдующее всегда родственно предыдущему. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не со счисленіемъ разнороднаго, лишь насильственно приводимаго къ единству, а со связью, сообразной разуму. И подобно тому, какъ гармонически слажено все сущее, и все возникающее являетъ не безсмысленное чередованіе, а чудесную внутреннюю близость (45).

Всегда помни изреченіе Гераклита: „Для земли смерть стать водой, для воды—воздухомъ, для воздуха—огнемъ и наоборотъ". Слѣдуетъ помнить и о человѣкѣ, забывшемъ, куда ведетъ путь [15], и о томъ, что люди отступаютъ отъ проникающаго Цѣлое ра-

Digitized by Google

зума, съ которымъ они находятся въ самомъ непрерывномъ общеніи, и что чуждымъ кажется имъ то, съ чѣмъ они сталкиваются каждый день, и о томъ, что не нужно говорить и поступать какъ во снѣ (ибо и тогда намъ кажется, будто мы говоримъ и дѣйствуемъ), и что не слѣдуетъ поступать подобно дѣтямъ, т.-е. слѣпо слѣдуя примѣру родителей [16] (46).

Если бы кто-нибудь изъ боговъ сказалъ тебѣ, что ты умрешь завтра или уже во всякомъ случаѣ послѣзавтра, то едва ли ты сталъ бы очень добиваться, чтобы это произошло послѣзавтра, если ты только не трусливъ до низости. Ибо насколько же ничтожна разница! Точно также не считай очень важнымъ, умрешь ли ты по истеченіи многихъ лѣтъ или же завтра! (47).

Всегда размышляй о томъ, сколько умерло врачей, часто хмурившихъ чело надъ ложемъ больного, сколько математиковъ, гордившихся своими предсказаніями смерти другимъ людямъ, сколько философовъ, распространявшихся о смерти и безсмертіи, сколько воителей, загубившихъ множество людей, сколько тирановъ, пользовавшихся своей властью надъ чужой жизнью съ такимъ высокомѣріемъ, точно они сами были безсмертны, сколько умерло, такъ сказать, цѣлыхъ городовъ, какъ Геликія [17], Помпея, Геркуланумъ и безчисленное множество другихъ. Перебери одного за другимъ и тѣхъ, кого ты зналъ лично: одинъ хоронитъ одного, другой—другого, а затѣмъ умираютъ и сами—и все это въ теченіе краткаго премежутка времени. Вообще слѣдуетъ смотрѣть на все человѣческое, какъ на мимолетное и кратковѣчное—то, что было вчера еще въ зародышѣ, завтра уже мумія или прахъ. Итакъ, проведи этотъ моментъ времени въ согласіи съ природой, а затѣмъ разстанься съ жизнью такъ же легко какъ падаетъ созрѣвшая олива: славословя природу, ее породившую, и съ благодарностью къ произведшему ее древу (48).

Digitized by Google

Будь подобенъ скалѣ: волны безпрестанно разбиваются о нее, она же стоитъ недвижимо, и вокругъ нея стихаютъ взволнованныя воды.

Я несчастенъ потому, что со мной случилось то-то и то-то.— Отнюдь нѣтъ. Наоборотъ, я счастливъ потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломленъ настоящимъ, не трепещу передъ грядущимъ. Случиться вѣдь это могло со всякимъ, но не всякій бы остался чуждымъ печали. Почему же первое болѣе несчастье, нежели второе счастье? Назовешь ли ты вообще несчастьемъ для человѣка то, что не препятствуетъ человѣческой природѣ достичь ея цѣли? Но кажется ли тебѣ такимъ препятствіемъ то, что не идетъ въ разрѣзъ съ требованіями человѣческой природы? Въ чемъ же заключаются эти требованія? Ты знаешь ихъ. Развѣ случившееся мѣшаетъ тебѣ быть справедливымъ, великодушнымъ, благоразумнымъ, разсудительнымъ, осторожнымъ въ сужденіяхъ, правдивымъ, скромнымъ, откровеннымъ и обладать всѣми другими свойствами, въ наличности которыхъ особенность человѣческой природы? Не забывай же впредь при всякомъ событіи, повергающемъ тебя въ печаль, пользоваться основоположеніемъ: „Не событіе это является несчастьемъ, а способность достойно перенести его—счастьемъ“ (49).

Простое, но дѣйствительное средство для того, чтобы научиться презирать смерть—это воскрешать въ памяти тѣхъ, кто жадно цѣплялся за жизнь. Чѣмъ имъ лучше, нежели умершимъ преждевременно? Лежатъ гдѣ-нибудь и Катиліанъ, и Фабій, и Юліанъ, и Лепидъ[18], и имъ подобные, многихъ схоронившіе, а затѣмъ погребенные и сами. Разница во времени вообще незначительна, да и при какихъ условіяхъ, съ какими людьми и въ какомъ жалкомъ тѣлѣ придется провести это время! Итакъ, не считай всего этого важнымъ. Оглянись назадъ—тамъ безмѣрная бездна времени, взгляни впередъ—тамъ другая безпредѣльность. Какое

Digitized by Google

же значеніе имѣетъ, по сравненію съ этимъ, разница между тѣмъ, кто прожилъ три дня, и прожившимъ три человѣческихъ жизни? (50).

Всегда иди кратчайшимъ путемъ. Кратчайшій же — путь согласный съ природой: онъ въ томъ, чтобы блюсти правду во всѣхъ рѣчахъ и поступкахъ.

Подобное рѣшеніе избавитъ тебя отъ утомленія, борьбы, притворства и тщеславія (51).

Digitized by Google

Digitized by Google

9. ПОБѢЖДЕННЫЕ ВАРВАРЫ ПРОСЯТЪ ПОЩАДЫ У МАРКА АВРЕЛІЯ.

БАРЕЛЬЕФЪ. РИМЪ. ДВОРЕЦЪ КОНСЕРВАТОРСКІЙ.

Digitized by Google

10. ТРІУМФАЛЬНЫЙ ВЪѢЗДЪ МАРКА АВРЕЛІЯ ВЪ РИМЪ.

БАРЕЛЬЕФЪ. РИМЪ. ДВОРЕЦЪ КОНСЕРВАТОРСКІЙ.

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Если тебѣ не хочется подыматься чуть свѣтъ, то тотчасъ же скажи себѣ: „Я встаю, чтобы приняться за дѣло человѣческое. Неужели же я буду досадовать на то, что иду на дѣло, ради котораго я созданъ и посланъ въ міръ! Неужели мое назначеніе—грѣться, растянувшись на ложѣ?“—„Но послѣднее пріятнѣе.“—„Такъ ты созданъ для наслажденія, а не для дѣятельности и напряженія силъ? Почему ты не смотришь на растенія, пичужекъ, муравьевъ, пауковъ, пчелъ, дѣлающихъ свое дѣло и, по мѣрѣ силъ своихъ, способствующихъ красотѣ міра? Ты же не желаешь дѣлать дѣла человѣческаго? И не спѣшишь къ тому, что отвѣчаетъ твоей природѣ?“—„Но вѣдь нужно и отдохнуть.“—„Согласенъ. Однако природа установила для этого извѣстную мѣру, какъ установила ее и для ѣды, и для питья. Но ты все же идешь дальше мѣры и дальше того, что достаточно. Въ дѣятельности же своей ты не достигаешь этой мѣры, не доходишь до границъ возможнаго, ибо ты не любишь самого себя. Иначе ты бы любилъ и свою природу, и ея требованія. Другіе, любящіе свое искусство, всецѣло отдаются своему дѣлу, забывъ и помыться, и поѣсть. Ты же меньше цѣнишь свою природу, нежели граверъ—гравированіе, танцоръ—танцы, сребролюбецъ—деньги, честолюбецъ—славу. Всѣ они, когда увлекутся, предпочитаютъ не ѣсть и не спать, только бы пріумножить то, къ чему лежитъ ихъ душа. Неужели же общеполезная дѣятельность кажется тебѣ менѣе значительной и менѣе достойной усилій?“ (1).

Digitized by Google

Какъ легко, отбросивъ и подавивъ всякое тягостное и неподобающее представленіе, тотчасъ же достичь полнаго мира душевнаго (2).

Считай себя достойнымъ всякаго слова и дѣла, согласныхъ съ природой. Пусть не смущаютъ тебя чьи-нибудь послѣдующіе упреки и пересуды, но если можешь сдѣлать или сказать что-нибудь прекрасное, то смѣло берись за это! Вѣдь у людей свое руководящее начало, и слѣдуютъ они своимъ стремленіямъ. Не смотри на это, но иди напрямки, слѣдуя своей природѣ и общей, ибо единъ путь той и другой (3).

Я буду итти, неуклонно держась природы, пока не свалюсь; лишь тогда я отдохну, отдавъ свое дыханіе тому, изъ чего я черпалъ его ежедневно, и возвратившись туда, откуда изошло сѣмя моего отца, кровь матери, молоко кормилицы, въ ту землю, которая столько лѣтъ кормила и поила меня, которая носитъ меня, топчущаго ее и пользующагося сверхъ мѣры ея дарами (4).

Ты не можешь никого удивить своей быстрой сообразительностью. Пусть такъ. Но есть многое другое, относительно чего ты не можешь сказать: „Я не рожденъ для этого“. Проявляй же тѣ свойства, которыя всецѣло зависятъ отъ тебя: чистосердечіе, серьезность, выносливость, пренебреженіе къ наслажденіямъ, довольство своей судьбой, немногочисленность потребностей, благожелательность, свободу, умѣренность, отсутствіе пустословія и высокомѣрія. Знаешь ли ты, со сколькихъ сторонъ ты еще могъ бы проявить себя, относительно которыхъ нельзя было бы сослаться на природную неспособность, и все же добровольно остаешься на прежнемъ уровнѣ? Или же къ тому, чтобы роптать, жадничать, льстить, во всемъ винить свое жалкое тѣло, потворствовать ему, превозноситься и испытывать подобныя ду-

Digitized by Google

шевныя волненія, также принуждаетъ тебя какая-нибудь прирожденная неспособность? Нѣтъ, клянусь богами, нѣтъ! Напротивъ, ты давно бы уже могъ отдѣлаться отъ всего этого. Если же ты дѣйствительно признаешь въ себѣ недостаточную быстроту пониманія и сообразительности, то этотъ недостатокъ слѣдуетъ уничтожить упражненіемъ, а не потворствовать своей лѣни, махнувъ на него рукой (5).

Одни люди, сдѣлавъ кому-нибудь одолженіе, склонны требовать отъ него признательности. Другіе не склонны къ этому, но все же въ глубинѣ души считаютъ его своимъ должникомъ и отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они сдѣлали. Есть, наконецъ, и такіе, которые нѣкоторымъ образомъ и не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что они сдѣлали; они подобны лозѣ, приносящей виноградъ и ничего не добивающейся послѣ того, какъ произведетъ свой плодъ: такъ бѣгаетъ лошадь, такъ выслѣживаетъ собака, такъ собираетъ медъ пчела. Человѣкъ же, сдѣлавшій добро, не кричитъ объ этомъ, а переходитъ къ другому дѣлу, какъ лоза, которая въ урочное время должна вновь принести виноградъ.—„Итакъ, слѣдуетъ быть въ числѣ тѣхъ, которые, дѣлая добро, нѣкоторымъ образомъ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ?“ — „Да“. — „Но добро и есть именно то, въ чемъ необходимо отдать себѣ отчетъ; вѣдь человѣку, преданному общему благу, свойственно знать, что его дѣятельность отвѣчаетъ общему благу и, ей-же-ей, желать, чтобы и другіе знали объ этомъ“.—„Ты говоришь правду. Но ты не улавливаешь смысла сказаннаго и потому будешь однимъ изъ тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ раньше. Вѣдь и ихъ вводитъ въ заблужденіе видимость разумной убѣдительности. Но если ты хочешь понять сказанное, то не бойся, что тебѣ придется изъ-за этого упустить какое-нибудь общеполезное дѣло“ (6).

Digitized by Google

Молитва Афинянъ: „Пролейся, пролейся дождемъ, благодатный Зевсъ, надъ пашнями и полями афинскими". Или вообще не слѣдуетъ молиться, или молиться съ такой простотой и благородствомъ (7).

Смыслъ выраженій: „Асклепій назначаетъ такому-то верховую ѣзду, холодныя обмыванія или ходьбу босикомъ" и „Природа Цѣлаго назначаетъ такому-то болѣзнь, или увѣчье, или лишеніе чего-нибудь"—вполнѣ совпадаетъ. Вѣдь въ первомъ случаѣ слово „назначаетъ" значитъ: онъ опредѣлилъ такому-то то-то, какъ споспѣшествующее его здоровью, а во второмъ,—что приходящееся на долю каждаго опредѣлено ему, какъ споспѣшествующее его судьбѣ. Поэтому мы и говоримъ, что нѣчто „пришлось" на нашу долю, подобно тому, какъ строители говорятъ о четыреугольныхъ камняхъ въ стѣнахъ или пирамидахъ, что они „пришлись" другъ къ другу, если они находятся въ какомъ-нибудь гармоническомъ сочетаніи. Вѣдь единая гармонія проникаетъ все. И подобно тому какъ изъ всѣхъ тѣлъ слагается міръ—совершенное тѣло, такъ и изъ всѣхъ причинъ слагается судьба—совершенная причина. Мои слова должны быть понятны и для людей совсѣмъ простыхъ. Вѣдь они же говорятъ: „Судьба ниспослала ему это". Слѣдовательно такому-то ниспосылается то-то, такому-то назначается то-то. Будемъ же относиться къ этому такъ же, какъ къ тому, что назначаетъ Асклепій. Вѣдь и въ послѣднемъ случаѣ многое намъ не по вкусу, однако надежда на здоровье побуждаетъ насъ съ радостью пойти на это. Пусть же исполненіе и осуществленіе замысловъ общей природы кажется тебѣ чѣмъ-то подобнымъ твоему здоровью. Поэтому пріемли съ радостью все совершающееся, даже если оно кажется тебѣ тягостнымъ, ибо оно ведетъ къ извѣстной цѣли, къ здравію міра, благоденствію Зевеса и успѣху его начинаній. Ибо онъ никому не ниспослалъ бы этого, если бы это не способствовало благу Цѣлаго.

Digitized by Google

Вѣдь и природа любой вещи не производитъ ничего, что не было бы на потребу подвластному ей. Итакъ, слѣдуетъ любить все происходящее съ тобой по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, оно произошло съ тобой, было предназначено тебѣ и какъ бы имѣло въ виду тебя, будучи связано съ тобой еще силой изначальной причины. Во-вторыхъ, оно является причиной благоуспѣшности, совершенства и, ей-же-ей, самого существованія міродержавнаго правителя [1]. Вѣдь Цѣлое будетъ извращено, если ты хоть въ чемъ-нибудь нарушишь согласіе и связь, какъ частей его, такъ и причинъ. Но именно это ты и дѣлаешь, по мѣрѣ своихъ силъ, когда выражаешь недовольство чѣмъ-нибудь и какъ бы устраняешь его (8).

Не слѣдуетъ ни негодовать, ни падать духомъ, ни разочаровываться, если тебѣ не вполнѣ удастся во всемъ дѣйствовать согласно правильнымъ основоположеніямъ. Пусть ты потерпѣлъ неудачу, все же нужно вновь вернуться къ тому же, быть довольнымъ, если въ большинствѣ случаевъ ты поступаешь достойно человѣка, и любить то, къ чему ты возвращаешься. Къ философіи слѣдуетъ возвращаться, не какъ ребенокъ къ своему дядькѣ, но какъ страдающіе глазами къ своимъ лѣкарствамъ, губкѣ или яйцу, другіе—къ цѣлебной мази или водяному душу. Тогда легко тебѣ будетъ повиноваться разуму, и ты найдешь въ немъ свое успокоеніе. Помни же, что философія желаетъ того же, что и твоя природа; ты же желаешь и другого, несогласнаго съ природой. Но что болѣе привлекательно? Развѣ наслажденіе не сбиваетъ насъ на ложный путь именно благодаря тому, что кажется такимъ? Вникни, однако, не будутъ ли болѣе привлекательны великодушіе, свобода, простота, праведность, благочестіе. А что привлекательнѣе самого разумѣнія, если подъ нимъ понимать способность соображенія и познанія, счастливо преодолѣвающую всѣ препятствія? (9).

Digitized by Google

Сущее настолько сокрыто отъ насъ, что многимъ философамъ, и не заурядным, оно представляется совершенно непостижимымъ. И даже сами стоики признаютъ его труднопостижимымъ. Наше согласіе съ чѣмъ-нибудь не есть нѣчто неизмѣнное. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, не мѣнявшій своихъ взглядовъ? Перейди теперь къ самимъ окружающимъ тебя предметамъ: какъ все кратковѣчно и мимолетно, какъ легко можетъ стать достояніемъ распутника, блудницы или разбойника! Присмотрись, далѣе, къ нравамъ твоихъ современниковъ: съ трудомъ можно ладить даже съ самымъ уживчивымъ изъ нихъ, чтобы не сказать, что кое-кто изъ нихъ еле выноситъ самого себя. Я отказываюсь понять, что въ этомъ мракѣ, въ этой грязи, при такой текучести и матеріи, и времени, и движенія, и движимаго могло, бы еще стать предметомъ почитанія или же вообще серьезнаго отношенія. Наоборотъ, слѣдуетъ бодро ждать своего естественнаго конца, не досадуя на его замедленіе и утѣшая себя слѣдующими двумя положеніями. Во-первыхъ, со мной не можетъ случиться ничего, что не отвѣчало бы природѣ Цѣлаго. Во-вторыхъ, я могу не дѣлать ничего противъ моего божества и генія. Ибо никто не можетъ принудить меня къ этому (10).

Какое употребленіе дѣлаю я теперь изъ моей души? Вотъ вопросъ, который слѣдуетъ себѣ ставить во всякомъ положеніи, и изслѣдовать далѣе, что происходитъ съ тою частью моего существа, которую называютъ руководящей. Чья душа теперь у меня? Не ребенка ли? Не юноши ли? Не слабой ли женщины, или тирана, или скота, или дикаго звѣря? (11).

Что представляетъ собою то, что большинству людей кажется благомъ, ты могъ бы узнать хотя бы изъ слѣдующаго. Если кто-нибудь помышляетъ о какихъ-нибудь истинныхъ благахъ, какъ разумѣніе, благоразуміе, справедливость, мужество, то, задаваясь

Digitized by Google

такими мыслями, онъ не рисковалъ бы выслушать извѣстное изреченіе: „Отъ благъ и т. д.“ [2], ибо оно здѣсь совсѣмъ неумѣстно. Но если кто помышляетъ о томъ, что кажется благомъ большинству людей, то онъ не только выслушаетъ изреченіе комическаго поэта, но и охотно согласится съ нимъ, какъ съ мѣткимъ словомъ. И большинство людей представляетъ себѣ такъ это различіе; иначе это изреченіе не было бы столь оскорбительно и непристойно. Вѣдь если примѣнять его къ богатству и тому, что служитъ роскоши и славѣ, то мы вполнѣ согласны съ нимъ, какъ съ удачнымъ и остроумнымъ словомъ. Сдѣлай же слѣдующій шагъ и спроси себя, слѣдуетъ ли чтить и считать благомъ то, при мысли о чемъ вполнѣ умѣстно замѣчаніе: „Пріобрѣтшему эти блага въ изобиліи некуда будетъ и помочиться“ (12).

Я состою изъ начала причиннаго и матеріальнаго. Ни то, ни другое не перейдетъ въ небытіе, какъ и не возникло оно изъ небытія. Поэтому каждая часть моего существа по измѣненіи сдѣлается какой-нибудь частью міра, послѣдняя, измѣнившись, въ свою очередь, сдѣлается другой частью міра, и такъ въ безконечность. Вѣдь и я возникъ въ силу измѣненія, и тѣ, кто породили меня, и т. д. также въ безконечность. Все это остается вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, если міръ подчиненъ закону размѣренныхъ періодовъ [3] (13).

Разумъ и искусство разумной жизни суть способности, довольствующіяся собой и дѣлами, согласными съ ними. Ихъ стремленіе направляется свойственнымъ имъ началомъ, ихъ путь прямо ведетъ къ положенной имъ цѣли. Поэтому согласныя съ ними дѣйствія называются правильными, что указываетъ на правильность пути (14).

Ничто изъ того, что не принадлежитъ человѣку, поскольку

Digitized by Google

онъ человѣкъ, не можетъ быть названо свойственнымъ человѣку. Все это не составляетъ требованій человѣка, не предписывается природой человѣка, не является совершенствомъ человѣческой природы. Не въ этомъ и цѣль человѣка, а, слѣдовательно, и завершеніе цѣли—благо.

Вѣдь если бы, далѣе, что-нибудь изъ этого было свойственно человѣку, то не могло бы быть свойственно ему пренебреженіе и противодѣйствіе по отношенію къ этому, и не былъ бы достоинъ похвалы тотъ, кто стремится не нуждаться въ этомъ; будь это благомъ, не могъ бы быть хорошимъ человѣкъ, отказывающій себѣ въ чемъ-нибудь подобномъ. На самомъ же дѣлѣ человѣкъ тѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе его отреченіе отъ этого [4], или чѣмъ легче онъ переноситъ лишеніе чего-нибудь такого (15).

Каковы по большей части твои представленія, таковымъ же будетъ и твое помышленіе. Ибо душа пропитываетея этими представленіями. Пусть же она постоянно пропитывается у тебя представленіями вродѣ нижеслѣдующихъ. Гдѣ есть возможность жить, тамъ можно и хорошо жить: при дворѣ можно жить, слѣдовательно, тамъ можно и хорошо жить. И далѣе: каждая вещь стремится къ тому, ради чего она была создана, а въ томъ, къ чему она стремится,—ея цѣль; но гдѣ цѣль каждой вещи, тамъ же ея польза и благо. Благо же разумнаго существа — общеніе. А что мы созданы для общенія — это доказано уже давно. Развѣ не очевидно, что низшія существа созданы для высшихъ, а высшія другъ для друга? Одушевленныя—выше неодушевленныхъ, изъ одушевленныхъ же высшими являются разумныя (16).

Стремиться къ невозможному — безумно. Но невозможно, чтобы дурные люди не поступали соотвѣтствующимъ образомъ (17).

Digitized by Google

Ни съ кѣмъ не случается ничего такого, чего онъ не въ силахъ былъ бы вынести. Случается то же самое и съ другими, и они, потому ли, что не знаютъ, что съ ними случилось, или потому, что желаютъ щегольнуть своимъ возвышеннымъ образомъ мыслей, остаются твердыми и непоколебимыми. Было бы ужасно, если бы невѣжество и тщеславіе оказались сильнѣе разумѣнія (18).

Сами вещи отнюдь не соприкасаются съ душой. Имъ нѣтъ доступа въ душу, онѣ не могутъ ни измѣнить ее, ни привести ее въ движеніе. Измѣненіе же и движеніе въ ней лишь отъ нея самой. И какимъ будетъ для нея все предлежащее ей— зависитъ отъ того, какихъ сужденій она сочтетъ себя достойной (19).

Человѣкъ является для насъ существомъ наиболѣе близкимъ, поскольку мы обязаны дѣлать людямъ добро и не тяготиться ими. Поскольку же кто-нибудь изъ нихъ противодѣйствуетъ исполненію моихъ обязанностей, постольку онъ становится для меня не менѣе безразличнымъ, нежели солнце, вѣтеръ, дикій звѣрь. Все это можетъ воспрепятствовать какой-либо дѣятельности, но для стремленія и настроенія, въ силу полагаемаго условія (*διὰ τὴν ὑπεξαίρεσιν*) и способности претворенія (*τὴν περιτροπήν*), препятствія возникнуть не можетъ. Вѣдь душа претворяетъ и измѣняетъ каждое препятствіе въ предпочтительное (*τὸ προηγούμενον*); то, что было препоной для даннаго дѣйствія, становится средствомъ для другого дѣйствія, а то, что стояло на пути, само указуетъ путь[5] (20).

Чти наиболѣе совершенное изъ существующаго въ мірѣ; имъ будетъ то, что всѣмъ пользуется и всѣмъ правитъ. Равнымъ образомъ почитай наиболѣе совершенное изъ существующаго въ

Digitized by Google

тебѣ: оно сродни первому. Ибо и въ тебѣ оно то, что пользуется всѣмъ другимъ, а твоя жизнь направляется имъ (21).

Что не причиняетъ вреда Граду, не вредитъ и гражданину. Каждый разъ, когда возникаетъ представленіе о вредѣ, примѣняй слѣдующее правило: „Если это не приноситъ вреда Граду, то не приноситъ и мнѣ". Если же Граду причиненъ вредъ, то не сердиться слѣдуетъ на виновнаго, а указать ему его заблужденіе [6] (22).

Чаще размышляй о томъ, съ какой быстротой проносится и исчезаетъ изъ виду все сущее и происходящее. Ибо сущность подобна непрерывно текущей рѣкѣ; дѣйствія безпрестанно смѣняютъ другъ друга, причины подлежатъ безчисленнымъ измѣненіямъ. И нѣтъ, повидимому, ничего устойчиваго, а рядомъ съ нами безмѣрная бездна прошедшаго и грядущаго, въ которой все исчезаетъ. Такъ не глупцомъ ли будетъ тотъ, кто станетъ гордиться чѣмъ-нибудь подобнымъ, или волнуется по его поводу, или же жалуется, точно дѣло идетъ о бремени, которому предстоитъ длиться вѣка? (23).

Вспомни о сущности въ ея цѣломъ: въ какой ничтожной долѣ ты участвуешь въ ней; о времени въ его цѣломъ, отъ котораго тебѣ удѣленъ лишь краткій и мимолетный срокъ; о судьбѣ: какой незначительной частицей ея ты являешься! (24).

Кто-нибудь поступаетъ плохо по отношенію ко мнѣ? Ну что-жъ, это его дѣло. У него свое душевное настроеніе и свой образъ дѣйствій. Я же таковъ, какимъ желаетъ, чтобы я былъ, общая природа, и поступаю такъ, какъ желаетъ, чтобы я поступалъ, моя собственная природа (25).

Digitized by Google

Руководящая и господствующая часть твоей души не должна поддаваться вліянію медленныхъ или порывистыхъ движеній въ тѣлѣ. Ей слѣдуетъ не смѣшиваться съ тѣломъ, а отмежеваться отъ него и происходящее въ его членахъ ограничить ихъ предѣлами. Если же оно сообщается душѣ другимъ путемъ, въ силу общенія и соединенія ея съ тѣломъ, то въ такомъ случаѣ не нужно пытаться противодѣйствовать ощущенію, ибо оно существуетъ согласно природѣ. Руководящее начало не должно только прибавлять отъ себя убѣжденія о добрѣ и злѣ (26).

Живи въ общеніи съ богами! Но въ общеніи съ богами живетъ тотъ, кто постоянно являетъ имъ свою душу довольной своимъ удѣломъ, дѣйствующей согласно желаніямъ генія, котораго Зевсъ далъ каждому человѣку, какъ наставника и руководителя, и который есть частица его самого. Этотъ геній есть духъ и разумъ каждаго изъ насъ (27).

Будешь ли ты сердиться на человѣка, отъ котораго пахнетъ потомъ, или у котораго скверно пахнетъ изо рта? Что ему дѣлать? Такой уже у него ротъ и такія мышки, что, противъ его воли, исходитъ отъ нихъ такой запахъ. „Но вѣдь человѣкъ“, возразятъ мнѣ, „обладаетъ разумомъ и можетъ, при нѣкоторомъ вниманіи, усмотрѣть, въ чемъ его недостатокъ“.—Правильно. Но въ такомъ случаѣ и ты обладаешь разумомъ. Пусть же разумное убѣжденіе въ тебѣ приведетъ въ движеніе разумное убѣжденіе въ другомъ. Доказывай, напоминай. Если онъ услышитъ тебя, то исцѣлится, и не будетъ уже нужды въ гнѣвѣ.

Не слѣдуетъ уподобляться ни трагическому актеру, ни блудницѣ (28).

Digitized by Google

Ты можешь здѣсь жить такъ, какъ разсчитываешь жить, уйдя отсюда. Если же тебя лишаютъ этой возможности, то разстанься съ жизнью, но какъ человѣкъ, не усматривающій въ этомъ никакого зла. Дымъ ѣстъ мнѣ очи, и я ухожу[7]. Считаешь ли ты это особымъ подвигомъ? Но пока ничто не гонитъ меня вонъ, я остаюсь свободнымъ, и никто не помѣшаетъ дѣлать то, что я желаю. Желанія же мои согласны съ природой существа разумнаго и общежительнаго (29).

Духъ Цѣлаго требуетъ общенія. Поэтому менѣе совершенныя существа онъ создалъ ради болѣе совершенныхъ, а болѣе совершенныя приноровилъ другъ къ другу. Ты видишь, какое онъ всюду установилъ подчиненіе и соподчиненіе, каждому далъ въ мѣру его достоинства и привелъ наиболѣе совершенныя существа къ единомыслію (30).

Какъ ты велъ себя до сего дня по отношенію къ богамъ, родителямъ, братьямъ, супругѣ, дѣтямъ, учителямъ, воспитателямъ, друзьямъ, родственникамъ, домочадцамъ? Можешь ли ты сказать о себѣ:

„До сихъ поръ никого не обидѣлъ ни словомъ, ни дѣломъ“? [8].

Вспомни, сколько ты пережилъ и сколько имѣлъ мужество перенести. Вспомни, что исторія твоей жизни уже близка къ окончанію, и срокъ служенія—на исходѣ. Вспомни, сколько ты видѣлъ прекраснаго, ко сколькимъ наслажденіямъ и страданіямъ отнесся съ пренебреженіемъ, какъ презиралъ суетную славу и сколько разъ показалъ себя праведнымъ по отношенію къ неправеднымъ (31).

Какъ могутъ люди безъ образованія и неучи смутить покой человѣка образованнаго и знающаго? Кого же слѣдуетъ назвать образованнымъ и знающимъ? Того, кто знаетъ начало и цѣль, и

Digitized by Google

разумъ, проникающій все сущее и извѣчно управляющій всѣмъ по размѣреннымъ періодамъ (32).

Еще немного—и ты прахъ или кости; останется одно имя, а то и его нѣтъ. Имя же—пустой звукъ и бездушное эхо. Всѣ блага, цѣнимыя въ жизни, суетны, бренны, ничтожны, и подобны молодымъ псамъ, кусающимъ другъ друга, и капризнымъ дѣтямъ, то смѣющимся, то вновь плачущимъ. Вѣрность же и стыдъ, справедливость и истина удалились

съ пространной земли на Олимпъ [9].

Что же еще удерживаетъ тебя тутъ? Все воспринимаемое чувствами измѣнчиво и неустойчиво, сами чувства смутны и легко поддаются въ обманъ, а сама наша душонка—испарина крови. Развѣ не суетно желаніе пользоваться славой у такихъ созданій? Почему же не ожидаешь ты съ легкимъ сердцемъ своего уничтоженія или измѣненія во что-нибудь другое? Но какъ быть до тѣхъ поръ, пока не наступилъ еще этотъ моментъ? Чтить и славить боговъ, дѣлать добро людямъ, не тяготиться ими, но и не сближаться съ ними слишкомъ, помнить, что все, находящееся внѣ твоего бреннаго тѣла и такой же жизненной силы, не принадлежитъ тебѣ и отъ тебя не зависитъ (33).

Если ты можешь избрать правильный путь и надлежащимъ образомъ составлять свое убѣжденіе и дѣйствовать, то можешь и быть счастливымъ. Двѣ особенности общи, какъ душѣ бога, такъ и душѣ человѣка, и всякаго разумнаго существа. Во-первыхъ, ничто чуждое душѣ не можетъ оказаться для нея препятствіемъ. Во-вторыхъ, душа можетъ полагать свое благо въ праведномъ настроеніи и дѣйствіи и ими ограничить свое стремленіе (34).

Digitized by Google

Если что-нибудь не является ни порокомъ во мнѣ, ни дѣйствіемъ моего порока и въ то же время не причиняетъ вреда Цѣлому, то стоитъ ли мнѣ по его поводу тревожиться? Но что могло бы причинить вредъ Цѣлому? (35).

Не отдавайся всецѣло полету своего воображенія, но помогай другимъ, по мѣрѣ возможности и поскольку они заслуживаютъ, даже если у нихъ ощущается недостатокъ въ вещахъ безразличныхъ. Но не воображай, что этотъ недостатокъ означаетъ вредъ: зла тутъ нѣтъ никакого [10]. Старецъ, уходя, настоятельно требуетъ у своего питомца кубарь, хотя и знаетъ, конечно, что это всего на всего игрушка. Такъ же и тутъ. Но когда ты говоришь съ трибуны [11]... Человѣкъ, не забылъ ли ты о чемъ идетъ рѣчь? — „Да. Но вѣдь всѣ такъ стремятся къ этому“.—Неужели же на этомъ основаніи и ты долженъ стать глупцомъ?

Куда бы я ни попалъ, я могу быть счастливъ. Счастливъ же тотъ, кто уготовилъ себѣ благую участь. Благая же участь — это благія склонности души, благія стремленія, благія дѣла (36).

Digitized by Google

КНИГА ШЕСТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Сущность Цѣлаго податлива и послушна. Разумъ же, управляющій ею, не таитъ въ себѣ никакой причины, которая могла бы побудить его дѣлать зло. Вѣдь зла въ немъ нѣтъ, онъ ничего злого не дѣлаетъ, и ничто не терпитъ отъ него вреда. Но все возникаетъ и совершается согласно ему (1).

Пусть будетъ для тебя безразлично, терпишь ли ты, исполняя свой долгъ, отъ холода или зноя, клонитъ ли тебя ко сну, или ты уже выспался, плохо ли о тебѣ отзываются, или хорошо, собираешься ли умирать, или сдѣлать что-нибудь другое. Вѣдь смерть есть одна изъ нашихъ жизненныхъ задачъ, и для ея рѣшенія достаточно надлежащаго выполненія текущихъ дѣлъ (2).

Не довольствуйся поверхностнымъ взглядомъ. Отъ тебя не должны ускользнуть ни своеобразіе каждой вещи, ни ея достоинство (3).

Всѣ предметы подлежатъ очень быстрому измѣненію; имъ предстоитъ или испариться (если сущность всего едина), или же разсѣяться (4).

Правящій разумъ знаетъ самого себя, знаетъ, что дѣлаетъ, и съ какой матеріей имѣетъ дѣло (5).

Digitized by Google

Лучшій способъ оборониться отъ обиды—это не уподобляться обидчику (6).

Въ одномъ ищи радости и успокоенія: въ томъ, именно, чтобы отъ одного общеполезнаго дѣла переходить къ другому, памятуя о богѣ (7).

Руководящее начало само себя побуждаетъ и направляетъ. Оно дѣлаетъ себя такимъ, какимъ желаетъ, и отъ него же зависитъ сдѣлать такъ, чтобы все казалось ему такимъ, какимъ оно само желаетъ (8).

Все совершается согласно природѣ Цѣлаго, а не какой-либо другой, объемлющей ли ее извнѣ, или таящейся внутри, или же обособленной (9).

Или смѣшеніе, сплетеніе и разсѣяніе, или же единеніе, порядокъ и промыселъ. Если допустить первое, то что можетъ побудить меня оставаться далѣе въ этой дикой путаницѣ и смятеніи? О чемъ мнѣ еще заботиться, какъ не о предстоящемъ превращеніи въ землю? Что можетъ волновать меня? Что бы я ни дѣлалъ, и до меня дойдетъ разсѣяніе. Если же допустить второе, то я преисполняюсь благоговѣнія и мужества и уповаю на промыселъ (10).

Если обстоятельства понудятъ тебя измѣнить своему душевному равновѣсію, то поспѣши вернуться къ самому себѣ и не отступать сверхъ необходимости отъ размѣренныхъ движеній своей души. Вѣдь чѣмъ чаще будешь ты возвращаться къ гармоніи, тѣмъ болѣе и болѣе будешь укрѣпляться въ ней (11).

Если бы у тебя были одновременно и мачеха, и родная мать, то ты, конечно, относился бы къ первой съ уваженіемъ, но тебя,

Digitized by Google

однако, постоянно тянуло бы къ матери. Таковыми являются для тебя дворъ и философія. Постоянно же возвращайся къ философіи и ищи въ ней успокоенія; благодаря ей и жизнь при дворѣ не будетъ тебѣ въ тягость, и самъ ты не будешь въ тягость другимъ (12).

Относительно мясныхъ блюдъ и вообще подобныхъ кушаній можно пріучить себя къ такому взгляду: это вотъ трупъ рыбы, это—трупъ птицы или поросенка. Равнымъ образомъ, фалернское вино—выжатый сокъ винограда, пурпуръ—шерсть овцы, окрашенная кровью улитки, соитіе—треніе извѣстныхъ органовъ и выбрасываніе сѣмени, соединенное съ особыми спазмами. Такого рода представленія, доходя до самыхъ вещей и проникая въ нихъ, даютъ возможность увидѣть, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ. Такъ слѣдуетъ поступать всю жизнь. Если какія-либо вещи кажутся намъ безусловно заслуживающими нашего одобренія, слѣдуетъ обнажить ихъ, прозрѣть всю ихъ суетность и устранить ореолъ, придаваемый имъ росказнями. Ибо ничто не способно такъ вводить въ заблужденіе, какъ тщеславіе, и проводитъ оно тебя болѣе всего тогда, когда тебѣ кажется, что ты занятъ самымъ серьезнымъ дѣломъ. Посмотри-ка, что говоритъ Кратесъ [1] о самомъ Ксенократѣ (13).

Большинство людей восторгается обыкновенно самыми обыденными вещами, относящимися къ мертвой или растительной природѣ [2], какъ-то: камнями, досками, смоковницами, виноградными лозами, маслинами. Нѣсколько болѣе развитые люди—существами одушевленными, какъ стадами мелкаго или крупнаго скота. Люди, стоящіе на слѣдующей ступени развитія,—тѣмъ, что одарено разумной душой, не имѣющей, однако, вселенскаго характера (*καθολικῆς*), но обладающей спеціальными познаніями или же какими-нибудь дарованіями, или даже лишенной ихъ: сюда от-

Digitized by Google

носится обладаніе большимъ числомъ рабовъ. Тотъ же, кто чтитъ душу разумно-вселенскую и гражданственную, не смотритъ уже ни на что другое. Его болѣе всего занимаетъ, какъ сохранить разумность и уваженіе къ общественности въ своей душѣ и помочь въ томъ же своему ближнему (14).

Одно спѣшитъ къ существованію, другое спѣшитъ изъ него, и изъ того, что возникло, кое-что уже исчезло. Потокъ измѣненія постоянно обновляетъ міръ, какъ непрестанное теченіе времени постоянно сообщаетъ юность безпредѣльной вѣчности. Что могло бы стать для кого-нибудь предметомъ почитанія въ этомъ потокѣ бѣгущихъ явленій, ни на одномъ изъ которыхъ нѣтъ возможности остановиться? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь вздумалъ облюбовать одну изъ пролетающихъ птицъ,— а она уже скрылась изъ глазъ. Такова же и жизнь каждаго изъ насъ—испареніе крови и вдыханіе воздуха. Вѣдь нѣтъ разницы между однократнымъ забираніемъ и возвращеніемъ воздуха (что мы производимъ ежемгновенно), и возвращеніемъ самой способности дыханія, полученной тобой вчера или позавчера, при рожденіи, туда, откуда ты ее первоначально получилъ (15).

Цѣнно не выдыханіе воздуха, имѣющееся и у растеній, и не вдыханіе его, которымъ обладаютъ и скоты, и звѣри, не способность получать извнѣ представленія и опредѣляться стремленіемъ, не стадная жизнь, и не питаніе; все это ничѣмъ не лучше обратнаго выдѣленія остатковъ пищи. Но что же, наконецъ, цѣнно? Выраженіе одобренія? Нѣтъ. Слѣдовательно и не выраженіе одобренія съ помощью языковъ; вѣдь къ этому-то, именно, и сводится то доброе имя, которое можетъ дать толпа.

Итакъ, ты отрекся и отъ суетной славы. Что же остается цѣннаго? Мнѣ кажется, дѣятельность, согласная съ присущимъ тебѣ строемъ, и вѣрность ему,—т.-е. именно то, на что направлены и всѣ

Digitized by Google

занятія, и искусства. Вѣдь всякое искусство стремится къ тому, чтобы его произведенія соотвѣтствовали тому дѣлу, для котораго они были приготовлены: этого добивается и садоводъ, заботящійся о виноградной лозѣ, и укротитель коней, и собашникъ. А къ чему стремятся воспитаніе и обученіе? Это-то и цѣнно. И если въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно, то ты уже не будешь нуждаться ни въ чемъ другомъ. Но ты не можешь отказаться и отъ многихъ другихъ цѣнностей? Въ такомъ случаѣ ты не будешь обладать ни свободой, ни самоудовлетворенностью, ни безмятежностью. Тебѣ, по необходимости, придется завидовать, ревновать, подозрѣвать тѣхъ, которые способны отнять у тебя цѣнимыя тобою вещи, и злоумышлять противъ тѣхъ, которые обладаютъ ими. Вообще, ощущающій недостатокъ въ чемъ-нибудь изъ нихъ необходимо долженъ притти въ замѣшательство и начать хулить боговъ. Если же ты будешь бережно относиться къ собственной душѣ и цѣнить ее, ты будешь удовлетворенъ самимъ собой, будешь ладить съ людьми и соглашаться съ богами, т.-е. хвалить все, что они ниспошлютъ и назначатъ тебѣ (16).

Элементы несутся вверхъ, внизъ и въ круговоротѣ. Движеніе же добродѣтели не слѣдуетъ ни одному изъ этихъ направленій, но есть нѣчто болѣе божественное: оно идетъ впередъ вѣрнымъ, хотя и не легко опредѣлимымъ путемъ (17).

Что дѣлаютъ люди! Своихъ современниковъ, живущихъ вмѣстѣ съ ними, они прославлять не желаютъ. А сами, между тѣмъ, чрезвычайно высоко ставятъ славу у потомковъ, которыхъ они никогда не видали и не увидятъ. Вѣдь это почти то же, что огорчаться по поводу того, что уже предки не пѣли тебѣ хвалы (18).

Если что-либо тебѣ не по силамъ, то не рѣшай еще, что оно вообще невозможно для человѣка. Но если что-нибудь возможно

Digitized by Google

для человѣка и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебѣ (19).

Во время гимнастическихъ упражненій кто-нибудь оцарапалъ тебя ногтемъ или ударомъ головы подставилъ синякъ. Мы не придаемъ значенія этому, не обижаемся и не будемъ въ дальнѣйшемъ смотрѣть на него, какъ на злоумышленника, хотя и будемъ его беречься, не какъ врага, однако, или человѣка подозрительнаго; мы просто будетъ спокойно уступать ему путь.—Пусть будетъ также и въ остальной жизни: многаго не должны мы ставить въ счетъ тѣмъ, кто какъ бы упражняется вмѣстѣ съ нами на жизненной аренѣ. Вѣдь можно же, какъ я сказалъ, уклоняться отъ встрѣчъ, не подозрѣвая и не ненавидя (20).

Если кто-нибудь можетъ съ очевидностью доказать мнѣ, что я неправильно сужу или дѣйствую, то я съ радостью измѣнюсь. Ибо я ищу истины, отъ которой еще никто никогда не потерпѣлъ вреда. Терпитъ же вредъ тотъ, кто упорствуетъ въ своемъ заблужденіи и невѣжествѣ (21).

Я исполняю свой долгъ. Ничто другое не отвлекаетъ моего вниманія: это или нѣчто неодушевленное, или неразумное, или заблудшее, или же незнающее пути (22).

Къ существамъ неразумнымъ и вообще ко всѣмъ вещамъ и предметамъ относись съ великодушіемъ и достоинствомъ, какъ существо, обладающее разумомъ, къ тому, что не обладаетъ имъ. Къ людямъ же, какъ существамъ разумнымъ, относись, какъ къ равнымъ. И всегда призывай боговъ. И пусть будетъ для тебя неважно, сколько времени продлится такая дѣятельность. Достаточно и трехъ такихъ часовъ (23).

Digitized by Google

Смерть уравняла Александра Македонскаго съ его погонщикомъ муловъ. Ибо они или были поглощены сѣменообразными потенціями (*λόγοι σπερματικοί*) міра, или же распались на атомы (24).

Подумай о томъ, сколько явленій возникаетъ въ тѣлѣ и душѣ каждаго изъ насъ въ теченіе одного момента времени, и ты не будешь удивляться тому, если несравненно болѣе, или вѣрнѣе все, сосуществуетъ въ томъ Единомъ и Цѣломъ, которое мы называемъ міромъ (25).

Если кто-нибудь спроситъ тебя, какъ пишется имя „Антонинъ", то неужели же ты станешь выкрикивать каждую изъ составляющихъ его буквъ? А если на тебя будутъ сердиться, будешь ли ты также сердиться въ свою очередь? Развѣ ты не перечислишь спокойно и по порядку всѣ отдѣльныя буквы? Помни же, что и всякая обязанность составляется изъ отдѣльныхъ моментовъ, которые можно перечислить. Ихъ то и должно блюсти и безъ суетливости, не отвѣчая раздраженіемъ на раздраженіе, надлежащимъ образомъ исполнять очередное дѣло (26).

Не жестоко ли не позволять людямъ стремиться къ тому, что имъ кажется пристойнымъ и полезнымъ? Но досадуя на ихъ заблужденія, ты нѣкоторымъ образомъ не позволяешь имъ этого. Вѣдь они же всегда стремятся къ тому, что имъ представляется пристойнымъ и полезнымъ.—„Но на самомъ дѣлѣ это не такъ".—Тогда поучай и указывай, но не выходи изъ себя (27).

Смерть кладетъ предѣлъ способности получать ощущенія, опредѣляющимъ насъ стремленіямъ, блужданію мысли и служенію тѣлу (28).

Digitized by Google

Позоръ, если въ той самой жизни, въ которой тебѣ не отказывается служить тѣло, отказалась бы служить душа (29).

Не иди по стопамъ Цезарей и не позволяй себя увлечь: вѣдь это бываетъ. Старайся сохранить въ себѣ простоту, добропорядочность, неиспорченность, серьезность, скромность, приверженность къ справедливости, благочестіе, благожелательность, любвеобиліе, твердость въ исполненіи надлежащаго дѣла. Употреби всѣ усилія на то, чтобы остаться такимъ, какимъ тебя желала сдѣлать философія. Чти боговъ и заботься о благѣ людей. Жизнь коротка; единственный же плодъ земной жизни—благочестивое настроеніе и дѣятельность, согласная съ общимъ благомъ. Во всемъ будь ученикомъ Антонина. Подражай его настойчивости въ дѣятельности, согласной съ разумомъ, никогда не измѣнявшей ему уравновѣшенности и благочестію, ясности его чела, вѣжливости въ обращеніи, презрѣнію къ суетной славѣ и рвенію въ познаніи вещей. Онъ никогда не проходилъ мимо чего-нибудь, не разсмотрѣвъ его внимательно и не отдавъ себѣ въ немъ яснаго отчета. Какъ терпѣливо переносилъ онъ несправедливые упреки, не отвѣчая на нихъ тѣмъ же! Какъ ни въ чемъ не обнаруживалъ онъ опрометчивости и какъ невоспріимчивъ онъ былъ къ клеветѣ! Какъ тщательно изслѣдовалъ онъ характеры и поступки! Какъ далекъ онъ былъ отъ желанія все хулить, отъ пугливости, подозрительности и софистики! Какъ скромны были его требованія, когда подымался вопросъ о помѣщеніи, ложѣ, одеждѣ, ѣдѣ, услугахъ, и какъ онъ былъ трудолюбивъ и сдержанъ! Благодаря своему простому образу жизни, онъ могъ оставаться въ одномъ мѣстѣ до вечера, а естественныя нужды удовлетворять лишь въ опредѣленные часы. Какъ онъ былъ вѣренъ и ровенъ въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ! Какъ терпѣливо выслушивалъ онъ тѣхъ, которые откровенно высказывались противъ его мнѣнія, и какъ радовался, если кто-нибудь предлагалъ луч-

Digitized by Google

шее! Какъ онъ былъ благочестивъ и въ то же время чуждъ суевѣрія! Пусть свой послѣдній часъ ты встрѣтишь съ такой же спокойной совѣстью, какъ онъ! (30).

Очнись и приди въ себя! Проснувшись же и убѣдившись, что тебя тревожили только сны, ты вновь пробудись и смотри на все происходящее такъ же, какъ ты только что смотрѣлъ на сонныя видѣнія (31).

Я состою изъ тѣла и души. Для тѣла все безразлично, ибо оно не способно къ различію. Для души же безразлично все то, что не есть ея дѣйствіе. А всѣ ея дѣйствія зависятъ отъ нея же самой. Но и изъ дѣйствій—лишь имѣющія отношеніе къ настоящему. Ибо будущее и прошедшее—уже безразличны (32).

Трудъ для руки и ноги не идетъ въ разрѣзъ съ природой, пока рука и нога дѣлаютъ то, что имъ свойственно. Точно такъ же и трудъ для человѣка, какъ человѣка, не идетъ въ разрѣзъ съ природой, пока онъ дѣлаетъ то, что свойственно человѣку. Но если онъ не идетъ въ разрѣзъ съ природой, то онъ и не есть зло (33).

Сколько наслажденій испытали грабители, распутники, отцеубійцы, тираны! (34).

Не замѣчаешь ли ты, что простые ремесленники, приспособляясь до извѣстной степени ко вкусу невѣждъ, тѣмъ не менѣе крѣпко держатся разума своего искусства и не отступаютъ отъ него? Не ужасно ли, что архитекторъ или врачъ болѣе чтятъ разумъ своего искусства, нежели человѣкъ свой собственный разумъ, общій у него съ богами! (35).

Азія, Европа—только уголки міра, весь океанъ—капля въ мірѣ, гора Аѳонъ—комъ земли въ мірѣ. Все настоящее—мгновенье

Digitized by Google

вѣчности. Все ничтожно, непостоянно, подлежитъ исчезновенію. Все исходитъ отъ одного общаго руководящаго начала непосредственно или же въ силу необходимой связи. И пасть льва, и яды, и все вредоносное, какъ шипы или тина, есть сопринадлежность совершеннаго и прекраснаго. Не воображай же, что оно чуждо тому, что ты чтишь, но постоянно возвращайся мыслью къ источнику всего (36).

Кто видѣлъ настоящее, тотъ уже видѣлъ все, бывшее въ теченіе вѣчности, и все, что еще будетъ въ теченіе безпредѣльнаго времени. Ибо все однородно и единообразно (37).

Чаще размышляй о связи всѣхъ вещей, находящихся въ мірѣ, и объ ихъ взаимоотношеніи. Ибо всѣ онѣ какъ бы переплетены между собою и поэтому въ содружествѣ другъ съ другомъ, слѣдуя другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Это объясняется непрерывностью движенія, общей согласованностью и единствомъ сущности (38).

Приспособляйся къ обстоятельствамъ, выпавшимъ на твою долю. И отъ всего сердца люби людей, съ которыми тебѣ суждено жить (39).

Всякое орудіе, приспособленіе, утварь будутъ въ хорошемъ состояніи, если будутъ исполнять дѣло, ради котораго они созданы, хотя здѣсь создавшій эти предметы и не находится при нихъ. Что же касается вещей, созданныхъ природой, то творческая сила находится внутри ихъ и пребываетъ съ ними. Поэтому ее слѣдуетъ особенно чтить и быть увѣреннымъ, что, если ты будешь вести себя согласно ея пожеланіямъ, то все будетъ тебѣ по душѣ. Точно такъ же и все, принадлежащее къ Цѣлому, по душѣ ему (40).

Digitized by Google

Если ты сочтешь за благо или зло что-либо, независящее отъ твоего выбора, то тебѣ придется за наличность подобнаго зла или отсутствіе подобнаго блага обращаться съ упреками къ богамъ и ненавидѣть людей, дѣйствительно являющихся причиной наличности зла или отсутствія блага, или только подозрѣваемыхъ въ этомъ; при такомъ отношеніи къ подобнымъ вещамъ намъ придется во многомъ поступать несправедливо. Если же мы будемъ считать благомъ или зломъ только то, что зависитъ отъ насъ самихъ, то не будетъ уже никакой причины обвинять бога или объявлять войну людямъ (41).

Всѣ мы содѣйствуемъ единой общей цѣли, одни со знаніемъ и пониманіемъ, другіе безсознательно. Поэтому-то, думается мнѣ, Гераклитъ и говоритъ, что и спящіе также дѣйствуютъ и содѣйствуютъ происходящему въ мірѣ. Но каждый содѣйствуетъ по-своему: и разнузданный хулитель, и тотъ, кто пытается противодѣйствовать происходящему и устранить его. И такіе люди нужны міру. Слѣдовательно, тебѣ предстоитъ рѣшить, къ кому себя сопричислить. Тотъ, кто правитъ Цѣлымъ, все равно используетъ тебя надлежащимъ образомъ и обратитъ тебя въ одного изъ содѣйствующихъ и соучастниковъ. Но пусть твое участіе не будетъ подобно тому дурному и глупому стиху въ драмѣ, о которомъ упоминаетъ Хризиппъ[3] (42).

Развѣ солнце берется за дѣло дождя, или Асклепій за дѣло Деметры? А свѣтила? Не разнятся ли они между собой и не содѣйствуютъ ли они въ то же время другъ другу? (43).

Если боги задавались какимъ-нибудь намѣреніемъ относительно меня и долженствующаго произойти со мной, то ихъ намѣреніе прекрасно. Вѣдь бога, лишеннаго намѣреній, трудно и помыслить. А по какой причинѣ должны они были бы стремиться причинить

Digitized by Google

мнѣ зло? Какой прокъ былъ бы отъ этого имъ или Цѣлому—предмету ихъ наибольшихъ заботъ? Если же они не имѣли никакихъ намѣреній относительно меня лично, то уже, конечно, имѣли относительно Цѣлаго вообще; но и въ такомъ случаѣ я долженъ привѣтствовать и любить свой удѣлъ, какъ соединенный необходимой связью съ Цѣлымъ. Если же у боговъ вообще нѣтъ никакихъ намѣреній (такая вѣра противорѣчила бы благочестію), то не будемъ ни приносить жертвъ, ни молиться, ни клясться, не будемъ, однимъ словомъ, дѣлать ничего такого, что мы дѣлаемъ, какъ люди убѣжденные въ существованіи боговъ и въ ихъ общеніи съ нами. Но если даже у боговъ нѣтъ никакихъ намѣреній относительно насъ, то вѣдь я самъ могу имѣть намѣренія относительно самого себя—и долженъ разсмотрѣть, что мнѣ полезно. Каждому полезно то, что согласно съ его строемъ и природой. Моя природа—существа разумнаго и гражданственнаго. Для меня, какъ Антонина, градъ и отечество—Римъ, какъ человѣка—міръ. И только полезное этимъ двумъ градамъ есть благо для меня (44).

Происходящее съ каждымъ изъ насъ полезно Цѣлому—этого достаточно. Но при внимательномъ наблюденіи можно убѣдиться и въ томъ, что вообще все, полезное для одного человѣка, полезно и другимъ людямъ. Полезное слѣдуетъ тутъ брать въ болѣе широкомъ смыслѣ, распространяя его и на вещи безразличныя (45).

Постоянное повтореніе представленій въ амфитеатрѣ и тому-подобныхъ мѣстахъ можетъ подъ конецъ опротивѣть, и однообразіе сдѣлать зрѣлище докучнымъ. То же приходится терпѣть и всю жизнь. Ибо и вверху, и внизу—все одно и то же, и изъ одного и того же. Но до коихъ же поръ? (46).

Digitized by Google

Постоянно думай о смерти различнаго рода людей, посвятившихъ себя различнымъ занятіямъ, принадлежавшихъ къ всевозможнымъ племенамъ, и дойди такимъ образомъ до Филистіона, Феба, Ориганіона. Затѣмъ перейди къ другимъ классамъ. И намъ придется отправиться туда же, куда отошло столько краснорѣчивыхъ ораторовъ, столько знаменитыхъ философовъ, какъ Гераклитъ, Пифагоръ, Сократъ, столько героевъ древности, а за ними столько военачальниковъ и тирановъ, затѣмъ Евдоксъ, Гипнархъ, Архимедъ и другіе люди, даровитые, возвышеннаго образа мыслей, трудолюбивые, искусные, увѣренные въ себѣ, и даже такіе обличители тщеты и мимолетности человѣческой жизни, какъ Мениппъ и ему подобные. Всѣ они—помни объ этомъ—уже давно лежатъ въ землѣ. Что въ этомъ ужаснаго для нихъ? А что для тѣхъ, имена которыхъ уже совсѣмъ позабыты? Лишь одно дѣйствительно цѣнно: прожить жизнь, блюдя истину и справедливость и сохраняя благожелательность по отношенію къ людямъ лживымъ и несправедливымъ [4] (47).

Если ты хочешь доставить себѣ радость, то подумай о добродѣтеляхъ людей, съ которыми ты живешь. Одинъ отличается дѣловитостью, другой скромностью, третій щедростью, другой еще чѣмъ-нибудь. Ничто не доставляетъ такой радости, какъ образъ добродѣтелей, проявляющихся въ нравахъ живущихъ съ нами людей и встрѣчающихся въ болѣе или менѣе тѣсномъ единеніи. Поэтому всегда имѣй ихъ передъ глазами (48).

Развѣ ты досадуешь на то, что въ тебѣ столько-то вѣсу, а не въ сто разъ больше? Точно также не досадуй на то, что тебѣ суждено прожить извѣстное число лѣтъ, а не больше. Довольствуйся удѣленнымъ тебѣ временемъ, какъ ты довольствуешься удѣленной тебѣ сущностью (49).

Digitized by Google

Попытайся убѣдить ихъ. Дѣйствуй даже вопреки ихъ волѣ, если это предписывается разумной справедливостью. Если же кто употребитъ насиліе противъ тебя, то ищи убѣжища въ удовлетвореніи самимъ собою, въ спокойствіи духа и воспользуйся препятствіемъ для проявленія другой добродѣтели. И помни, что твое стремленіе всегда условно, и ты не добиваешься ничего невозможнаго. Но чего же именно ты добиваешься? Только подобнаго стремленія. Но его ты достигнешь, если даже то, къ чему ты стремился, останется неосуществленнымъ [5] (50).

Честолюбецъ видитъ свое благо въ чужомъ дѣйствіи. Преданный наслажденію—въ испытываемомъ имъ состояніи. Разумный же человѣкъ—въ своей дѣятельности (51).

Вполнѣ возможно не составлять себѣ никакого убѣжденія по поводу этого и избавить душу отъ треволненій. Ибо сами вещи по природѣ своей не принимаютъ дѣятельнаго участія въ составленіи нашихъ сужденій (52).

Пріучай себя внимательно относиться къ словамъ другихъ людей и старайся по возможности проникнуть въ душу говорящаго (53).

Не приносящее пользы улью не принесетъ ея и пчелѣ (54).

Если бы матросы вздумали бранить кормчаго или больные врача, то кого бы они стали слушать? Или какъ могъ бы первый добиться спасенія плывущихъ, а второй—выздоровленія больныхъ? (55).

Сколько людей, съ которыми я вмѣстѣ пришелъ въ міръ, уже оставили его! (56).

Digitized by Google

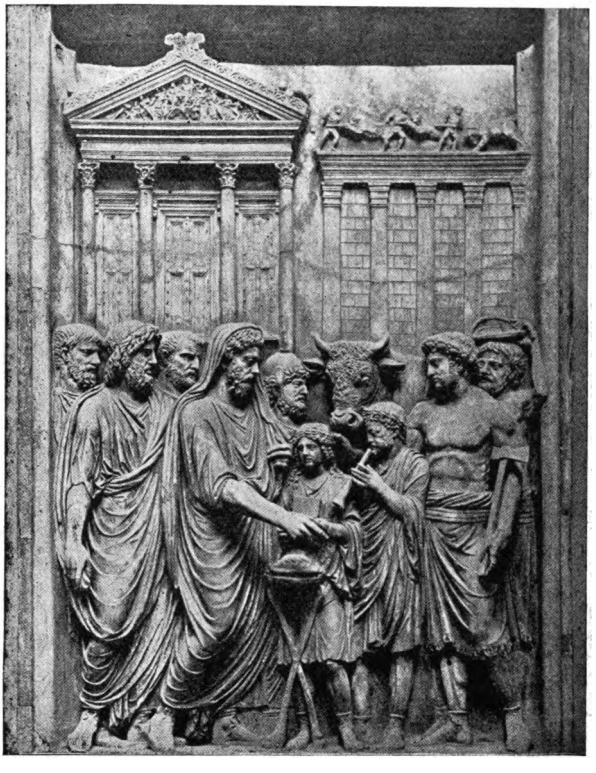
Страдающему разлитіемъ желчи медъ кажется горькимъ; страдающіе бѣшенствомъ боятся воды, а дѣтямъ кажется прекраснымъ мячъ. На что же я буду гнѣваться? Или ты думаешь, что заблужденіе менѣе способно къ такимъ дѣйствіямъ, нежели разлитіе желчи у больного или ядъ у страдающаго бѣшенствомъ? (57).

Никто не можетъ тебѣ помѣшать жить согласно разуму твоей природы, и ничто не происходитъ вопреки разуму общей природы! (58).

Что представляютъ собою тѣ, которымъ они желаютъ понравиться, и ради какихъ выгодъ, и съ помощью какихъ поступковъ? Какъ быстро поглощаетъ все вѣчность, и сколько она уже поглотила! (59).

Digitized by Google

Digitized by Google



11. ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ ПЕРЕДЪ ХРАМОМЪ. ЮПИТЕРА.

БАРЕЛЬЕФЪ. РИМЪ. ДВОРЕЦЪ КОНСЕРВАТОРСКІЙ.

Digitized by Google

12. РАЗДАЧА ХЛѢБА НАРОДУ.

БАРЕЛЬЕФЪ. РИМЪ. ВИЛЛА АЛЬБАНИ.

Digitized by Google

КНИГА СЕДЬМАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Что такое порокъ? То самое, что ты уже часто видѣлъ. И что бы ни произошло, всегда будь готовъ сказать: „Вѣдь это то самое, что я уже часто видѣлъ". Вообще, куда ни повернись, всюду найдешь одно и то же: оно составляетъ содержаніе исторіи древней, средней и новой, къ нему же сводится въ данный моментъ жизнь государствъ и отдѣльныхъ домохозяйствъ. Нѣтъ ничего новаго: все и обыденно, и кратковѣчно (1).

Что могло бы свести на нѣтъ основоположенія, кромѣ угашенія соотвѣтствующихъ имъ представленій? Но въ твоей власти всегда вновь вызывать къ жизни эти представленія. Я могу составить себѣ о данномъ предметѣ надлежащее убѣжденіе. А если такъ, то чего же мнѣ тревожиться? То, что внѣ моей души, не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ моей душѣ. Усвой это,—и ты на правильномъ пути. Ты можешь еще воскреснуть. Смотри же снова на вещи такъ, какъ ты смотрѣлъ нѣкогда: въ этомъ и есть воскресеніе (2).

Суетныя заботы о внѣшнемъ блескѣ, сценическія представленія, пріобрѣтеніе стадъ мелкаго и крупнаго скота, бои гладіаторовъ, драка щенятъ за брошенную имъ кость и рыбъ за кормъ въ садкѣ, кропотливая работа муравьевъ, бѣготня испуганныхъ мышей, движенія куколъ, потягиваемыхъ за веревочку—все это явленія одного порядка. Среди всего этого слѣдуетъ хранить

Digitized by Google

благожелательность, безъ заносчивости, но не упускать изъ вида, что цѣнность каждаго человѣка опредѣляется цѣнностью предметовъ его стремленій (3).

При каждой рѣчи слѣдуетъ обращать вниманіе на то, что говорится, при каждомъ стремленіи на то, что происходитъ. Въ первомъ случаѣ нужно слѣдить за смысломъ, во второмъ раньше всего смотрѣть на преслѣдуемую цѣль (4).

Хватитъ ли моихъ душевныхъ силъ для этого или же нѣтъ? Если хватитъ, то я воспользуюсь ими для дѣла, какъ орудіемъ, даннымъ мнѣ природой Цѣлаго. Если же не хватитъ, то я уступлю это дѣло тому, кто сможетъ его лучше исполнить, если только оно не является моею обязанностью, или же свершу, что сумѣю, призвавъ на помощь того, кто, воспользовавшись и моимъ разумомъ, осуществитъ требуемое въ данный моментъ общимъ благомъ. Ибо, дѣлаю ли я что-нибудь своими силами или же съ помощью другого, стремиться слѣдуетъ лишь къ тому, что требуется общимъ благомъ и согласно съ нимъ (5).

Сколько людей, нѣкогда прославленныхъ, нынѣ предано забвенію! А сколько изъ тѣхъ, что прославляли ихъ, уже давно въ могилѣ? (6)

Не стыдись прибѣгать къ помощи другого. Тебѣ предстоитъ выполнить свою задачу, подобно воину при штурмѣ стѣнъ. Что если ты, вслѣдствіе хромоты, не сможешь одинъ влѣзть на стѣну, а при помощи другихъ это могло бы удасться тебѣ? (7)

Пусть не тревожитъ тебя будущее! Вѣдь ты достигнешь его, если это будетъ нужно, обладая тѣмъ же разумомъ, которымъ ты пользуешься въ настоящемъ (8).

Digitized by Google

Все сплетено другъ съ другомъ, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному. Ибо все объединено общимъ порядкомъ и служитъ къ украшенію одного и того же міра. Вѣдь изъ всего составляется единый міръ, все проникаетъ единый богъ, едина сущность всего, единъ законъ, единъ и разумъ во всѣхъ одухотворенныхъ существахъ, едина истина, если только едино совершенство для всѣхъ существъ одного и того же рода и причастныхъ одному и тому же разуму (9).

Все матеріальное очень скоро исчезаетъ въ міровой сущности, каждое причинное начало очень скоро поглощается міровымъ разумомъ. И память обо всемъ не менѣе скоро находитъ свою могилу въ вѣчности (10).

Для разумнаго существа одно и то же дѣйствіе согласно и съ природой, и съ разумомъ (11).

Нужно быть правымъ, а не исправляемымъ[1] (12).

Каково отношеніе между членами сплошного и единаго тѣла, таково же и между раздѣленными пространствомъ разумными существами, созданными для соучастія въ единомъ дѣлѣ. Эта мысль глубже западетъ въ тебя, если ты будешь часто говорить себѣ, что ты являешься членомъ Цѣлаго, состоящаго изъ разумныхъ существъ. Если же ты назовешь себя частью, то не будешь еще любить людей отъ всего сердца, и дѣятельность на благо другихъ не доставитъ тебѣ еще окончательнаго удовлетворенія. Въ этой дѣятельности ты будешь видѣть только свой долгъ, а не свое собственное благо (13).

Пусть съ тѣмъ, что можетъ претерпѣть отъ чего-либо приходящаго извнѣ, происходитъ что угодно; потерпѣвшее и будетъ

Digitized by Google

жаловаться, если пожелаетъ. Я же, если не буду убѣжденъ, что случившееся—зло, не понесу вреда. Не быть же убѣжденнымъ—зависитъ отъ меня самого (14).

Кто бы что ни дѣлалъ или ни говорилъ, я долженъ оставаться хорошимъ человѣкомъ. Такъ золото, изумрудъ или пурпуръ могли бы сказать: „Что бы кто ни говорилъ или ни дѣлалъ, а я долженъ остаться изумрудомъ и сохранить свою окраску“ (15).

Руководящее начало не является причиной своего замѣшательства, не внушаетъ, напримѣръ, себѣ ни страха, ни сокрушенія[2]. Если же кто-нибудь другой можетъ устрашить его или причинить ему огорченіе, то пусть онъ и дѣлаетъ это, ибо само оно сознательно не создастъ для себя такого состоянія.

Тѣло само должно позаботиться, если можетъ, о томъ, чтобы не претерпѣть чего-либо, и сказать, если такъ случится. Душа же, которая, собственно, и боится, и печалится, и составляетъ, однимъ словомъ, убѣжденіе относительно всего этого, не будетъ претерпѣвать ничего, если только ты не заставишь ее разбираться во всемъ этомъ.

Руководящее начало само по себѣ ни въ чемъ не нуждается, если только само не возбудитъ въ себѣ нужды. Поэтому оно не знаетъ ни волненій, ни препятствій, если не создастъ ихъ для самого себя (16).

Блаженствовать значитъ обладать благимъ геніемъ или такимъ же руководящимъ началомъ. Что же ты тутъ дѣлаешь, воображеніе? Уйди же, ради боговъ, такъ же, какъ и пришло, ты не нужно мнѣ! Явилось же ты въ силу застарѣлой привычки. Я не гнѣваюсь на тебя, только уйди (17).

Боится кто-нибудь измѣненія? Но что можетъ возникнуть безъ измѣненія? Что болѣе мило или болѣе свойственно природѣ

Digitized by Google

Цѣлаго? Могъ бы ты самъ пользоваться баней, если бы дерево не было способно къ измѣненію? Могъ бы ты питаться, если бы пища не была способна къ измѣненію? А что другое изъ полезнаго могло бы осуществиться безъ измѣненія? Неужели ты не видишь, что измѣненіе, претерпѣваемое тобой, вполнѣ подобно упомянутымъ и что оно равно необходимо для природы Цѣлаго? (18).

Всѣ тѣла несутся въ міровой матеріи, какъ въ стремительномъ потокѣ; они тѣсно связаны съ Цѣлымъ, дѣйствуя заодно съ нимъ, подобно нашимъ членамъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу.

Сколько Хризипповъ, сколько Сократовъ, сколько Эпиктетовъ поглотила уже вѣчность! Пусть эта мысль приходитъ тебѣ въ голову по поводу каждаго человѣка и каждой вещи (19).

Меня занимаетъ только одно: какъ бы не сдѣлать чего-нибудь такого, что не согласуется со строемъ человѣка, или такъ, какъ не согласуется, или же то, что въ данный моментъ не согласуется съ нимъ (20).

Скоро ты забудешь обо всемъ, и все, въ свою очередь, забудетъ о тебѣ (21).

Человѣку свойственно любить и заблуждающихся. Ты достигнешь этого, если проникнешься мыслью, что они сродни тебѣ, что прегрѣшаютъ они по невѣдѣнію и противъ своей воли, что еще немного, и тебя, и ихъ настигнетъ смерть, и что никто изъ нихъ—это самое главное—не причинилъ тебѣ вреда, ибо не сдѣлалъ твое руководящее начало худшимъ, нежели оно было до того (22).

Для природы Цѣлаго вся міровая сущность подобна воску. Вотъ она слѣпила изъ нея лошадку; сломавъ ее, она воспользо-

Digitized by Google

валась ея матеріей, чтобы вылѣпить деревцо, затѣмъ человѣка, затѣмъ еще что-нибудь. И все это существуетъ лишь самое краткое время. Для ларца нѣтъ ничего ужаснаго въ томъ, чтобы быть разобраннымъ, какъ и въ томъ, чтобы быть сколоченнымъ (23).

Лицо, искаженное гнѣвомъ, есть нѣчто совершенно противоестественное. Если такое выраженіе повторяется часто, оно какъ бы умерщвляетъ человѣческій обликъ, совершенно погашаетъ его, такъ что никоимъ образомъ нельзя его возстановить [3]. Изъ этого уже можно понять, что оно противорѣчитъ разуму.

Если мы лишимся и сознанія заблужденій, то для чего еще жить? (24).

Природа-вседержительница скоро измѣнитъ все то, что ты видишь, и изъ его сущности создастъ что-нибудь другое, а затѣмъ и еще что-нибудь новое, дабы вѣчно юнымъ пребывалъ міръ (25).

Если кто прегрѣшилъ противъ тебя, то тотчасъ же отдай себѣ отчетъ, каково было его убѣжденіе о добрѣ и злѣ, когда онъ прегрѣшалъ. Уяснивъ себѣ это, ты будешь жалѣть его и не станешь ни удивляться, ни гнѣваться. Вѣдь если твое убѣжденіе о добрѣ совпадаетъ съ его убѣжденіемъ или подобно ему, то ты обязанъ отпустить его вину. Если же ваши убѣжденія о добрѣ и злѣ расходятся, то тебѣ легче будетъ сохранить доброжелательность по отношенію къ заблуждающемуся (26).

Не думай о томъ, чего у тебя нѣтъ, какъ о чемъ-то имѣющемся у тебя, но изъ того, что у тебя есть, избери наиболѣе значительное и сообрази по его поводу, сколько усилій ты бы положилъ на то, чтобы заполучить его, если бы его не было. Но остерегайся въ то же время, какъ бы, сосредоточивъ свое вниманіе на этомъ, ты не пріучилъ себя цѣнить его слишкомъ

Digitized by Google

высоко и такимъ образомъ не лишился бы спокойствія духа, въ случаѣ если его когда-либо не окажется на лицо (27).

Сосредоточься въ самомъ себѣ. Разумное и руководящее начало по природѣ таково, что довольствуется собой въ своей праведной дѣятельности и проистекающемъ изъ нея спокойствіи (28).

Искорени воображеніе.—Положи конецъ влеченіямъ.—Не выходи за предѣлы настоящаго.—Познай происходящее какъ съ тобой, такъ и съ другими.—Разложи и раздѣли всѣ предметы на начало причинное и начало матеріальное.—Думай о послѣднемъ часѣ.—Предоставь чужимъ заблужденіямъ оставаться тамъ, гдѣ они имѣли мѣсто (29).

Старайся проникнуть мыслью въ смыслъ рѣчи. И пусть твой духъ углубляется въ возникающее и дѣйствующее (30).

Простота, скромность и безразличіе къ тому, что лежитъ между добродѣтелью и порокомъ—да служатъ тебѣ украшеніемъ.—Люби родъ человѣческій.—Повинуйся богу.—Вѣдь поэтъ говоритъ: „Все сообразно съ закономъ".—„А что если существуютъ одни только элементы?"—Достаточно помнить, что все сообразно закону[4] (31).

О смерти: или разсѣяніе, если все атомистично, или угашеніе и измѣненіе, если все едино (32).

О страданіи: если оно невыносимо, то смерть не преминетъ скоро положить ему конецъ, если же оно длительно, то его можно стерпѣть. Душа сохраняетъ свой миръ силою убѣжденія, и руководящее начало не становится хуже. Члены же, пораженные страданіемъ, пусть заявляютъ объ этомъ, если могутъ (33).

Digitized by Google

О славѣ. Вглядись въ образъ мыслей честолюбцевъ, каковъ онъ, и каково то, къ чему они стремятся и чего избѣгаютъ. На берегу морскомъ одинъ слой песка наносится на другой и скрываетъ его подъ собой. Точно такъ же и въ жизни: бывшее раньше очень быстро исчезаетъ подъ тѣмъ, что наступаетъ вслѣдъ за нимъ (34).

Слова Платона: „Думаешь ли ты, что душѣ возвышенной и объемлющей своимъ взоромъ все время и все сущее, жизнь человѣческая покажется чѣмъ-нибудь значительнымъ?“—„Это невозможно“, сказалъ онъ.—„Слѣдовательно, и смерть подобный человѣкъ не сочтетъ за нѣчто ужасное?“—„Отнюдь нѣтъ“ [5]. (35)

Слова Антисфена: „Дѣлать добро и пользоваться въ то же время дурной славой—въ этомъ есть нѣчто царственное“ (36).

Позоръ, если лицо послушно велѣніямъ души, принимая видъ и выраженіе, сообразныя съ ней, сама же душа не въ силахъ придать себѣ надлежащій видъ и выраженіе (37).

Что пользы гнѣваться на вещи? Дѣла нѣтъ
До нашихъ чувствъ вещамъ [6]... (38).

Будь и богамъ безсмертнымъ, и намъ, земнороднымъ, отрадой [7] (39).

Нельзя, чтобъ въ день свой не пожата жизнь была,
Какъ спѣлый колосъ,—не жилъ сей, не умеръ тотъ [8] (40).

Хотя-бъ меня съ двумя дѣтьми забыли вы,
Цари небесъ,—все-жъ разумъ есть и правда въ томъ [9] (41).

Мнѣ сопутница—Правда; со мною Добро [10] (42).

Digitized by Google

Пусть не увлекаетъ тебя ни чужое отчаяніе, ни ликованіе (43).

Слова Платона: „На это же я представлю справедливое возраженіе: „Не хорошо ты судишь, милый другъ, если думаешь, что сколько-нибудь дѣльный человѣкъ долженъ учитывать возможность остаться въ живыхъ или умереть, а не смотрѣть въ своемъ дѣйствіи только на то, справедливо или несправедливо онъ дѣйствуетъ и достойно ли человѣка хорошаго или дурного“ (44).

„Таково то, мужи Аѳинскіе, истинное положеніе вещей. Если кто самъ себѣ назначилъ извѣстный постъ, считая его наилучшимъ, или же былъ назначенъ на оный начальникомъ, то долженъ и оставаться на немъ, подвергаясь опасностямъ и не считаясь ни съ чѣмъ, ни со смертью, ни съ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ постыднаго“ [11] (45).

„Но, мой милый, вникни-ка, не есть ли благородное и доброе нѣчто другое, нежели спасеніе чужой или своей жизни. Вѣдь истинный мужъ долженъ желать не того, чтобы прожить столько-то времени, и не долженъ цѣпляться за жизнь, а, понадѣявшись въ этомъ на бога и повѣривъ женщинамъ, что отъ судьбы не уйдешь, долженъ помышлять только о томъ, какимъ бы это образомъ прожить то времи, которое суждено жить, возможно лучше [12] (46).

Наблюдай движеніе свѣтилъ, какъ принимающій участіе въ немъ, и постоянно размышляй о переходѣ элементовъ другъ въ друга. Ибо подобныя представленія очищаютъ отъ грязи земной жизни (47).

Прекрасны слова Платона: „Кто дѣлаетъ предметомъ своихъ

Digitized by Google

рѣчей человѣка, тотъ долженъ, какъ бы съ вершины горы, обозрѣть все земное: сборища, походы, полевыя работы, браки, разводы, рожденія, смерти, шумныя судьбища, пустыни, различныя племена варваровъ, празднества, похороны, ярмарки, смѣшеніе разнороднаго и сложенное изъ противоположностей" [13] (48).

Оглянись на прошедшее: сколько переворотовъ пережили уже государства! Можно предвидѣть и будущее. Вѣдь оно будетъ совершенно въ томъ же родѣ и не выйдетъ изъ ритма происходящаго нынѣ. Поэтому и безразлично, будешь ли ты наблюдать человѣческую жизнь въ теченіе сорока лѣтъ или же десяти тысячъ лѣтъ. Ибо что увидишь ты новаго? (49).

Все назадъ притечетъ: что взростила земля
Обратится въ прахъ;
А небесный посѣвъ, отъ земли вознесенъ,
Расцвѣтетъ въ небесахъ [14].

Это—или разложеніе сплетенныхъ между собой атомовъ, или подобное же разсѣяніе безчувственныхъ элементовъ (50).

Питьемъ и яствомъ, зельями волшебными
Мнятъ отвести отъ устья смерти дней русло [15].
. . . . . .
Коли вѣтръ отъ боговъ налетитъ, мы должны
И труды претерпѣть безъ роптанья [16] (51).

Есть люди превосходящіе тебя въ искусствѣ борьбы. Но пусть никто не превзойдетъ тебя въ преданности общему благу, въ скромности, въ покорности всему совершающемуся, въ снисходительности къ заблужденіямъ ближнихъ (52).

Гдѣ есть возможность дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ раз-

Digitized by Google

умомъ, общимъ богамъ и людямъ,—тамъ нѣтъ ничего ужаснаго. Ибо, гдѣ возможно достичь пользы путемъ вѣрно направленной и отвѣчающей нашему строю дѣятельности — тамъ не слѣдуетъ опасаться какого-либо вреда (53).

Всюду и всегда въ твоей власти и довольствоваться благочестиво своимъ наличнымъ жребіемъ, и относиться справедливо къ находящимся на лицо людямъ, и изслѣдовать внимательно наличныя представленія, дабы не проникло въ нихъ ничего несообразнаго (*ἀκατάληπτον*) (54).

Не оглядывайся на руководящее начало другихъ людей, а вперяй свой взоръ туда, куда ведетъ тебя природа—природа Цѣлаго тѣмъ, что случается съ тобой, и твоя природа тѣмъ, что надлежитъ тебѣ дѣлать. Каждому же существу надлежитъ дѣлать то, что соотвѣтствуетъ его строю. Но всѣ неразумныя существа, въ силу своего строя, предназначены для разумныхъ существъ (какъ и всюду менѣе совершенное для болѣе совершеннаго), разумныя же существа другъ для друга. Поэтому первое мѣсто въ строѣ человѣка занимаетъ его общественность. Второе—неподатливость по отношенію къ состояніямъ, испытываемымъ тѣломъ; ибо движенію разумному и духовному свойственно отмежевываться и никогда не сдаваться передъ движеніемъ чувствъ и стремленій,—послѣднія суть движенія животныя, духовное же желаетъ первенствовать и не быть осиленнымъ ими, что и справедливо, такъ какъ оно по природѣ должно пользоваться всѣми ими. Какъ на третье въ строѣ разумнаго существа, слѣдуетъ указать на огражденіе себя отъ опрометчивости и обмана. Заручившись всѣмъ этимъ, руководящее начало должно итти своимъ прямымъ путемъ, обладая тѣмъ, что принадлежитъ къ его составу (55).

Представь себѣ, что ты уже умеръ, что жилъ только до на-

Digitized by Google

стоящаго момента, и остающееся время жизни, какъ доставшееся тебѣ сверхъ ожиданія, проводи согласно съ природой (56).

Люби только то, что случается съ тобой и предопредѣлено тебѣ. Ибо что могло бы болѣе соотвѣтствовать тебѣ? (57).

Что бы ни случилось, имѣй передъ глазами тѣхъ, съ которыми случилось то же самое, и которые предавались по этому поводу гнѣву, изумленію, жалобамъ. Гдѣ они теперь? Нигдѣ. Что же и ты хочешь уподобиться имъ? И не хочешь, предоставивъ эти чуждыя тебѣ движенія тѣмъ, кто вызываетъ, и тѣмъ, кто претерпѣваетъ ихъ, направить всѣ свои помыслы на то, какъ бы использовать и то, и другое? Использовать же ты можешь превосходно, не имѣя недостатка въ матеріалѣ. Только будь внимателенъ къ себѣ и желай быть превосходнымъ во всемъ, что дѣлаешь. И помни, что и въ томъ, и другомъ случаѣ матеріалъ дѣятельности есть нѣчто безразличное [17] (58).

Смотри внутрь себя. Внутри источникъ добра, который никогда не истощится, если ты не перестанешь рыть (59).

И тѣло должно имѣть извѣстную осанку, не быть вертлявымъ ни въ движеніи, ни въ жестахъ. Вѣдь выражается же душа въ лицѣ, придавая ему разумность и благообразіе — того же можно требовать и отъ всего тѣла. Но соблюдать все это слѣдуетъ безъ изысканности (60).

Искусство жизни болѣе напоминаетъ искусство борьбы, нежели танцевъ. Оно требуетъ готовности и стойкости и въ отношеніи къ внезапному и непредвидѣнному (61).

Постоянно думай о томъ, каковы тѣ люди, признанія кото-

Digitized by Google

рыхъ ты добиваешься, и каково ихъ руководящее начало. И ты не будешь ни винить ихъ за невольныя прегрѣшенія, ни нуждаться въ ихъ признаніи, если заглянешь въ источникъ ихъ убѣжденія и стремленія (62).

„Всякая душа“, говоритъ онъ, „лишается истины противъ своей воли“ [18]. Но точно также и справедливости, и благоразумія, и благожелательности, и всего другого въ этомъ родѣ. Въ высшей степени необходимо постоянно думать объ этомъ, ибо тогда ты будешь болѣе кротко относиться ко всѣмъ (63).

При каждомъ страданіи вспомни тотчасъ же о томъ, что оно не постыдно и не дѣлаетъ правящей души худшей, ибо оно не дѣйствуетъ пагубно ни на ея разумность [19], ни на ея общественность. При большинствѣ страданій можешь призвать на помощь слова Епикура: „Это страданіе не нестерпимо и не вѣчно, если только ты будешь помнить о его границахъ и не будешь ничего примышлять отъ себя“. Помни также о томъ, что многое тягостное для насъ тождественно со страданіемъ, хотя мы и не замѣчаемъ этого, какъ, напримѣръ, сонливость, жара, скука. Поэтому если ты тяготишься чѣмъ-нибудь подобнымъ, то скажи самому себѣ: „Я не превозмогъ страданія“ (64).

Старайся даже по отношенію къ ниже стоящимъ существамъ не испытывать тѣхъ чувствъ, которыя люди испытываютъ другъ къ другу (65).

Почемъ мы знаемъ, что Сократъ былъ выше Телауга [20] по своему внутреннему настроенію? Вѣдь для этого недостаточно знать, что Сократъ умеръ болѣе славной смертью, что онъ съ бо́льшимъ успѣхомъ обличалъ софистовъ, что онъ проявилъ бо́ль-

Digitized by Google

шую выносливость, проводя ночи на морозѣ, и, повидимому, большее благородство, отказавшись исполнить приказъ о задержаніи Льва Саламинца [21], и что онъ гордо выступалъ по улицамъ [22]; истина этого къ тому же еще можетъ быть подвергнута большому сомнѣнію [23]. Но слѣдуетъ разсмотрѣть, какой душой обладалъ Сократъ, могъ ли онъ довольствоваться справедливостью въ отношеніи къ людямъ, благочестіемъ въ отношеніи къ богамъ, не досадовалъ ли онъ на порочность людей, не потакалъ ли чьему-либо невѣжеству, не смотрѣлъ ли на ниспосылаемое ему природой Цѣлаго, какъ на нѣчто чуждое, или не тяготился ли имъ, какъ чѣмъ-то нестерпимымъ, и не пріобщалъ ли своего духа къ состояніямъ тѣла (66).

Природа не такъ уже тѣсно связала тебя съ тѣломъ, чтобы ты не могъ отмежеваться и свое дѣло дѣлать самъ. Вѣдь вполнѣ возможно стать богоподобнымъ человѣкомъ, оставаясь никому неизвѣстнымъ. Всегда помни объ этомъ, а также о томъ, что блаженная жизнь предполагаетъ чрезвычайно немногое. И если ты потерялъ надежду стать діалектикомъ или физикомъ, то не долженъ еще оставлять попеченіе о томъ, чтобы быть свободнымъ, преданнымъ общему благу и послушнымъ богу (67).

Живи безропотно въ ничѣмъ неомрачаемомъ веселіи духа, если даже всѣ люди осыпаютъ тебя всевозможными упреками, а дикіе звѣри терзаютъ безсильные члены твоего тѣлеснаго покрова. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ помѣшать душѣ сохранить, несмотря на все это, свой внутренній миръ, истинное сужденіе о всемъ окружающемъ и готовность использовать выпадающее ей на долю? Способность сужденія здѣсь какъ бы обращается къ событію: „Таково ты по своей сущности, хотя люди и мнятъ тебя чѣмъ-то другимъ“. Способность использованія обращается къ нему же: „Я искала тебя, ибо все настоящее всегда является для меня ма-

Digitized by Google

теріаломъ разумной и гражданственной добродѣтели, все же въ цѣломъ — искусства человѣческаго или божескаго. Ибо все происходящее имѣетъ отношеніе къ богу или человѣку— не является чѣмъ-то новымъ и несподручнымъ, а знакомымъ и легкимъ" (68).

Совершенство характера выражается въ томъ, чтобы каждый день проводить, какъ послѣдній въ жизни, быть чуждымъ суетливости, бездѣятельности, лицемѣрія (69).

Безсмертные боги не досадуютъ на то, что имъ въ теченіе столь долгаго времени придется имѣть дѣло съ такимъ множествомъ столь дурныхъ существъ; напротивъ, они всячески пекутся о нихъ. Твой же конецъ уже близокъ, а ты теряешь терпѣніе, самъ будучи къ тому же однимъ изъ нихъ! (70).

Смѣшно, стараясь избѣжать чужой порочности — что невозможно, не стараться избѣжать своей собственной — что вполнѣ возможно (71).

Что разумная и гражданственная способность находитъ неразумнымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ общественностью, то она основательно считаетъ ниже своего достоинства (72).

Если ты сдѣлалъ добро, а другой испыталъ добро, то чего же ты, уподобляясь глупцамъ, стремишься еще къ чему-то третьему, вродѣ славы добраго человѣка или награды? (73).

Никто не устаетъ получать пользу. Польза же сопряжена съ дѣйствіемъ, согласнымъ съ природой. Не уставай же получать пользу, принося ее! (74).

Digitized by Google

Нѣкогда стремленіе природы Цѣлаго направилось на созданіе міра. Нынѣ же или все происходитъ въ силу необходимой связи, или же и наиболѣе цѣнное, предметъ особаго стремленія руководящаго начала міра, отдано на произволъ случая. Если ты будешь помнить объ этомъ, то ко многому отнесешься спокойнѣе (75).

Digitized by Google

КНИГА ВОСЬМАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

И то, что ты уже не можешь прожить достойно философа всей жизни или жизни зрѣлыхъ лѣтъ, но и многимъ другимъ, да и тебѣ самому, ясно, что ты далекъ отъ философіи — также отвращаетъ отъ тщеславія. Итакъ, ты запятналъ себя, такъ что и славу философа тебѣ пріобрѣсти уже не легко; противодѣйствуетъ этому и твое положеніе. Но если ты дѣйствительно позналъ, въ чемъ самая суть, то отрѣшись отъ того, чѣмъ ты кажешься, но будь доволенъ, если тебѣ удастся провести остатокъ жизни въ согласіи съ желаніями своей природы. Подумай же объ этихъ желаніяхъ, и пусть ничто другое не отвлекаетъ тебя: вѣдь ты дѣлалъ попытки и, проблуждавъ по столькимъ направленіямъ, нигдѣ не нашелъ благой жизни. Ни въ силлогизмахъ, ни въ славѣ, ни въ наслажденіи, нигдѣ. Но гдѣ же она? Въ томъ, чтобы исполнять требованія человѣческой природы. Какимъ же образомъ ты исполнишь ихъ? Если будешь обладать основоположеніями, отъ которыхъ зависятъ стремленія и поступки. Что это за основоположенія? Касающіяся добра и зла. Согласно имъ, ничто не будетъ для человѣка добромъ, что не дѣлаетъ его справедливымъ, благоразумнымъ, мужественнымъ, свободнымъ, и ничто не будетъ зломъ, что не производитъ противоположнаго вышеуказанному (1).

При каждомъ поступкѣ задавай себѣ вопросъ: „Каково его отношеніе ко мнѣ? Не придется ли мнѣ раскаиваться въ немъ?“

Digitized by Google

Еще немного, и я уже мертвъ, и все для меня исчезнетъ. Если моя настоящая дѣятельность достойна существа разумнаго, общественнаго, подчиняющагося тому же закону, что и богъ, то чего еще мнѣ желать? (2).

Что Александръ, Гай (Юлій Цезарь) и Помпей по сравненію съ Діогеномъ, Гераклитомъ и Сократомъ? Эти послѣдніе проникали взоромъ въ суть вещей, со стороны причины и со стороны матеріи, и руководящее начало въ нихъ всегда оставалось вѣрнымъ самому себѣ. А сколько заботъ было у первыхъ, и отъ чего только они не зависѣли! (3).

Люди будутъ дѣлать одно и то же, какъ ты ни бейся (4).

Прежде всего не смущай своего покоя. Вѣдь все согласно съ природой Цѣлаго; еще немного времени, и ты будешь ничто и нигдѣ, какъ и Адріанъ, и Августъ. Затѣмъ, сосредоточившись на своемъ дѣлѣ, вникни въ него и, помятуя о томъ, что тебѣ надлежитъ быть хорошимъ человѣкомъ, и о томъ, каковы требованія человѣческой природы, неуклонно исполняй эти требованія и говори такъ, какъ тебѣ кажется наиболѣе соотвѣтствующимъ справедливости; только блюди благожелательность и скромность и избѣгай лицемѣрія (5).

Природа Цѣлаго занята тѣмъ, что существующее въ одномъ мѣстѣ перемѣщаетъ въ другое, измѣняетъ его, изъемлетъ отсюда и переноситъ туда. Все подлежитъ измѣненію, и нечего поэтому опасаться, какъ бы не произошло чего-нибудь новаго. Все обычно, но и удѣлъ у всего равный [1] (6).

Природа каждаго существа удовлетворена, если находится на правильномъ пути. Природа же разумнаго существа на правиль-

Digitized by Google

номъ пути, если не соглашается ни съ ложью, ни съ неясностью въ представленіяхъ, если направляетъ стремленія исключительно на общее благо, склонность и отвращеніе питаетъ только къ тому, что зависитъ отъ насъ самихъ, и безъ ропота пріемлетъ все ниспосылаемое ей общей природой. Вѣдь она же есть часть общей природы, подобно тому какъ природа листа есть часть природы дерева. Разница только въ томъ, что природа листа есть часть природы, лишенной чувствъ и разума и могущей столкнуться съ препятствіями, природа же человѣка есть часть природы, не знающей препятствій, разумной и справедливой; эта природа привлекаетъ все къ участію во времени, матеріи, причинности, дѣятельности, событіяхъ, соблюдая равенство и сообразуясь съ достоинствомъ. Но ты убѣдишься въ этомъ, сравнивая не отдѣльныя свойства между собой, а совокупность свойствъ одного существа съ совокупностью свойствъ другого (7).

Ты лишенъ возможности читать. Но ты не лишенъ возможности смирять гордость, преодолѣвать наслажденіе и страданіе, презирать суетную славу, не гнѣваться на людей безчувственныхъ и неблагодарныхъ, болѣе того, даже заботиться о нихъ (8).

Пусть никто впредь не услышитъ отъ тебя жалобъ ни на придворную жизнь, ни на твою собственную (9).

Раскаяніе есть упрекъ обращенный къ самому себѣ за упущеніе чего-либо полезнаго. Полезное же необходимо есть и доброе въ какомъ-нибудь отношеніи и предметъ заботы со стороны прекраснаго и хорошаго человѣка. Но такой человѣкъ не станетъ раскаиваться по поводу того, что упустилъ случай получить наслажденіе. Слѣдовательно, наслажденіе не есть ни полезное, ни доброе (10).

Digitized by Google

Что есть данный предметъ самъ по себѣ, по свойственному ему строенію?—Каковъ онъ со стороны сущности и матеріи?—Каковъ со стороны причинности?—Каково его назначеніе въ мірѣ?—Сколько времени онъ существуетъ? (11).

Когда ты съ неохотой возстаешь отъ сна, вспомни, что, согласно свойственному тебѣ строенію и согласно человѣческой природѣ, твое назначеніе — преслѣдованіе общаго блага; сонъ же есть нѣчто присущее и неразумнымъ тварямъ. То же, что согласно съ природой каждаго, то ему наиболѣе приличествуетъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ, даже наиболѣе для него привлекательно (12).

Постоянно и, по возможности, при каждомъ представленіи примѣняй ученія физики, этики и діалектики (13).

Съ кѣмъ бы тебѣ ни пришлось столкнуться, тотчасъ же обратись къ себѣ такъ: „Каковы основоположенія этого человѣка относительно добра и зла?“ Если у него имѣются какія-либо опредѣленныя основоположенія касательно наслажденія и страданія и ихъ причинъ, а также касательно славы, безславія, смерти, жизни, то въ его поступкахъ ничто не можетъ показаться мнѣ удивительнымъ и страннымъ. Кромѣ того, мнѣ слѣдуетъ также помнить, что онъ вынуждается поступать такимъ образомъ (14).

Помни, что, какъ совѣстно изумляться, если смоковница производитъ смокву, точно такъ же—если міръ производитъ нѣчто, что производить ему свойственно. Вѣдь совѣстно же врачу и корабельщику предаваться изумленію, если какой-нибудь человѣкъ заполучилъ лихорадку, или если поднялся противный вѣтеръ (15).

Помни, что измѣненіе своего мнѣнія и согласіе съ тѣмъ, кто указываетъ правильный путь, отнюдь не умаляютъ свободы. Вѣдь

Digitized by Google

это твоя же дѣятельность, отправляемая согласно твоему же разуму (16).

Если это зависитъ отъ тебя, то зачѣмъ ты дѣлаешь это? Если отъ другого, то къ кому обращаешься ты съ упрекомъ? Къ атомамъ или богамъ? И то, и другое достойно безумца. Ни на что не слѣдуетъ сѣтовать. Если можешь, исправь того, кто дѣйствуетъ, если не можешь, исправь хотя бы самое дѣло. Если же и это для тебя невозможно, то какой для тебя прокъ въ сѣтованіяхъ? Зря же ничего не слѣдуетъ дѣлаетъ (17).

Умирающее не выпадаетъ изъ міра. Если же оно остается здѣсь, то и измѣняется здѣсь, и распадается на элементы—тѣ же, что и самого міра, и твои. Измѣняются и самые элементы, но не ропщутъ (18).

Все существуетъ для чего-нибудь, какъ, напримѣръ, лошадь, виноградная лоза. Чему ты удивляешься? И солнце существуетъ для какого-нибудь дѣла, да и остальные боги. Но для чего ты? Для наслажденія? Посмотри, выдерживаетъ ли это критику (19).

Подобно бросающему мячъ, природа во всемъ не менѣе направляетъ свое вниманіе на конецъ, чѣмъ на начало и пребываніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, хорошаго для мяча въ томъ, что онъ несется вверхъ, или дурного въ томъ, что онъ стремится внизъ или даже упалъ? Что хорошаго для пузыря въ томъ, что онъ вздулся, или дурного въ томъ, что онъ лопнулъ? То же самое и о свѣтильникѣ (20).

Выверни его (тѣло) на изнанку и посмотри, каково оно, и какимъ оно становится отъ старости, отъ болѣзней, отъ излишествъ.

Кратковѣчны и тотъ, кто хвалитъ, и тотъ, кого хвалятъ, и по-

Digitized by Google

мнящій, и о комъ помнятъ. Къ тому же все это разыгрывается въ уголкѣ какой-нибудь страны, да и здѣсь не всѣ согласны между собой и отдѣльные люди сами съ собою. Да и вся земля—песчинка (21).

Пусть твое вниманіе будетъ поглощено своимъ настоящимъ предметомъ, будетъ ли то основоположеніе, дѣятельность или выраженіе.

По заслугамъ ты терпишь это, предпочитая стать хорошимъ завтра, нежели быть имъ сегодня (22).

Дѣлаю я что-нибудь? Я дѣлаю это, считаясь съ благоденствіемъ людей.—Случается со мной что-нибудь? Я пріемлю, считаясь съ волею боговъ и источникомъ всего, гдѣ беретъ начало все возникающее (23).

Какимъ представляется тебѣ омовеніе? Масло, потъ, грязь, липкая вода—всѣ вещи, возбуждающія брезгливость. Таковы же и каждая часть жизни, и каждый предметъ (24).

Люцилла пережила Вера, затѣмъ скончалась и сама, Секунда похоронила Максима, чтобы послѣдовать за нимъ, Епитинханъ—Діотима и самъ умеръ вслѣдъ за нимъ, Антонинъ — Фаустину, а затѣмъ и самъ былъ погребенъ, Целеръ—Адріана, а затѣмъ опочилъ самъ. И такъ все. Гдѣ же всѣ тѣ мудрецы, провидцы, гордецы? Гдѣ, напримѣръ, изъ мудрецовъ Харакеъ, Деметрій платоникъ, Евдемонъ и имъ подобные?[2]. Все мимолетно, все давно мертво. Нѣкоторые были сразу позабыты, другіе превратились въ миѳы, третьи исчезли уже и изъ миѳовъ. Слѣдуетъ поэтому помнить, что или всему, что входитъ въ составъ тебя, предстоитъ распасться, или жизненной силѣ угаснуть, или измѣниться и быть перенесенной въ другое мѣсто (25).

Digitized by Google

Дѣятельность, свойственная человѣку, есть для него источникъ радости. Человѣку же свойственны благожелательность къ себѣ подобнымъ, презрѣніе къ чувственнымъ побужденіямъ, различеніе убѣдительныхъ представленій, созерцаніе природы Цѣлаго и происходящаго согласно ей (26).

Важны три отношенія: къ облегающему тебя тѣлу, къ божественной причинѣ, источнику всего случающагося со всѣми, и, наконецъ, къ живущимъ съ тобою людямъ (27).

Страданіе есть зло или для тѣла—въ такомъ случаѣ пусть тѣло и заявляетъ объ этомъ; или же для души. Но душа способна сохранить свойственныя ей ясность и спокойствіе и не признавать въ страданіи зла. Вѣдь всякое сужденіе и стремленіе, склонность и отвращеніе внутри насъ, а сюда не проникаетъ никакое зло (28).

Подавляй воображеніе, постоянно говоря себѣ: „Теперь отъ меня зависитъ, чтобы въ этой душѣ не было ни скверны, ни вожделѣнія, ни вообще какого-либо смятенія; но созерцая все такъ, какъ оно есть, я буду пользоваться всѣмъ сообразно его цѣнности". Помни объ этой способности, свойственной тебѣ отъ природы (29).

И въ сенатѣ, и въ бесѣдѣ съ частнымъ лицомъ слѣдуетъ говорить съ достоинствомъ, но безъ напыщенности. Пусть рѣчь твоя будетъ правдива (30).

Дворъ Августа, его жена, дочь, племянники, пасынки, сестра, Агриппа, родственники, домочадцы, друзья, Арей [8], Меценатъ, врачи, жрецы,—весь дворъ вымеръ. Перейди затѣмъ къ другому, къ смерти не отдѣльныхъ людей, а цѣлыхъ родовъ, напримѣръ, Помпеевъ. На надгробныхъ памятникахъ бываетъ начертано: „Послѣд-

Digitized by Google

ній такого-то рода". Подумай, сколько усилій затратили предки, чтобы оставить себѣ преемника — и все же кто-нибудь да долженъ остаться послѣднимъ. А затѣмъ уже смерть всего рода (31).

Жизнь слѣдуетъ слагать изъ отдѣльныхъ дѣйствій и быть довольнымъ, если каждое изъ нихъ удовлетворяетъ своему назначенію. Но никто не можетъ помѣшать тебѣ въ томъ, чтобы каждое твое дѣйствіе удовлетворяло своему назначенію.—„А препятствія извнѣ?"—Такихъ нѣтъ для дѣятельности справедливой, благоразумной и обдуманной.—Но, можетъ быть, какая-либо другая дѣятельность натолкнется на препятствія? Однако, благодаря спокойному отношенію къ самому препятствію и разсудительному переходу къ даннымъ условіямъ, на мѣстѣ прежняго тотчасъ же появляется новое дѣйствіе, пригодное для того сложенія жизни, о которомъ идетъ рѣчь (32).

Не превозносись, получая, и не ропщи, когда отдаешь (33).

Видѣлъ ли ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отсѣченную голову, лежащую отдѣльно отъ туловища? Такимъ дѣлаетъ себя, поскольку то отъ него зависитъ, тотъ, кто, обособляя себя, не пріемлетъ происходящаго или же дѣлаетъ что-либо идущее въ разрѣзъ съ общимъ благомъ. Ты отторгнутъ нѣкоторымъ образомъ отъ единенія, согласнаго съ природой: ты рожденъ быть частью, но теперь самъ отсѣкъ себя. Однако здѣсь тебѣ предоставлено еще то преимущество, что ты можешь вновь привести себя къ единенію. Этого богъ не дозволилъ никакой другой части: вновь сойтись, будучи уже отдѣленной и отсѣченной. Оцѣни же милость, которой онъ взыскалъ человѣка: онъ предоставилъ его власти не отторгать себя съ самаго начала отъ Цѣлаго и отторгнутому уже дозволилъ вновь сойтись, срастись и занять положеніе части (34).

Digitized by Google

Какъ всѣ другія способности разумнаго существа вложены въ него природой Цѣлаго [4], точно такъ же мы получили отъ нея и слѣдующую. Подобно тому какъ она все противостоящее и противодѣйствующее ей обращаетъ въ свою пользу и включаетъ въ цѣпь необходимости, дѣлая его своею частью, точно такъ же и разумное существо можетъ претворять въ матеріалъ для себя каждое препятствіе и воспользоваться имъ, каковы бы ни были его прежнія цѣли (35).

Пусть не смущаетъ тебя мысль о твоей жизни въ цѣломъ. Не раздумывай о томъ, сколько и какого рода страданій придется, по всей вѣроятности, перенести, но при каждомъ, угрожающемъ тебѣ, обращайся къ себѣ съ вопросомъ: „Что собственно во всемъ этомъ такого, чего нельзя было бы перенести и стерпѣть?“ Ты постѣсняешься отвѣтить утвердительно. Затѣмъ, напомни себѣ, что тебя гнететъ не будущее и не прошедшее, но всегда лишь настоящее. Послѣднее же еще умалится, если ты ограничишь его имъ самимъ и упрекнешь свою душу, если ей не подъ силу даже такое бремя (36).

Сидятъ ли и понынѣ Пантея или Пергамъ у гробницы Вера, а Ксабрій или Діотимъ у гробницы Адріана [5]? Уже самый вопросъ смѣшонъ. Но если бы они и сидѣли, то чувствовали бы это почившіе? А если бы и чувствовали, то доставило бы это удовольствіе? А если бы и доставило удовольствіе, то стали бы сидѣвшіе у ихъ гробницъ безсмертны? Развѣ не суждено имъ сначала превратиться въ стариковъ и старухъ, а затѣмъ умереть? Но что стали бы дѣлать покойники по ихъ смерти? Все это— смрадъ, мѣха, наполненные тлѣномъ (37).

Если взоръ твой изощренъ, говоритъ философъ, докажи это на дѣлѣ, разобравшись въ самомъ мудреномъ [6] (38).

Digitized by Google

Я не вижу въ строеніи разумнаго существа добродѣтели, укрощающей справедливость, но вижу добродѣтель, укрощающую наслажденіе—воздержанность (39).

Откажись отъ своего убѣжденія относительно того, что кажется огорчающимъ тебя—и ты самъ въ полной безопасности. „Но кто это „самъ"? — „Разумъ". — „Но я не разумъ". — „Будь имъ". — Итакъ, пусть только разумъ самъ не причиняетъ себѣ огорченія. Если же что-нибудь другое въ тебѣ чувствуетъ себя плохо, то пусть оно само и составляетъ убѣжденіе о себѣ самомъ (40).

Препятствіе для ощущенія—зло животной природы. Препятствіе для стремленія—также зло животной природы. Существуютъ, равнымъ образомъ, и препятствія для растительной жизни, являющіяся зломъ для нея. Такимъ образомъ и препятствіе для духа есть зло духовной природы. Примѣни все это къ себѣ самому. Ты приходишь въ соприкосновеніе со страданіемъ или наслажденіемъ? Пусть вѣдаетъ это ощущеніе. Въ своемъ стремленіи ты натолкнулся на препятствія? Если ты отдаешься стремленію безусловно, то это уже зло для тебя, какъ существа разумнаго. Если же ты расширишь свой кругозоръ, то не потерпишь вреда и не встрѣтишься съ препятствіями. Дѣятельности же, свойственной духу, никто другой воспрепятствовать не можетъ, ибо онъ недосягаемъ ни для огня, ни для меча, ни для тирана, ни для клеветы. Шаръ, поскольку онъ существуетъ, не можетъ лишиться круглоты [7] (41).

Я не заслуживаю того, чтобы огорчать самого себя, ибо никогда преднамѣренно не огорчилъ кого-либо другого (42).

Поводъ для радости у каждаго свой. Меня радуетъ, если руководящее начало не проявляетъ признаковъ болѣзни, если оно

Digitized by Google

не отвращается ни отъ кого-либо изъ людей, ни отъ того, что происходитъ съ людьми, но взираетъ на все преисполненнымъ благожелательности взоромъ, все пріемлетъ и всѣмъ пользуется сообразно его цѣнности (43).

Старайся расположить къ себѣ современниковъ. Тѣ, кто предпочитаютъ гнаться за славой у потомства, забываютъ, что грядущія поколѣнія ничѣмъ не будутъ отличаться отъ настоящаго, которымъ они тяготятся. И эти поколѣнія также смертны. И вообще, что тебѣ до того, какъ они будутъ о тебѣ отзываться и каково будетъ ихъ мнѣніе о тебѣ? (44).

Возьми меня и забрось куда пожелаешь. И тамъ я сохраню свой геній благорасположеннымъ, т.-е. удовлетвореннымъ, если его состояніе и дѣятельность будутъ отвѣчать свойственному ему строенію.

Стоитъ ли это того, чтобы изъ-за него болѣла моя душа и подъ дѣйствіемъ приниженности, вожделѣнія, смятенія и страха сдѣлалась хуже, нежели теперь? И есть ли, вообще, что-нибудь, что стоило бы этого? (45).

Ни съ однимъ человѣкомъ не можетъ случиться ничего такого, что не составляетъ удѣла человѣка, съ быкомъ, виноградной лозой, камнемъ—что не составляетъ ихъ удѣла. Если же съ каждымъ случается только то, что для него обычно и естественно, то на что же ты станешь негодовать? Общая природа не ниспослала тебѣ ничего такого, чего ты не могъ бы претерпѣть (46).

Если ты огорчаешься по поводу чего-либо внѣшняго, то угнетаетъ тебя не сама эта вещь, а твое сужденіе о ней. Но устранить послѣднее—въ твоей власти. Если же тебя огорчаетъ что-либо въ твоемъ собственномъ настроеніи, то кто мѣшаетъ тебѣ

Digitized by Google

исправить свой образъ мыслей? Точно также, если ты огорчаешься по поводу того, что не дѣлаешь чего-либо, представляющагося тебѣ правильнымъ, то не лучше сдѣлать это, нежели огорчаться?—„Но этому препятствуетъ нѣчто болѣе сильное, чѣмъ я".—„Тогда не огорчайся, ибо не въ тебѣ причина бездѣйствія".—„Но жизнь лишается для меня цѣны, если я не сдѣлаю этого".—„Уйди же изъ жизни безъ злобы, какъ ты опочилъ бы и по совершеніи своего дѣла, сохраняя благожелательность даже къ тому, что стояло на своемъ пути" (47).

Помни, что руководящее начало, если даже упорство его неразумно, становится неприступнымъ, когда, сосредоточившись въ самомъ себѣ, оно довольствуется тѣмъ, что не дѣлаетъ того, чего не желаетъ. Что же, если оно судитъ о чемъ-либо разумно и осмотрительно? Поэтому душа, свободная отъ страстей, есть твердыня, ибо нѣтъ у человѣка болѣе надежнаго убѣжища, скрывшись въ которое, онъ не боялся бы погони. Кто не видитъ этого—невѣжда, а кто видитъ и не пользуется этимъ убѣжищемъ—несчастенъ (48).

Не говори себѣ ничего, кромѣ того, что содержится въ предшествующихъ представленіяхъ. Тебѣ передаютъ, что такой-то плохо о тебѣ отзывается. Но вѣдь о томъ, что благодаря этому ты терпишь вредъ—тебѣ никто не сообщаетъ. Я вижу, что ребенокъ боленъ. Да, вижу; но что онъ въ опасности, я не вижу. Итакъ, оставайся постоянно въ предѣлахъ первыхъ представленій, ничего не примышляя къ нимъ самъ отъ себя, и съ тобой ничего не будетъ. Или еще лучше, примысли, но какъ человѣкъ, знающій все происходящее въ мірѣ (49).

Огурецъ горекъ? Брось его. На твоемъ пути терновые кусты? Обойди ихъ. Этого достаточно. Не задавайся еще вопросомъ:

Digitized by Google

„Для чего существуетъ нѣчто подобное въ мірѣ“? Вѣдь человѣкъ, посвященный въ тайны природы, осмѣетъ тебя, какъ осмѣяли бы тебя плотникъ или сапожникъ, если бы ты упрекнулъ ихъ въ томъ, что въ ихъ мастерскихъ ты видишь стружки и обрѣзки кожи отъ ихъ издѣлій. У этихъ ремесленниковъ есть однако, куда выбросить остатки, природа же Цѣлаго не имѣетъ ничего внѣ себя. Но именно самымъ удивительнымъ въ искусствѣ природы является то, что, ограниченная сама собой, она превращаетъ въ самое себя все кажущееся внутри ея испортившимся, отжившимъ и безполезнымъ, и что изъ всего этого она опять создаетъ нѣчто новое. Такимъ образомъ она не пользуется ни матеріей извнѣ и не нуждается въ мѣстѣ, куда выкидывать гниль. Она довольствуется своимъ пространствомъ, своей матеріей и свойственнымъ ей искусствомъ (50).

Не будь ни мѣшкотнымъ въ дѣйствіяхъ, ни путаннымъ въ рѣчахъ. Не отдавайся полету воображенія, не предавайся чрезмѣрному отчаянію или ликованію и не заполняй всей жизни дѣлами.

Люди убиваютъ, рвутъ на части, преслѣдуютъ проклятіями. Но чѣмъ это можетъ помѣшать душѣ оставаться чистой, разсудительной, благоразумной, справедливой? Такъ, если кто-нибудь, подойдя къ прозрачному и прѣсному роднику, сталъ бы изрыгать на него хулу: родникъ все же не перестанетъ бить ключомъ питьевой воды. И пусть онъ даже броситъ въ него грязи или навоза, родникъ очень скоро разсѣетъ все это, смоетъ и нигдѣ не помутится. Когда же ты будешь обладать вѣчно-бьющимъ родникомъ, а не стоячимъ болотомъ? Если ты ни на часъ не будешь оставлять попеченія о своей свободѣ, сопряженной съ благожелательностью, простотой и скромностью (51).

Тотъ, кто не знаетъ, что̀ есть міръ, не знаетъ и мѣста своего пребыванія. Не знающій же назначенія міра не знаетъ ни

Digitized by Google

того, кто онъ самъ, ни того, что́ есть міръ. Тотъ же, кто остается въ невѣдѣніи относительно какого-нибудь изъ этихъ вопросовъ, не могъ бы ничего сказать и о своемъ собственномъ назначеніи. Кѣмъ же кажется тебѣ тотъ, кто стремится избѣжать порицанія или удостоиться рукоплесканій и похвалы со стороны людей, не знающихъ ни гдѣ они, ни кто они? (52).

Ты жаждешь похвалъ со стороны человѣка, трижды проклинающаго себя въ теченіе одного часа? Ты желаешь нравиться человѣку, который не нравится себѣ самому? Развѣ нравится себѣ тотъ, кто раскаивается почти во всѣхъ своихъ поступкахъ? (53).

Пора не только согласовать свое дыханіе съ окружающимъ воздухомъ, но и мысли со всеобъемлющимъ разумомъ. Ибо разумная сила такъ же разлита и распространена повсюду для того, кто способенъ вбирать ее въ себя, какъ сила воздуха для способнаго къ дыханію (54).

Порокъ вообще ни въ чемъ не вредитъ міру, порокъ же, присущій одной части, ни въ чемъ не вредитъ другой. Онъ вреденъ только для того, кто имѣетъ возможность избавиться отъ него, лишь только пожелаетъ этого (55).

Для моей воли воля ближняго есть нѣчто столь же безразличное, какъ и его жизненная сила, и тѣло. И хотя мы и рождены преимущественно другъ для друга, однако руководящее начало каждаго изъ насъ обладаетъ собственной властью. Въ противномъ случаѣ порокъ ближняго былъ бы зломъ для меня. Но богъ рѣшилъ иначе, дабы счастье или несчастье не зависѣло отъ кого-либо другого (56).

Солнце кажется льющимъ свой свѣтъ, этотъ свѣтъ разлитъ повсюду, но солнце не изливается. Ибо разлитіе это есть рас-

Digitized by Google

пространеніе. Поэтому его лучи называются *Ακτῖνες* отъ слова *Εκτείνεσθαι* (распространяться)[8]. А что такое лучъ, это ты узнаешь, если будешь смотрѣть на солнечный свѣтъ, проникающій, черезъ узкое отверстіе, въ темную комнату. Онъ распространяется по прямой линіи и какъ бы упирается въ встрѣтившееся ему плотное тѣло, являющееся преградой для находящагося за нимъ воздуха; здѣсь онъ останавливается, не соскальзывая внизъ и не падая. Таковымъ же должно быть и разлитіе души, отнюдь не изліяніемъ, а распространеніемъ: встрѣчающіяся же препятствія не должны подвергаться съ ея стороны насильственному и грубому напору, она не должна падать, но твердо держаться и освѣщать то, что пріемлетъ ее. Ибо то, что не пропускаетъ свѣта, само лишаетъ себя его (57).

Боящійся смерти боится или остаться вовсе безъ ощущеній, или получать ощущенія иного рода. Но если онъ будетъ лишенъ ощущеній, то не будетъ ощущать никакого зла, если же онъ пріобрѣтетъ новый видъ ощущенія, то онъ станетъ другимъ существомъ, и его жизнь не прекратится (58).

Люди рождены другъ для друга. Поэтому или вразумляй, или же терпи (59).

Одно дѣло полетъ стрѣлы, другое—полетъ духа. Духъ, даже и обходя препятствія и изслѣдуя предметъ со всѣхъ сторонъ, все же тѣмъ не менѣе держится прямого направленія и стремится къ цѣли (60).

Старайся проникнуть въ руководящее начало каждаго и предоставь каждому проникать въ начало, руководящее тобою (61).

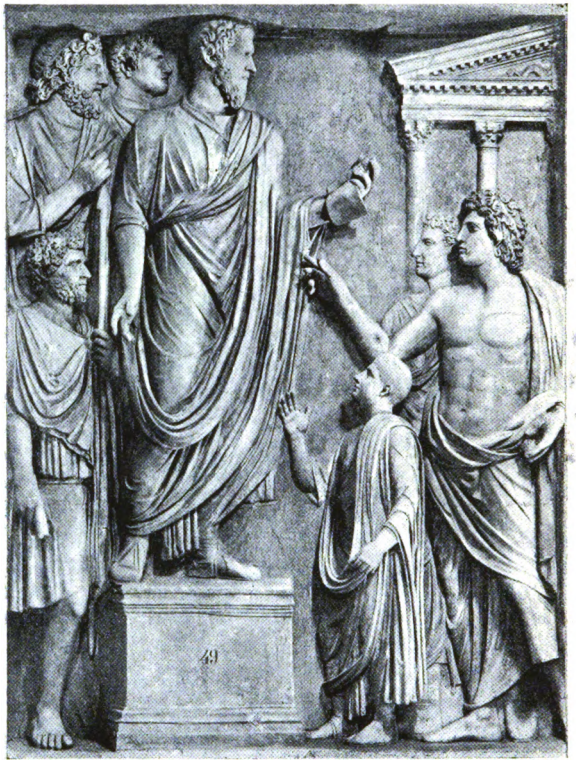
Digitized by Google

Digitized by Google

13. АПОѲЕОЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ.

БАРЕЛЬЕФЪ. РИМЪ. ДВОРЕЦЪ КОНСЕРВАТОРСКІЙ.

Digitized by Google



14. ИМПЕРАТОРЪ ОБЪЯВЛЯЕТЪ УКАЗЪ.

БАРЕЛЬЕФЪ. РИМЪ. ДВОРЕЦЪ КОНСЕРВАТОРСКІЙ.

Digitized by Google

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Совершающій несправедливость—впадаетъ въ нечестіе. Вѣдь природа Цѣлаго создала разумныя существа другъ для друга, и поэтому они должны помогать другъ другу, по мѣрѣ достоинства, а отнюдь не вредить. Очевидно, что преступающій это желаніе природѣ проявляетъ нечестіе по отношенію къ старѣйшей изъ божествъ. И тотъ, кто лжетъ, также проявляетъ нечестіе по отношенію къ тому же божеству. Вѣдь природа цѣлаго есть природа сущаго; сущее (ὄντα) же находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, что существуетъ въ данный моментъ (ὑπάρχοντα) [1]. Это же божество именуется также и истиной, ибо оно есть первопричина всѣхъ истинъ. Слѣдовательно, тотъ, кто лжетъ преднамѣренно, впадаетъ въ нечестіе, поскольку онъ совершаетъ несправедливость своимъ обманомъ; тотъ же, кто лжетъ безъ намѣренія,—поскольку онъ разногласитъ съ природой Цѣлаго и поскольку онъ вноситъ смятеніе, противоборствуя природѣ міра. Вѣдь позволяющій увлечь себя, вопреки своему желанію, къ тому, что противоположно истинѣ, противоборствуетъ ей потому, что природа сообщила ему задатки, пренебрегши которыми, онъ уже не въ состояніи различить ложнаго отъ истиннаго. Впадаетъ въ нечестіе также и тотъ, кто стремится къ наслажденію, какъ къ добру, и избѣгаетъ страданій, какъ зла. Ибо такому человѣку неизбѣжно придется часто сѣтовать на общую природу, которая яко бы не считается съ достоинствомъ,

Digitized by Google

одѣляя людей дурныхъ и хорошихъ, такъ какъ часто дурные утопаютъ въ наслажденіяхъ и обладаютъ средствами къ ихъ достиженію, на сторонѣ же хорошихъ—страданіе и то, что его порождаетъ. Къ тому же боящійся страданія будетъ бояться и чего-либо имѣющаго произойти въ мірѣ, что уже нечестиво. Стремящійся, далѣе, къ наслажденіямъ не остановится и передъ несправедливостью—а это очевидное нечестіе. Кто желаетъ слѣдовать природѣ въ единомыслiи съ ней, тотъ долженъ относиться одинаково къ тому, къ чему одинаково относится общая природа (а она не создавала бы и того, и другого, если бы не относилась одинаково къ тому и другому). Несомнѣнно, слѣдовательно, что впадаетъ въ нечестіе тотъ, кто неодинаково относится къ страданію или наслажденію, или смерти и жизни, или славѣ и безславію, которыми одинаково пользуется природа. Я говорю, что общая природа одинаково пользуется всѣмъ этимъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что все это, сообразно извѣстному порядку, одинаково происходитъ со всѣмъ возникающимъ и сопутствующимъ ему въ силу нѣкоего исконнаго стремленія промысла, по которому онъ, изойдя изъ нѣкоего начала, предустановилъ настоящій строй вещей, заключивъ въ себѣ сѣмена грядущаго и разграничивъ творческія потенціи (*δυνάμεις γονίμους*) существованій, измѣненій и чередованій (1).

Выбыть изъ числа людей, не вкусивъ отъ лжи, всяческаго лицемѣрія, излишества, чванства, могъ бы только совершеннѣйшій человѣкъ. Вторымъ будетъ тотъ, кто оставляетъ жизнь, пресытившись всѣмъ этимъ. Или ты предпочитаешь погрязать въ порокѣ, и опытъ еще не убѣдилъ тебя бѣжать отъ пагубы? Ибо извращеніе помысловъ есть несравненно бо́льшая пагуба, нежели какая-либо порча и перемѣна къ худшему въ окружающемъ насъ воздухѣ. Послѣдняя пагубна для животныхъ, поскольку они животныя, первая же для людей, поскольку они люди (2).

Digitized by Google

Не призирай смерти, но будь расположенъ къ ней, какъ къ одному изъ явленій желаемыхъ природой. Вѣдь разложеніе есть явленіе того же порядка, что молодость, старость, ростъ, зрѣлость, прорѣзываніе зубовъ, обростаніе бородой, сѣдина, оплодотвореніе, беременность, роды и другія дѣйствія природы, сопряженныя съ различными періодами жизни. Поэтому человѣкъ разсудительный долженъ относиться къ смерти безъ упорства, отвращенія или кичливости, но ждать ее, какъ одного изъ дѣйствій природы. И какъ ты теперь ждешь, пока дитя выйдетъ изъ утробы твоей жены, такъ слѣдуетъ ждать того часа, когда твоя душа сброситъ съ себя эту оболочку. Если же ты хочешь средства немудренаго, но дѣйствительнаго, то лучше всего примиритъ тебя со смертью внимательный взглядъ на предметы, которые тебѣ предстоитъ покинуть, и мысль о характерѣ людей, съ которыми твоей душѣ уже не придется соприкасаться. Ибо, хотя и не слѣдуетъ гнѣваться на нихъ, а, наоборотъ, надлежитъ и заботиться о нихъ, и переносить ихъ съ кротостью, но въ то же время не нужно забывать, что разлука предстоитъ тебѣ не съ людьми единомыслящими. Вѣдь если вообще есть что-нибудь въ жизни, что влекло бы къ ней и въ ней удерживало, то лишь одно: возможность жить въ общеніи съ людьми, усвоившими тѣ же основоположенія, что и мы. Но теперь ты видишь, насколько тягостно разномысліе съ окружающими, и можешь воскликнуть: „Поспѣши, смерть! чтобъ мнѣ самому не забыть о себѣ!“ (3).

Прегрѣшающій прегрѣшаетъ противъ самого себя; совершающій несправедливость, совершаетъ ее по отношенію къ самому себѣ, дѣлая себя дурнымъ (4).

Часто совершаетъ несправедливость и воздерживающійся отъ какого-либо дѣйствія, а не только дѣйствующій (5).

Digitized by Google

Достаточно наличности правильнаго убѣжденія, дѣйствія, имѣющаго цѣлью общее благо, и настроенія, благожелательнаго ко всему, что происходитъ въ силу внѣшней причины (6).

Устрани воображеніе, останови стремленіе, подави склонности: пусть властвуетъ надъ тобой руководящее начало (7).

Одна душа распредѣлена между неразумными животными и одна мыслящая душа—между разумными. Вѣдь и земля одна для всего земного, и видимъ мы благодаря одному свѣту и дышимъ однимъ воздухомъ—всѣ мы причастные зрѣнію и жизни (8).

Все причастное чему-либо общему стремится къ единородному съ нимъ.

Все земное тяготѣетъ къ землѣ, все влажное сливается воедино, равно какъ и воздушное; такъ что нужны преграды и усиліе, чтобы разобщить ихъ. Огонь уносится вверхъ вслѣдствіе огня элементарнаго, но въ то же время тяготѣніе ко всякому здѣшнему огню для общаго воспламененія настолько сильно въ немъ, что легко возгорается всякое сколько-нибудь сухое тѣло, ибо въ его составѣ не много такого, что препятствуетъ воспламененію. И поэтому все причастное общей разумной природѣ равнымъ образомъ стремится къ родственному ему или даже въ большей степени. Вѣдь поскольку оно совершеннѣе по сравненіи съ другимъ, постольку въ немъ сильнѣе склонность къ сближенію съ себѣ подобнымъ и сліянію съ нимъ во-едино. Уже у неразумныхъ существъ можно найти ульи, стада, вскармливаніе потомства, нѣкоторое подобіе любви. Это объясняется тѣмъ, что у нихъ есть души, и склонность къ совмѣстной жизни въ существахъ относительно совершенныхъ проявляется съ большей силой, нежели въ растеніяхъ, камняхъ или деревьяхъ. У разумныхъ же существъ имѣются государства, содружества, домохозяйства,

Digitized by Google

совѣщанія, а на войнѣ союзы и перемирія. У существъ еще болѣе совершенныхъ единеніе осуществляется даже вопреки раздѣляющему ихъ пространству, каково, напримѣръ, единеніе звѣздъ. Такимъ образомъ извѣстная степень совершенства можетъ породить согласіе даже между существами, отстоящими другъ отъ друга. Взгляни же теперь на то, что происходитъ. Одни только разумныя существа забываютъ нынѣ о стремленіи и склонности другъ къ другу, только среди нихъ не замѣчается сліянія воедино. Но какъ ни избѣгаютъ люди единенія, все же имъ не уйти отъ него, ибо природа сильнѣе ихъ. При нѣкоторомъ вниманіи ты убѣдишься въ правильности моихъ словъ. Легче поэтому найти нѣчто земное, не соприкасающееся ни съ чѣмъ земнымъ, нежели человѣка, не находящагося въ общеніи съ человѣкомъ (9).

Приноситъ плодъ и человѣкъ, и богъ, и міръ. Все приноситъ плодъ въ урочное время. Если же по привычкѣ это выраженіе примѣняется преимущественно къ виноградной лозѣ и т. п.— то это ничего не значитъ. Плодъ разума двоякій, общій и частный, и обязанное ему существованіемъ таково же, каковъ онъ самъ (10).

Если можешь, исправь заблуждающагося; если же не можешь, то вспомни, что на этотъ случай тебѣ дана благожелательность. И боги благожелательны къ подобнымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже являются ихъ пособниками, въ здоровьѣ, богатствѣ, славѣ, — такъ далеко простирается милость боговъ. И ты можешь поступать такъ же. Или же отвѣть на вопросъ: „Кто тебѣ мѣшаетъ?“ (11).

Переноси страданіе, не какъ человѣкъ, видящій въ этомъ свое несчастіе, и не какъ желающій стать предметомъ состраданія или удивленія. Желай только одного: дѣйствовать и воздерживаться

Digitized by Google

отъ дѣйствій въ согласіи съ требованіями разума гражданственности (12).

Сегодня я избѣгъ всякой напасти, вѣрнѣе, я отринулъ всякую напасть, ибо она была не внѣ меня, а внутри,—въ моихъ убѣжденіяхъ (13).

Все это обычно въ отношеніи опыта, мимолетно въ отношеніи времени, мерзостно въ отношеніи матеріи. Все остается тѣмъ же, какимъ было при тѣхъ, которыхъ мы предали землѣ (14).

Вещи находятся внѣ насъ, существуя сами по себѣ, не зная ничего о себѣ самихъ и не высказывая ничего. Что же высказывается о нихъ? Руководящее начало (15).

Добро и зло разумнаго и гражданственнаго существа не въ испытываемомъ состояніи, а въ дѣятельности; точно такъ же какъ и добродѣтель, и порокъ его не въ испытываемомъ состояніи, а въ дѣятельности (16).

Для камня, брошеннаго вверхъ, нѣтъ ничего дурного въ томъ, чтобы упасть внизъ, и ничего хорошаго въ томъ, чтобы нестись вверхъ (17).

Проникни внутрь присущаго имъ руководящаго начала, и ты увидишь, какихъ судей ты боишься, и какъ они судятъ о собственныхъ дѣлахъ (18).

Все подвержено измѣненію. И ты самъ находишься въ процессѣ постояннаго перехода въ другое и частичнаго умиранія. Да и весь міръ (19).

Digitized by Google

Проступки другого человѣка слѣдуетъ оставлять при немъ (20).

Прекращеніе дѣятельности, пріостановка стремленія и способности убѣжденія и вообще смерть[2] отнюдь еще не есть зло Подумай только о возрастахъ, какъ-то дѣтство, юность, молодость, старость. Вѣдь и въ нихъ всякое измѣненіе—смерть. Но развѣ все это страшно? Подумай, далѣе, о своей жизни при дѣдѣ, затѣмъ при матери и при отцѣ и, всюду наталкиваясь на всяческія различія, измѣненія и прекращенія, спроси себя: „Развѣ страшно все это?“ Но въ такомъ случаѣ не страшны и прекращеніе, пріостановка и измѣненіе всей жизни (21).

Обратись къ руководящему началу, присущему тебѣ, Цѣлому, и твоему ближнему. Къ присущему тебѣ, чтобы внѣдрить въ него справедливость, къ присущему Цѣлому, чтобы вспомнить, чьей частью ты являешься, къ присущему твоему ближнему, чтобы знать, дѣйствовалъ ли онъ по невѣдѣнію или со знаніемъ, и въ то же время не упускать изъ вида, что онъ—родной тебѣ (22).

Какъ ты самъ входишь въ составъ гражданскаго общества, точно такъ же и всякое твое дѣйствіе должно входить въ составъ гражданской жизни. Если же какое-либо не имѣетъ отношенія, непосредственнаго или же болѣе отдаленнаго, къ общей цѣли, то оно дробитъ жизнь, нарушаетъ ея единство, подымаетъ бунтъ, уподобляясь тому человѣку, который, будучи однимъ изъ участниковъ народнаго собранія, не желаетъ подчиняться общему согласію (23).

Ребяческія распри, ребяческія игры, душонки, обремененныя трупами,—зрѣлище достойное „Царства мертвыхъ“[3] (24).

Обратись къ изслѣдованію свойствъ причиннаго начала и разсмотри его въ отрѣшеніи отъ начала матеріальнаго. Затѣмъ опре-

Digitized by Google

дѣли время, которое оно въ лучшемъ случаѣ сможетъ просуществовать при данныхъ свойствахъ (25).

Ты очень много перенесъ изъ-за того, что не довольствовался дѣятельностью своего руководящаго начала, согласной съ его назначеніемъ. Но довольно (26).

Когда какіе-нибудь люди порицаютъ тебя, или ненавидятъ, или дурно отзываются о тебѣ, то подойди вплотную къ ихъ душѣ, проникни внутрь и посмотри, что они собой представляютъ. Ты увидишь, что тебѣ незачѣмъ тревожиться относительно того, каково мнѣніе этихъ людей о тебѣ. Однако относиться къ нимъ слѣдуетъ съ благожелательностью, ибо по природѣ они друзья тебѣ. Вѣдь и боги оказываютъ имъ всяческую поддержку сновидѣніями и прорицаніями въ томъ, на что направлены ихъ помыслы (27).

Неизмѣненъ круговоротъ міра въ своемъ движеніи вверхъ и внизъ, изъ вѣчности въ вѣчность. Или мысль Цѣлаго стремится къ каждому явленію въ отдѣльности—если такъ, то пріемли результаты ея стремленія—или же ея стремленіе было однократно, все же остальное возникаетъ въ силу необходимой связи, будучи нѣкоторымъ образомъ заключено другъ въ другѣ, или же, наконецъ, существуютъ только атомы, недѣлимыя частицы. Словомъ, если богъ, то тогда все хорошо, если же случай, то пусть онъ не властвуетъ хотя бы надъ тобой.

Скоро всѣхъ насъ покроетъ земля, затѣмъ измѣнится и она, и то, что произойдетъ изъ нея, будетъ измѣняться до безконечности. И кто, пораздумавъ надъ набѣгающими другъ на друга съ такой быстротой волнами измѣненій и превращеній, не преисполнится презрѣнія ко всему смертному? (28).

Digitized by Google

Сущность[4] Цѣлаго подобна стремительному потоку: она все уноситъ съ собой. Какъ жалки всѣ эти политики, которые воображаютъ себя дѣйствующими по-философски! Хвастливые глупцы. Поступай же, человѣкъ, такъ, какъ требуетъ въ данный моментъ природа. Стремись къ цѣли, если имѣешь возможность, и не озирайся по сторонамъ, знаетъ ли кто объ этомъ. Не надѣйся на осуществленіе Платонова государства, но будь доволенъ, если дѣло подвигается впередъ, хотя бы на одинъ шагъ, и не смотри на этотъ успѣхъ, какъ на нѣчто не имѣющее значенія. Кто измѣнитъ образъ мыслей людей? А что можетъ выйти безъ такого измѣненія, кромѣ рабства, стенаній и лицемѣрнаго повиновенія? Теперь можешь начать приводить примѣры Александра, Филиппа, Деметрія Фалернскаго. Я посмотрю[5], знали ли они, чего желаетъ общая природа, и воспитывали ли они самихъ себя. Если же они только играли роль, то никто не заставитъ меня подражать имъ. Дѣло философіи просто и скромно; не увлекай меня на стезю тщеславія (29).

Окинь сверху взоромъ безчисленныя скопища людей, безчисленные религіозные обряды, суда, плывущія по всевозможнымъ направленіямъ и въ бурю, и въ затишье, многообразіе всего возникающаго, сущаго, исчезающаго. Подумай также и о той жизни, которой жили при другихъ, и о той, которой будутъ жить послѣ тебя, и о той, которой живутъ теперь варварскія племена. Подумай о томъ, сколько людей вовсе не знаютъ и твоего имени, сколько забудутъ тебя въ самомъ непродолжительномъ времени, сколько сейчасъ можетъ быть хвалятъ тебя, а очень скоро станутъ порицать, и о томъ, что нѣтъ ничего значительнаго ни въ памяти, ни въ славѣ, ни въ чемъ-либо другомъ (30).

Безмятежность въ отношеніи ко всему происходящему въ силу внѣшней причины, справедливость во всѣхъ дѣйствіяхъ, причиной

Digitized by Google

которыхъ являешься ты самъ, иначе говоря, стремленіе и дѣятельность, направленыя на дѣло общаго блага, какъ отвѣчающія твоей природѣ (31).

Ты можешь устранить очень многое изъ того, что тяготитъ тебя, какъ коренящееся всецѣло въ твоемъ убѣжденіи. И широкій просторъ откроется передъ тобой, если ты охватишь мыслью весь міръ, подумаешь сначала о вѣчномъ времени, а затѣмъ о быстротѣ измѣненія, которому поочередно подлежатъ всѣ отдѣльныя вещи, о томъ, какъ кратокъ промежутокъ между ихъ возникновеніемъ и исчезновеніемъ, о безднѣ времени до ихъ возникновенія и безпредѣльности послѣ ихъ исчезновенія (32).

Все, что видишь, скоро рушится, а вслѣдъ за нимъ подвергнутся той же участи и наблюдающіе это разрушеніе. И тотъ, кто умираетъ въ самомъ преклонномъ возрастѣ, не будетъ имѣть никакого преимущества передъ умершимъ прежде времени (33).

Каково руководящее начало въ нихъ, каковы ихъ интересы, и что нужно, чтобы снискать ихъ любовь и уваженіе! Пусть ихъ души предстанутъ передъ тобой обнаженными. Въ какомъ самообольщеніи они находятся, когда думаютъ, что вредятъ своимъ порицаніемъ или приносятъ пользу похвалами (34).

Утрата чего-либо есть не что иное, какъ измѣненіе. Но измѣненіе есть излюбленный пріемъ природы Цѣлаго, согласно которой все созидается наилучшимъ, такимъ же созидалось изъ вѣка и такимъ же будетъ въ безконечномъ времени. Неужели же ты скажешь, что все созидается дурнымъ и всегда будетъ дурнымъ, и что у столькихъ боговъ не нашлось силы, способной все привести въ надлежащій видъ, но міръ осужденъ пребывать въ неизбывномъ злѣ? (35).

Digitized by Google

Тлѣнна матерія, входящая въ составъ каждаго существа: вода, пыль, кости, прахъ. Мраморъ, далѣе, есть затвердѣніе земли, серебро и золото ея осадки, одежда—волосы животныхъ, пурпуръ —кровь; таково же и все остальное. И даже жизненная сила, мѣняющая одно состояніе на другое, есть нѣчто подобное (36).

Довольно жалкой жизни, ропота и обезьяничанья. Что тревожитъ тебя? Что въ этомъ новаго? Что выводитъ тебя изъ себя? Причинное начало? Вникни въ него. Или матерія? Разсмотри ее. Кромѣ же этого ничего нѣтъ. Но постарайся же, наконецъ, относиться къ богамъ съ большей простотой и расположеніемъ.

Все равно, наблюдать ли одно и то же сто лѣтъ или три года (37).

Если кто-нибудь впалъ въ заблужденіе, то онъ же и терпитъ зло. Но, можетъ быть, онъ и не впадалъ въ него (38).

Или все происходитъ какъ бы въ единомъ тѣлѣ, беря начало въ единомъ духѣ, и часть не должна роптать на то, что происходитъ въ Цѣломъ, или же существуютъ атомы и ничего, кромѣ смѣшенія и разсѣянія. Что же тревожитъ тебя? Скажи руководящему началу: „Въ тебѣ царятъ смерть и разложеніе, ты звѣроподобно, лицемѣрно, твое мѣсто въ стадѣ на пастбищѣ“ (39).

Боги или безвластны, или же властны. Если они безвластны, то зачѣмъ ты молишься имъ? Если же они властны, то не лучше ли молиться о томъ, чтобы не бояться ничего, не желать ничего, не огорчаться ничѣмъ, нежели о наличности или отсутствіи чего-либо? Вѣдь если боги вообще могутъ содѣйствовать людямъ, то могутъ содѣйствовать и въ этомъ. Но ты, быть можетъ, скажешь: „Боги предоставили это моей власти“. Въ такомъ случаѣ не лучше ли пользоваться тѣмъ, что въ твоей власти, достойно сво-

Digitized by Google

боднаго человѣка, нежели стремиться къ тому, что не зависитъ отъ тебя, подобно рабу или нищему? Но кто тебѣ сказалъ, что боги не принимаютъ участія въ томъ, что въ нашей власти? Начни молиться объ этомъ и увидишь. Вотъ человѣкъ, который молится: „Хорошо бы добиться обладанія этой женщиной!“ Ты же молись: „Хорошо бы не желать обладанія ею“. Другой: „Хорошо бы избавиться отъ этого человѣка!“ Ты молись: „Хорошо бы не нуждаться въ этомъ избавленіи!“ Третій: „Хорошо бы сохранить ребенка въ живыхъ!“ Ты молись: „Хорошо бы не бояться потерять его!“ Передѣлай на этотъ ладъ всѣ молитвы и посмотри, что изъ этого выйдетъ (40).

„Во время болѣзни“, говоритъ Епикуръ, „меня не занимали тѣлесныя страданія, и съ посѣщавшими меня я не бесѣдовалъ о подобныхъ вещахъ. Я продолжалъ свои начатыя ранѣе научныя работы, интересуясь главнымъ образомъ тѣмъ, какъ мысль, несмотря на свою причастность къ подобнымъ движеніямъ въ тѣлѣ, сохраняетъ тѣмъ не менѣе свой внутренній миръ, преслѣдуя свойственное ей благо“. „И врачамъ“, продолжаетъ онъ, „я не далъ повода возгордиться, точно они не вѣсть что для меня дѣлаютъ, но жизнь моя протекала счастливо и хорошо“. Подражай ему, если тебѣ случится заболѣть или попасть въ какое-нибудь другое опасное положеніе. Всѣ школы сходятся въ томъ, что не слѣдуетъ ни отрекаться отъ философіи при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, ни вторить невѣждамъ, ничего не знающимъ о природѣ, но все свое вниманіе отдавать дѣлу, которымъ въ данный моментъ занятъ, и средствамъ, которыми оно приводится въ исполненіе (41).

Когда тебя возмутитъ чье-либо безстыдство, тотчасъ же спроси себя: „Возможно ли, чтобы въ мірѣ не было людей безъ стыда?“ Нѣтъ, невозможно. Не требуй же невозможнаго. Вѣдь и этотъ

Digitized by Google

человѣкъ одинъ изъ тѣхъ людей безъ стыда, которые необходимо должны быть въ мірѣ. Этотъ же вопросъ пусть будетъ у тебя наготовѣ и по отношенію къ человѣку вѣроломному и ко всякому совершающему какой-нибудь проступокъ. Если ты будешь помнить, что люди такого рода не могутъ не существовать, то будешь благосклоннѣе къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Полезно также тотчасъ же подумать о томъ, какую добродѣтель сообщила природа человѣку противъ подобныхъ проступковъ. Вѣдь противъ неблагодарности она, въ качествѣ противоядія, сообщила намъ кротость, противъ другихъ пороковъ — какую-нибудь другую способность. Вообще тебѣ дана возможность вразумлять заблудшихъ: ибо всякій прегрѣшающій уклоняется отъ своей цѣли и блуждаетъ. Но терпишь ли вредъ ты? Ты не найдешь ни одного изъ тѣхъ, на кого ты такъ негодуешь, кто своими дѣйствіями могъ бы сдѣлать твою душу худшей, а въ ней-то и коренится все вредное и злое для тебя. Что дурного или необычнаго въ томъ, если необразованный человѣкъ поступаетъ, какъ таковой? Подумай, не слѣдуетъ ли тебѣ винить самого себя въ томъ, что ты не ждалъ отъ такого человѣка такого рода проступковъ. Вѣдь разумъ побуждалъ тебя къ размышленію о томъ, что подобные проступки весьма вѣроятны со стороны этого человѣка, и тѣмъ не менѣе ты по своей забывчивости удивляешься, если онъ совершилъ проступокъ. Важнѣе всего, однако, при жалобахъ на чье-либо вѣроломство или неблагодарность обращать взоръ на самого себя. Вѣдь несомнѣнно же, что ты заблуждался, если вѣрилъ въ возможность вѣрности со стороны человѣка такого склада, или же, оказывая благодѣяніе, не отрѣшался отъ всякихъ соображеній и не черпалъ удовлетворенія въ самомъ своемъ поступкѣ. Если ты сдѣлалъ добро человѣку, что остается тебѣ еще желать? Развѣ недостаточно того, что ты совершилъ что-либо согласно своей природѣ, но ты требуешь еще награды за это? Это все равно, какъ если бы глазъ

Digitized by Google

потребовалъ бы платы за то, что онъ видитъ, или ноги за то, что онѣ ходятъ. Подобно тому, какъ эти члены созданы для опредѣленнаго назначенія, выполнивъ которое, сообразно своему строенію, они почитаютъ себя удовлетворенными, точно такъ же и человѣкъ, рожденный, чтобы творить добро, сдѣлавши какое-нибудь доброе дѣло, или какъ-либо иначе поспособствовавши общему благу, выполняетъ тѣмъ свое назначеніе и долженъ считать себя удовлетвореннымъ (42).

Digitized by Google

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Будешь ли ты когда-либо, душа, доброй, простой, единой и, въ своемъ обнаженіи, болѣе явственной, нежели облекающее тебя тѣло? Вкусишь ли когда-либо отъ настроенія дружбы и любви? Настанетъ ли когда-нибудь моментъ, когда ты не будешь ничего желать и ни о чемъ не будешь мечтать, ни объ одушевленномъ, ни о неодушевленномъ, ради испытанія наслажденія, ни о времени для возможнаго продленія этихъ наслажденій, ни о мѣстности, странѣ, благодатномъ климатѣ, ни о согласіи съ людьми? Будешь ли ты, наоборотъ, довольствоваться наличнымъ положеніемъ, радоваться всему, что имѣется на лицо, и убѣдишь ли ты себя въ томъ, что все у тебя есть, все обстоитъ хорошо для тебя, и существуетъ по волѣ боговъ, и будетъ обстоять хорошо все, что любезно богамъ, и будетъ ими ниспослано на благо существа совершеннаго, добраго, справедливаго, прекраснаго, которое все порождаетъ, все сдерживаетъ, все объемлетъ и охватываетъ все разрушающееся для созданія новаго, подобнаго ему? Будешь ли ты когда-нибудь способна сожительствовать съ богами и людьми такимъ образомъ, чтобы не жаловаться на нихъ, но и не навлекать на себя ихъ осужденія? (1).

Слѣди за тѣмъ, какія требованія предъявляетъ твоя природа къ тебѣ, какъ подчиняющемуся одной только природѣ. Затѣмъ исполняй эти требованія и допускай ихъ, если это не ухудшаетъ твоей животной природы. Далѣе, нужно слѣдить за тѣмъ, чего требуетъ твоя животная природа, и принимать всѣ ея требованія,

Digitized by Google

если исполненіе ихъ не ухудшаетъ твоей разумной природы. Но разумное есть въ то же время и гражданственное. Примѣняй эти правила и не бросайся изъ стороны въ сторону (2).

Все случающееся или таково, что ты отъ природы способенъ перенести его, или же таково, что ты не способенъ къ этому. Поэтому если съ тобой случается что-нибудь, что ты способенъ перенести, то не досадуй, но переноси, какъ и свойственно тебѣ. Если же ты не способенъ перенести его, то и тогда тебѣ нечего досадовать, ибо, уничтоживъ тебя, оно погибнетъ и само. Помни, однако, что ты способенъ перенести все, что твое убѣжденіе можетъ сдѣлать терпимымъ и сноснымъ, полагая, что тебѣ полезно и приличествуетъ сдѣлать это (3).

Если кто-нибудь заблуждается, то вразуми его, сохраняя благожелательность, и укажи на его ошибку. Если же не можешь сдѣлать этого, то вини себя или же не вини никого (4).

Что бы ни случилось съ тобой—оно предопредѣлено тебѣ изъ вѣка. И сплетеніе причинъ съ самаго начала связало твое существованіе съ даннымъ событіемъ (5).

Существуютъ ли атомы или же единая природа—прежде всего слѣдуетъ установить, что я являюсь частью Цѣлаго, управляемаго природой; затѣмъ, что я нѣкоторымъ образомъ связанъ съ частями, однородными мнѣ. Вѣдь, если я буду помнить объ этомъ, то, поскольку я буду сознавать себя частью, я не буду недоволенъ ничѣмъ, ниспосылаемымъ Цѣлымъ, ибо то, что полезно Цѣлому, не можетъ быть вредно части. Въ Цѣломъ же нѣтъ ничего, что не было бы полезно ему: это общо всѣмъ природамъ, но природа міра имѣетъ то преимущество, что нѣтъ внѣшней причины, которая могла бы заставить ее произвести что-нибудь вредное

Digitized by Google

для нея самой. Итакъ, поскольку я буду помнить, что я являюсь частью такого Цѣлаго—я буду радъ всему происходящему. Поскольку же я нахожусь въ извѣстной родственной связи съ однородными мнѣ частями — я буду воздерживаться отъ того, что идетъ въ разрѣзъ съ общимъ благомъ. Наоборотъ, я всегда буду имѣть въ виду тѣхъ, кто мнѣ родственны, направлю все свое стремленіе на общеполезное и отвращу его отъ противоположнаго. Если все это будетъ выполнено, то жизнь будетъ несомнѣнно протекать счастливо, какъ нельзя не признать счастливой жизнь гражданина, отдающаго свои силы на дѣятельность, полезную его согражданамъ, и привѣтствующаго все то, чѣмъ одѣлитъ его государство (6).

Части Цѣлаго, объемлемыя по природѣ міромъ, необходимо подлежатъ гибели, или, что означаетъ то же самое, измѣненію. Если это, будучи по природѣ необходимымъ, является въ то же время зломъ для нихъ, то и съ Цѣлымъ, при постоянномъ измѣненіи его частей, нарочито предназначенныхъ къ гибели, не все обстоитъ благополучно. Но не сама ли природа рѣшила причинить зло своимъ частямъ, создавъ ихъ доступными и даже необходимо подверженными ему, или же это случилось безъ ея вѣдома? Какъ то, такъ и другое — невѣроятно. Если же кто-нибудь, оставивъ въ сторонѣ природу, припишетъ измѣненіе естественнымъ свойствамъ вещей, то не смѣшно ли съ одной стороны утверждать, что части Цѣлаго измѣняются въ силу своихъ естественныхъ свойствъ, а съ другой стороны дивиться и негодовать по поводу этого, точно это идетъ въ разрѣзъ съ природой? Тѣмъ болѣе, что каждая вещь разлагается на то же, изъ чего и состоитъ. Ибо на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто или разсѣяніе элементовъ, входившихъ въ составъ вещи, или же превращеніе плотнаго въ то, что обладаетъ свойствами земли, а животворящаго (*πνευματικοῦ*) въ то, что обладаетъ свойствами воздуха, такъ что

Digitized by Google

все, въ концѣ концовъ, поглощается разумомъ Цѣлаго, которое или періодически возгорается, или же обновляется силою вѣчныхъ временъ. И не воображай, что плотное и животворящее, имѣющееся теперь въ тебѣ, существуетъ съ самаго момента твоего рожденія. Ибо все это въ тебѣ со вчерашняго или завчерашняго дня, будучи обязано своимъ существованіемъ пищѣ и вдыхаемому воздуху. Поэтому измѣняется лишь то, что получено тобою извнѣ, а не то, чѣмъ ты обязанъ своей матери. Допусти даже, что привзошедшее къ тебѣ[1] и составляетъ все своеобразіе твоего существа—это, думается мнѣ, отнюдь не поколеблетъ значенія сказаннаго выше (7).

Приложивши къ себѣ такія наименованія, какъ хорошій, скромный, правдивый, разсудительный, нестроптивый, благородный, ты долженъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не перемѣнить ихъ на другія; а если ты лишился этихъ наименованій, поспѣши вновь вернуться къ нимъ. Помни же, что „разсудительность“ означаетъ для тебя осмысленное и вдумчивое отношеніе ко всякой вещи, „нестроптивость“ — добровольное подчиненіе удѣлу, ниспосланному тебѣ общей природой, „благородство“ же—превознесеніе разумной части надъ медленными или порывистыми движеніями плоти, надъ суетной славой, надъ смертью и тому подобнымъ. Если ты соблюдешь себя въ вѣрности этимъ наименованіямъ, не гоняясь за тѣмъ, чтобы и твои ближніе прилагали къ тебѣ ихъ, то ты будешь другимъ и начнешь другую жизнь. Вѣдь продолжать оставаться такимъ, какимъ ты былъ по сіе время, влачить такую пагубную и нечистую жизнь, достойно только человѣка тупого, цѣпляющагося за жизнь, и подобнаго тѣмъ полуживымъ и покрытымъ ранами и кровью гладіаторамъ, которые все же умоляютъ оставить ихъ въ живыхъ до завтра, когда имъ въ такомъ видѣ вновь придется испытать на себѣ силу тѣхъ же когтей и зубовъ. Итакъ, старайся сжиться съ этими не-

Digitized by Google

многими именами. И если ты сможешь оставаться вѣрнымъ имъ, то оставайся, какъ бы переселясь на нѣкіе острова блаженныхъ; если же почувствуешь, что падаешь и не въ силахъ устоять, то имѣй рѣшимость удалиться въ какое-нибудь укромное мѣсто, гдѣ ты не поддашься соблазну, или же совсѣмъ разстанься съ жизнью, но безъ ропота, просто, свободно и скромно, свершивъ въ жизни хотя бы одно дѣло—подобный разсчетъ съ жизнью. Но тебѣ гораздо легче дастся память объ этихъ наименованіяхъ, если ты будешь помнить о богахъ и о томъ, что они желаютъ, чтобы всѣ разумныя существа не льстили, а уподоблялись имъ, и чтобы смоковница исполняла назначеніе смоковницы, собака—назначеніе собаки, пчела—назначеніе пчелы, человѣкъ—назначеніе человѣка (8).

Ненависть[2], война, страхъ, вялость, рабство, будутъ ежедневно сводить на нѣтъ тѣ священныя основоположенія, которыя ты не осмыслилъ надлежащимъ образомъ, не удѣливъ имъ должнаго вниманія. Но на все слѣдуетъ смотрѣть и все дѣлать такъ, чтобы и практическая способность получила свое довершеніе и теоретическая приходила въ дѣятельность, а изъ всеобъемлющаго познанія родилась та увѣренность въ себѣ, которая не выставляетъ себя на показъ, но которую и не скроешь. Когда же, наконецъ, ты пріобщишься искренности, серьезности и того познанія каждой вещи, которое откроетъ тебѣ, какова она по своей сущности, какое мѣсто занимаетъ въ мірѣ, сколько времени суждено ей просуществовать, что входитъ въ ея составъ, кому она можетъ достаться, и кто можетъ дать ее и отнять? (9).

Паукъ гордъ, завлекши муху; кто гордится, подстрѣливъ зайченка, кто—поймавъ сѣтью мелкую рыбешку, кто—одолѣвъ вепря, кто—медвѣдя, а кто—Сарматовъ. Но развѣ не окажутся они всѣ разбойниками, если поизслѣдовать ихъ основоположенія? (10).

Digitized by Google

Усвой себѣ методъ разсмотрѣнія всѣхъ вещей въ ихъ постоянномъ переходѣ другъ въ друга; всегда думай объ этомъ и упражняй себя въ этой области. Ибо ничто такъ не способствуетъ возвышенному настроенію. Такой человѣкъ уже совлекъ съ себя тѣло и, подъ вліяніемъ мысли о томъ, какъ немного еще осталось до того момента, когда онъ оставитъ все это, выбывъ изъ числа людей, всецѣло отдался справедливости въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ и природѣ Цѣлаго во всемъ остальномъ. А что другіе говорятъ о немъ или думаютъ, или какъ они поступаютъ по отношенію къ нему—объ этомъ онъ нисколько не заботится, довольствуясь лишь осуществленіемъ справедливости въ своихъ настоящихъ поступкахъ и любовью къ своему настоящему удѣлу; онъ отрекся отъ всѣхъ заботъ и суетныхъ стремленій и не желаетъ ничего, кромѣ какъ неуклонно исполнять законъ и въ этомъ неуклонномъ исполненіи слѣдовать богу (11).

Къ чему нужны догадки, когда ты имѣешь возможность узнать, что надлежитъ сдѣлать? Если ты знаешь, то, сохраняя благосклонность, иди впередъ по этому пути, не уклоняясь въ сторону, а если не знаешь, то остановись и привлеки къ совѣту лучшихъ людей. Если же ты встрѣтишь на этомъ пути какія-либо препятствія, то иди впередъ, учитывая наличныя обстоятельства, и держась того, что призналъ за справедливое. Ибо достиженіе его есть наилучшее, уклоненіе отъ него—наихудшее[3]. Тотъ, кто во всемъ слѣдуетъ разуму, не суетливъ и въ то же время дѣятеленъ, веселъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уравновѣшенъ (12).

Пробудившись отъ сна, тотчасъ же спроси себя: „Касается ли тебя, если кто-нибудь другой дѣлаетъ что-либо справедливое и прекрасное?“—„Нѣтъ, не касается.“—„Ужъ не забылъ ли ты, каковы люди, которые съ такимъ вѣсомъ высказываютъ другимъ похвалу и порицаніе, на ложѣ, за столомъ, что они дѣлаютъ, чего избѣгаютъ,

Digitized by Google

къ чему стремятся, что они похищаютъ, что отнимаютъ, не посредствомъ рукъ и ногъ, а наиболѣе цѣнной своей части, которая, при желаніи, могла бы дать жизнь вѣрности, скромности, истинѣ, закону, благому генію?“ (13).

Человѣкъ просвѣщенный и скромный обращается ко всёдающей и всёотбирающей назадъ природѣ со словами: „Дай, что пожелаешь, и возьми обратно, что пожелаешь“. Говоритъ же онъ такъ не изъ дерзновенія, а повинуясь природѣ и благоволя ей (14).

Немного еще осталось. Живи словно на горѣ[4]. Вѣдь совершенно безразлично, жить ли здѣсь или тамъ, если человѣкъ повсюду въ мірѣ, какъ въ Градѣ. Пусть люди увидятъ и познаютъ въ тебѣ истиннаго человѣка, живущаго согласно природѣ. Если имъ будетъ невтерпежъ, пусть убиваютъ. Вѣдь это лучше, чѣмъ жить такимъ образомъ (15).

Не все же разглагольствовать о томъ, какимъ долженъ быть хорошій человѣкъ, пора и стать имъ (16).

Постоянно думай о вѣчности въ ея цѣломъ, и о сущности въ ея цѣломъ, и о томъ, что каждая отдѣльная вещь по сравненію съ сущностью—малое зерно, по сравненію съ временемъ—поворотъ бурава (17).

Останавливаясь мыслью на каждомъ отдѣльномъ предметѣ, представляй его себѣ уже разложившимся, подвергшимся измѣненію и какъ бы гніенію или разсѣянію, или же обреченнымъ на своего рода смерть (18).

Подумай, каковы эти люди, когда ѣдятъ, спятъ, совокупляются, испражняются и т. д., а затѣмъ каковы они, когда кор-

Digitized by Google

чать изъ себя важныхъ господъ, чванятся или гнѣваются и расточаютъ укоризны съ высоты своего величія. Сколькимъ они незадолго до того служили и за какую цѣну, и во что[5] они вскорѣ превратятся? (19).

Каждому пристало то, что стало его удѣломъ въ силу природы Цѣлаго, и именно тогда, когда стало (20).

„Любитъ дождь земля; любитъ его и священный эфиръ“[6]. Міръ любитъ создавать то, что должно возникнуть. Поэтому я говорю міру: „Я люблю то же, что и ты“. И развѣ не въ томъ же смыслѣ говорятъ: „Такой-то вещи любо то-то“?[7]. (21).

Или ты продолжаешь жить здѣсь—и къ этой жизни ты уже привыкъ, или ты удаляешься въ другое мѣсто, согласно своему желанію, или же умираешь, и твое служеніе кончилось. Этимъ исчерпано все. Поэтому будь спокоенъ (22).

Для тебя всегда должно быть ясно, что этотъ клочокъ земли ничѣмъ не отличается отъ другихъ и что живущіе на немъ испытываютъ то же самое, что и живущіе на вершинѣ горы, или на морскомъ берегу, или еще гдѣ-нибудь. И ты согласишься со словами Платона о пастухѣ, заключенномъ въ стѣнахъ горной хижины и доящемъ овецъ[8] (23).

Что для меня мое руководящее начало, и какимъ я его теперь дѣлаю? Къ чему я примѣняю его теперь? Не лишено ли оно разума? Не отрѣшено ли и не отторгнуто ли отъ общенія? Не спаяно ли оно и не смѣшано ли съ тѣломъ такъ, что слѣдуетъ его движеніямъ? (24).

Скрывающійся отъ властителя—бѣглецъ. Властвуетъ же за-

Digitized by Google

конъ, и бѣглецъ тотъ, кто нарушаетъ законъ. Но и сокрушающійся, и гнѣвающійся, и боящійся не желаетъ чего-либо происшедшаго, происходящаго или имѣющаго произойти въ силу порядка, установленнаго міроправителемъ, который есть законъ, опредѣляющій каждому причитающееся ему. Поэтому и тотъ бѣглецъ, кто боится, или сокрушается, или гнѣвается (25).

Оплодотворившій утробу матери удаляется; въ дальнѣйшемъ берется за дѣло другая причина и довершаетъ образованіе младенца. Какое было начало и каковъ конецъ! Ребенокъ глотаетъ пищу, а за дальнѣйшее принимается другая причина и создаетъ ощущеніе, стремленіе и вообще жизнь, силу и всѣ остальныя свойства человѣка. А сколько ихъ и каковы они! Вникай же во все происходящее въ такой сокровенности и созерцай дѣйствующую здѣсь силу такъ же, какъ и силу заставляющую тѣла падать внизъ или подыматься вверхъ, не тѣлесными очами, однако съ неменьшей ясностью (26).

Постоянно размышляй о томъ, что все происходящее ничѣмъ не отличается отъ происходившаго ранѣе и имѣющаго произойти въ будущемъ. Пусть предстанутъ передъ твоимъ взоромъ цѣлые періоды жизни и сходныя другъ съ другомъ положенія, которыя извѣстны тебѣ или изъ собственнаго опыта или изъ исторіи болѣе ранняго времени, какъ-то весь дворъ Адріана, весь дворъ Филиппа, Александра, Креза. Ибо повсюду здѣсь одно и то же, только дѣйствующія лица другія (27).

Всякій сокрушающійся и выражающій неудовольствіе по поводу чего-нибудь долженъ напоминать тебѣ поросенка, который бьется и визжитъ при закланіи. Но недалеко отъ него ушелъ и тотъ, кто на своемъ ложѣ въ одиночествѣ оплакиваетъ про себя тяготѣющій надъ нами рокъ. Ты же подумай о томъ, что только

Digitized by Google

разумному существу дана возможность добровольно слѣдовать событіямъ—простое же слѣдованіе необходимо для всѣхъ (28).

Перебирая мысленно всѣ предметы своей дѣятельности, спрашивай себя относительно каждаго въ отдѣльности, не потому ли смерть страшна, что связана съ лишеніемъ его (29).

Если тебя возмущаетъ чье-либо заблужденіе, то, тотчасъ же оглянувшись на себя, пораздумай, въ какомъ сходномъ заблужденіи повиненъ ты самъ, почитая, напримѣръ, благомъ деньги, наслажденіе, суетную славу или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вѣдь, усмотрѣвъ такое заблужденіе, ты скоро забудешь о гнѣвѣ, въ особенности если сообразишь вмѣстѣ съ тѣмъ, что тотъ человѣкъ вынуждается быть такимъ. Что ему остается дѣлать? Если можешь, однако, то освободи его отъ этого принужденія (30).

Подумавъ о Сатиронѣ сократикѣ, представь себѣ Евтиха или Гимена, подумавъ о Евфратѣ—Евтихія или Сильвана, подумавъ объ Алкифронѣ—Тропеофора, подумавъ о Ксенофонтѣ—Критона или Севера, подумавъ о самомъ себѣ—кого-либо изъ Цезарей, и такъ поступай во всемъ[9]. Затѣмъ задайся вопросомъ: „Гдѣ они всѣ?“ Нигдѣ или невѣдомо гдѣ. Ибо такимъ образомъ тебѣ станетъ ясно, что все человѣческое—есть дымъ, ничто; въ особенности если ты вспомнишь, что однажды измѣнившееся уже не возникнетъ вновь въ теченіе безпредѣльнаго времени. Чего же ты добиваешься? Почему тебѣ недостаточно провести достойно свой краткій вѣкъ? Какого матеріала и какихъ условій дѣятельности ты избѣгаешь? Ибо что такое все это, какъ не упражненіе для разума, созерцающаго всю жизнь точнымъ и отвѣчающимъ природѣ вещей взглядомъ? Не отступай же до тѣхъ поръ, пока не освоишься со всѣмъ этимъ, какъ усваиваетъ

Digitized by Google

себѣ все здоровый желудокъ, какъ сильный огонь обращаетъ въ пламя и свѣтъ все брошенное въ него (31).

Пусть никто, утверждающій о тебѣ, что ты человѣкъ не искренній и не хорошій, не говоритъ правды, но пусть ошибается всякій, думающій о тебѣ что-нибудь подобное. Вѣдь все это зависитъ отъ тебя. Кто, въ самомъ дѣлѣ, мѣшаетъ тебѣ быть хорошимъ и искреннимъ человѣкомъ? Только рѣши разъ навсегда не жить, если не быть такимъ. Ибо, если ты не таковъ, то разумъ не удерживаетъ тебя (въ жизни) (32).

Что при данномъ матеріалѣ было бы правильнѣе всего сдѣлать или сказать? Что бы это ни было, это можетъ быть сдѣлано или сказано. И не ссылайся на препятствія.

Ты прекратишь свои стенанія только тогда, когда почувствуешь, что для тебя дѣлать при данномъ и наличномъ матеріалѣ свойственное строю человѣческой природы есть то же самое, что привольная жизнь для приверженцевъ наслажденія, ибо каждая возможность дѣйствовать согласно своей особой природѣ должна почитаться радостью. Но эта возможность имѣется всюду. Ни цилиндру, ни огню, ни водѣ, ни всему остальному, относящемуся къ мертвой и неразумной природѣ, не дана возможность всегда находиться въ свойственномъ имъ движеніи: множество препятствій мѣшаетъ этому. Духъ же и разумъ могутъ, превозмогая всѣ препоны, сохранять направленіе, которое отъ природы свойственно имъ, и которое они желаютъ. И, памятуя о той легкости, съ которой движется, все превозмогая, разумъ, какъ огонь движется вверхъ, камень внизъ, цилиндръ по склону, ты уже не стремись ни къ чему иному. Остальныя же препоны или относятся къ тѣлу, которое тотъ же трупъ, или же (безъ убѣжденія о нихъ и склонности самого разума) не въ силахъ ни подавить тебя, ни причинить какое-либо зло: иначе тотъ, на

Digitized by Google

чьемъ пути онѣ встрѣтились, тотчасъ же сдѣлался бы дурнымъ. Стоитъ только, чтобы съ какимъ-нибудь другимъ созданіемъ приключилось какое-либо зло, какъ, благодаря этому, само претерпѣвающее становится хуже—здѣсь же, если хочешь знать, человѣкъ дѣлается и лучшимъ, и болѣе достойнымъ похвалы, если только онъ надлежащимъ образомъ используетъ обстоятельства. Вообще же помни, что ничто не вредитъ гражданину, что не вредитъ Граду, и ничто не вредитъ Граду, что не вредитъ закону. Но всѣ эти такъ называемыя невзгоды не вредятъ закону, а, не вредя ему, не вредятъ ни Граду, ни гражданину (33).

Человѣку, проникшемуся истинными основоположеніями, даже самое краткое и общеизвѣстное выраженіе можетъ напомнить о состояніи, свободномъ отъ печали и страха:

> Вѣтеръ на землю срываетъ листву . . . . . .
> . . . . . .
> Такъ поколѣнья людей [10].

И порожденіе твое—та же листва. И тѣ люди, которые громко и съ такой увѣренностью прославляютъ тебя, или же, наоборотъ, проклинаютъ, или втайнѣ порицаютъ и поносятъ—листва, равно какъ и тѣ, которые унаслѣдуютъ память о тебѣ. Ибо все это возникаетъ „едва лишь весна возвратится“ [11], затѣмъ вѣтеръ сноситъ это на землю, а потомъ лѣсъ (ὕλη) порождаетъ взамѣнъ прежней новую листву. Но кратковѣчность обща всему. Ты же всего избѣгаешь и ко всему стремишься, точно оно должно длиться вѣчность. Еще немного—и ты смежишь очи, и того, кто похоронитъ тебя, будетъ вскорѣ оплакивать кто-нибудь другой (34).

Здоровый глазъ долженъ видѣть все доступное зрѣнію и не говорить: „У меня пристрастіе къ зеленому цвѣту“, ибо это уже признакъ болѣзни глазъ. Точно также и здоровые слухъ, и обоняніе должны быть готовы воспринять любой звукъ или за-

Digitized by Google

пахъ, а здоровый желудокъ долженъ одинаково относиться ко всякой пищѣ, какъ мельница ко всему, что она предназначена смалывать. Поэтому и душевно здоровый человѣкъ долженъ быть готовъ ко всякаго рода событіямъ. Тотъ же, кто говоритъ: „Мои дѣти должны остаться въ живыхъ, всѣ люди должны хвалить меня, что бы я ни дѣлалъ“, подобенъ глазу, имѣющему пристрастіе къ зеленому цвѣту, или зубамъ, предпочитающимъ мягкую пищу (35).

Никто не бываетъ настолько удачливъ, чтобы его смерть не вызвала въ комъ-либо изъ окружающихъ чувства злой радости. Пусть онъ былъ превосходнымъ и мудрымъ человѣкомъ—все же найдется въ концѣ концовъ кто-нибудь, кто про себя скажетъ: „Наконецъ-то мы можемъ вздохнуть свободно, избавившись отъ этого наставника. Правда, онъ никому изъ насъ не былъ въ тягость, но все же мы чувствовали, что онъ втайнѣ осуждаетъ насъ“. Вотъ что скажутъ о превосходномъ человѣкѣ. Что же касается насъ, то сколько въ насъ другихъ свойствъ, которыя побуждаютъ многихъ желать избавленія отъ насъ? Подумавъ объ этомъ въ смертный часъ, ты съ большею легкостью разстанешься съ жизнью, сказавши себѣ: „Я разстаюсь съ той жизнью, въ которой даже самые близкіе мнѣ люди, для которыхъ я положилъ столько трудовъ, о которыхъ такъ горячо молился и заботился, даже они желаютъ моего устраненія, надѣясь на то, что это, быть-можетъ, принесетъ имъ какое-нибудь облегченіе. Какой же смыслъ кому бы то ни было желать болѣе продолжительнаго пребыванія въ жизни?“ Все это однако не должно побудить тебя относиться къ окружающимъ при разставаніи менѣе благожелательно: оставаясь вѣрнымъ своему характеру, относись къ нимъ дружески, благосклонно, кротко. Съ другой стороны не разставайся съ ними и такъ, точно тебя отрываютъ отъ нихъ, но пусть это твое разставаніе будетъ подобно безболѣзненному отдѣ-

Digitized by Google

ленію души отъ тѣла при хорошей смерти. Вѣдь и съ ними спаяла и связала тебя природа. Теперь же она разлучаетъ насъ. И я разстаюсь съ ними, какъ съ родными, но не упираюсь и не оказываю сопротивленія — ибо и эта разлука одно изъ дѣйствій природы (36).

Пріучай себя при всякомъ, по возможности, дѣйствіи другого человѣка задаваться вопросомъ о цѣли, которую онъ думаетъ достичь имъ. Начни съ самого себя и изслѣдуй прежде всего самого себя (37).

Помни о томъ, что все, руководящее тобою, таится внутри тебя самого. Здѣсь — даръ слова, здѣсь — жизнь, здѣсь, если хочешь знать, человѣкъ. Никогда не отождествляй съ нимъ облекающую его оболочку и тѣ органы, которые на ней образовались. Они подобны плотничьему топору, различаясь только тѣмъ, что даны намъ отъ природы. И будь эти части лишены движущей и сдерживающей ихъ причины, отъ нихъ было бы не больше пользы, чѣмъ отъ веретена для ткача, отъ пера для пишущаго, отъ бича для возницы (38).

Digitized by Google

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Свойства разумной души: она созерцаетъ самое себя, расчленяетъ себя, дѣлаетъ себя такой, какой желаетъ, сама пользуется приносимымъ ею плодомъ (въ то время какъ плодами растеній и порожденіями животныхъ пользуются другіе), достигаетъ свойственной ей цѣли, когда бы ни былъ положенъ предѣлъ жизни. При пляскѣ, сценическомъ представленіи и тому подобномъ, всякая помѣха лишаетъ законченности всю дѣятельность. Не такъ здѣсь: въ какой бы части и въ какомъ бы мѣстѣ ни была прервана дѣятельность разумной души, она исполняетъ свое предназначеніе полностью и безъ нехватокъ, такъ что можетъ сказать: „Я взяла свое“. Разумная душа облетаетъ, далѣе, весь міръ и окружающую его пустоту, изслѣдуетъ его форму, проникаетъ въ безпредѣльную вѣчность, постигаетъ періодическое возрожденіе Цѣлаго и понимаетъ, и сознаетъ, что наши потомки не увидятъ ничего новаго, какъ и наши предки не видѣли ничего сверхъ того, что видимъ мы, но что человѣкъ, достигшій сорока лѣтъ, если онъ обладаетъ хоть какимъ-нибудь разумомъ, въ силу общаго единообразія нѣкоторымъ образомъ уже видѣлъ все прошедшее и все имѣющее быть. Разумной душѣ свойственны также и любовь къ ближнимъ, и истина, и скромность; она ничего не ставитъ выше себя, что свойственно и закону. Такимъ образомъ нѣтъ никакой разницы между правымъ разумомъ и разумомъ справедливости (1).

Digitized by Google

Ты будешь относиться съ презрѣніемъ къ веселой пѣснѣ, къ танцамъ, ко всѣмъ видамъ борьбы, если раздѣлишь всю мелодію на отдѣльные звуки и относительно каждаго задашь себѣ вопросъ: „Не передъ нимъ ли я не могу устоять?“ Вѣдь ты постыдишься же отвѣтить утвердительно. Поступай соотвѣтственно этому съ танцами, относительно отдѣльныхъ движеній и положеній, равно какъ и съ борьбой во всѣхъ ея видахъ. Помни же, что во всемъ, за исключеніемъ добродѣтели и ея дѣйствій, слѣдуетъ тотчасъ же переходить къ разсмотрѣнію частей и изъ ихъ расчлененія черпать презрѣніе къ цѣлому. Примѣни то же самое и ко всей жизни (2).

Душѣ, готовой ко всему, не трудно будетъ, если понадобится, разстаться съ тѣломъ, все равно ждетъ ли ее угашеніе, разсѣяніе или новая жизнь. Но эта готовность должна корениться въ собственномъ сужденіи, проявляя себя не слѣпымъ упорствомъ, какъ у Христіанъ, а разсудительностью, серьезностью и отсутствіемъ рисовки: только тогда она убѣдительна и для другихъ (3).

Я сдѣлалъ что-нибудь для общаго блага? Слѣдовательно я принесъ пользу самому себѣ. Никогда не разставайся съ этой мыслью и не отказывайся отъ нея ни въ какомъ положеніи (4).

Въ чемъ твое искусство? Въ томъ, чтобы быть хорошимъ. Но развѣ достигнешь ты въ немъ совершенства иначе, нежели съ помощью познанія какъ о природѣ Цѣлаго, такъ и объ особомъ строѣ человѣка? (5).

Первоначально трагедіи должны были напоминать зрителямъ о томъ, что извѣстныя событія по природѣ происходятъ извѣстнымъ образомъ, и о томъ, что развлекающее ихъ на сценѣ не должно быть тягостнымъ для нихъ и на большей сценѣ—въ

Digitized by Google

жизни. Ибо зрители воочію убѣждаются, что извѣстныя событія должны совершаться именно такимъ образомъ, и что приходится мириться съ ними и тѣмъ, которые восклицаютъ: „О Китеронъ!“[1]. Авторы этихъ трагедій говорятъ подчасъ нѣчто дѣльное. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить:

Хотя-бъ меня съ двумя дѣтьми забыли вы,
Цари небесъ,—все-жъ разумъ есть и правда въ томъ.

И далѣе:

Что пользы гнѣваться на вещи?

И—

Нельзя, чтобъ въ день свой не пожата жизнь была,
Какъ спѣлый колосъ.

И другое въ томъ же родѣ. Послѣ трагедіи появилась древняя комедія, нравоучительно откровенная, и самой рѣзкостью своей полезная для обличенія тщеславія. Для этой цѣли и Діогенъ кое-что заимствовалъ изъ нея. Подумай же теперь, въ чемъ существо появившейся затѣмъ средней комедіи, и для чего, наконецъ, была введена новая, перешедшая, мало-по-малу, въ мимическое искусство. Никто не станетъ отрицать, что и здѣсь можно найти кое-что полезное. Но какую цѣль преслѣдуетъ все это направленіе поэтическаго и драматическаго творчества? (6).

Насколько же очевидно, что нѣтъ условій жизни, болѣе благопріятныхъ для философствованія, нежели тѣ, въ которыхъ ты теперь находишься! (7).

Вѣтвь, отсѣченная отъ другой вѣтви, не можетъ не оказаться отсѣченной и отъ всего ствола. Точно также и человѣкъ, порвавшій съ однимъ человѣкомъ, отторгаетъ себя отъ всего общества. Но вѣтвь не сама себя отсѣкаетъ, человѣкъ же самъ отдаляется отъ своего ближняго, возненавидѣвъ и чуждаясь его, и не сознаетъ, что тѣмъ самымъ отсѣкаетъ себя и отъ всей гражданской

Digitized by Google

общины. Правда, Зевсъ—зиждитель общественности — даровалъ намъ способность вновь сойтись съ тѣми, кто намъ близокъ, и вновь занять свое мѣсто въ качествѣ членовъ цѣлаго. Однако, если это отдѣленіе повторяется, то отдѣлившееся дѣлается все болѣе неспособнымъ къ объединенію и возстановленію въ прежнее положеніе. И вообще между вѣтвью, съ самаго своего произрастанія жившей одной неразрывной жизнью со всѣмъ растеніемъ, и той, которая была отсѣчена, а потомъ привита вновь—есть существенная разница, что бы ни говорили садовники: послѣдняя срастается, правда, но не до полной неотличимости [2] (8).

Люди, препятствующіе тебѣ итти путемъ, согласнымъ съ правымъ разумомъ, не смогутъ отвратить тебя отъ правильныхъ поступковъ; точно также они не должны лишать тебя благожелательности къ нимъ самимъ. Слѣди за собой одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи: не только за обоснованностью сужденій и дѣйствій, но и за кротостью въ отношеніи къ тѣмъ, которые стараются помѣшать тебѣ или раздосадовать какъ-либо иначе. Вѣдь гнѣвъ на нихъ не менѣе обличаетъ безсиліе, нежели отказъ отъ дѣйствія или уступка подъ вліяніемъ страха. И то, и другое—измѣна своему назначенію: у одного эта измѣна выражается въ страхѣ, у другого въ отчужденности отъ того, кто по природѣ родной ему и другъ (9).

Ни одна природа не уступаетъ искусству, ибо искусства только подражаютъ той или иной природѣ. Если такъ, то природа, наиболѣе совершенная и объемлющая всѣ другія, не можетъ быть превзойдена хотя бы самымъ изощреннымъ искусствомъ. Но всѣ искусства созидаютъ менѣе совершенное ради болѣе совершеннаго; слѣдовательно такъ же поступаетъ и общая природа. Здѣсь беретъ начало и справедливость, которая порождаетъ и прочія добродѣтели. Ибо справедливое не будетъ соблюдено, если мы

Digitized by Google

будемъ стремиться къ вещамъ безразличнымъ или легко даваться въ обманъ, или же будемъ судить опрометчиво и легкомысленно (10).

Предметы, преслѣдуя и избѣгая которые, ты лишаешься мира душевнаго, не приступаютъ къ тебѣ, но ты нѣкоторымъ образомъ самъ приступаешь къ нимъ. Пусть смолкнетъ твое сужденіе о нихъ—и они лежатъ недвижимо; а тебя никто не увидитъ ни преслѣдующимъ, ни бѣгущимъ (11).

Душа сохраняетъ свойственную ей шарообразную форму, когда не тянется за чѣмъ-либо внѣшнимъ и не стягивается во-внутрь, не удлиняется и не осѣдаетъ внизъ, но излучаетъ свѣтъ, въ которомъ она зритъ истину, какъ всѣхъ вещей, такъ и таящуюся въ ней самой (12).

Меня кто-нибудь станетъ презирать? Это его дѣло. Мое же дѣло—не оказаться достойнымъ презрѣнія вслѣдствіе какого-нибудь поступка или слова. Онъ будетъ ненавидѣть меня? Опять-таки его дѣло. Я все же буду хранить благожелательность и благосклонность ко всему и всегда буду готовъ даже ему самому указать на заблужденіе, безъ издѣвательства и не изъ желанія выставить на показъ свое терпѣніе, а изъ искренняго желанія добра, какъ это дѣлалъ Фокіонъ [8], если только онъ не лицемѣрилъ. Такимъ должно быть внутреннее настроеніе, и боги должны видѣть въ тебѣ человѣка ни на что не досадующаго и не злобствующаго. Ибо что могло бы быть зломъ для тебя, если ты дѣлаешь свойственное твоей природѣ и пріемлешь то, что благовременно для природы Цѣлаго, какъ одушевленный только однимъ желаніемъ—чтобы такъ или иначе осуществилось общеполезное (13).

Презирающіе другъ друга, другъ другу угождаютъ, а желающіе превзойти другъ друга, пресмыкаются другъ передъ другомъ (14).

Digitized by Google

До какой низости и лицемѣрія нужно дойти, чтобы сказать: „Я намѣренъ быть искреннимъ въ отношеніяхъ съ тобой". Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Не слѣдуетъ предупреждать объ этомъ— это выяснится само собой: содержаніе твоихъ словъ должно быть запечатлѣно на твоемъ челѣ. Ты таковъ—и тотчасъ же твой взоръ выдастъ это, какъ возлюбленный тотчасъ же читаетъ все въ глазахъ любящаго. Вообще человѣкъ искренній и хорошій долженъ быть подобенъ потливому, чтобы ставшій рядомъ съ нимъ волей-неволей почувствовалъ его, лишь только къ нему приблизится. Искренность же, выставляемая на показъ, опаснѣе кинжала. Нѣтъ ничего омерзительнѣе волчьей дружбы. Избѣгай ее болѣе всего. Человѣка хорошаго, благожелательнаго и искренняго — узнаешь по глазамъ; этихъ свойствъ не скроешь (15).

Душа обладаетъ способностью устроить жизнь наиболѣе совершеннымъ образомъ, если только человѣкъ будетъ безразлично относиться къ вещамъ безразличнымъ. Безразлично же будетъ относиться тотъ, кто каждую изъ этихъ вещей разсматриваетъ въ расчлененіи, а не въ цѣлостномъ видѣ, и помнитъ, что ни одна изъ нихъ не навязываетъ намъ убѣжденія о себѣ и не приступаетъ къ намъ, но что онѣ недвижимы, составляемъ же сужденіе о нихъ мы сами, какъ бы записывая въ самихъ себя, хотя можемъ и не записывать, можемъ и стереть тотчасъ же запись, если она занесена безъ нашего вѣдома; кто помнитъ также и о томъ, что такого рода вниманіе потребуется лишь на недолгое время, и что жизнь близится къ концу. Но что однако труднаго во всемъ этомъ?[4]. Если это согласно съ природой — находи въ немъ радость и не тяготись имъ, если же противно природѣ, ищи того, что согласно съ твоей природою, и спѣши къ нему, хотя бы оно и не обѣщало славы. Ибо всякому должно быть дозволено искать свое благо (16).

Digitized by Google

Ты долженъ знать, гдѣ беретъ начало каждая вещь [5], изъ чего она состоитъ, во что измѣняется, какой она будетъ по измѣненіи, и почему она не претерпитъ при всемъ этомъ никакого зла (17).

Слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ, во-первыхъ, въ томъ, каково твое отношеніе къ людямъ, и въ томъ, что люди рождены другъ для друга, ты же, сверхъ того, поставленъ надъ людьми, какъ баранъ надъ стадомъ овецъ или быкъ надъ стадомъ коровъ. Обоснуй это глубже, начавъ съ положенія: „Если не атомы, то вседержительница—природа". Но если такъ, то менѣе совершенныя существа существуютъ ради болѣе совершенныхъ, болѣе же совершенныя другъ для друга.

Во-вторыхъ,—въ томъ, каковы люди за столомъ, на ложѣ и т. д., въ особенности же какую власть имѣютъ надъ ними ихъ основоположенія, и съ какимъ самомнѣніемъ они дѣлаютъ свое дѣло.

Въ-третьихъ,—въ томъ, что если въ данномъ случаѣ люди поступаютъ правильно, то не слѣдуетъ сердиться на нихъ, если же неправильно, то, очевидно, противъ воли и по невѣдѣнію. Вѣдь всякая душа противъ воли лишается какъ истины, такъ и отношенія къ другому человѣку, сообразнаго его достоинству. Вѣдь людямъ же очень не нравится слыть несправедливыми, неблагодарными, жадными и, однимъ словомъ, заблуждающимися по отношенію къ ближнимъ.

Въ-четвертыхъ,—въ томъ, что ты и самъ во многомъ заблуждаешься и подобенъ имъ; если же и не впалъ въ какія-нибудь заблужденія, то не чуждъ порождающимъ ихъ склонностямъ. Такъ, если отъ подобныхъ заблужденій удержали тебя трусость, честолюбіе или какое-нибудь другое дурное побужденіе.

Въ-пятыхъ,—въ томъ, что ты даже не увѣренъ, заблуждаются ли они. Вѣдь чужая душа—потемки [6]. И вообще многому слѣдуетъ поучиться, прежде чѣмъ съ увѣренностью высказываться [7] о чужихъ поступкахъ.

Digitized by Google

Въ-шестыхъ,—въ томъ, что предаваться чрезмѣрной досадѣ или негодованію значитъ забыть о мимолетности человѣческой жизни и о предстоящей всѣмъ скорой смерти.

Въ-седьмыхъ,—въ томъ, что не поступки людей въ тягость намъ,—ихъ настоящее мѣсто въ руководящемъ началѣ этихъ людей—а наши убѣжденія. Устрани же убѣжденія, пожелай освободиться отъ сужденія объ этихъ поступкахъ, какъ о чемъ-то ужасномъ—и гнѣва какъ не бывало. Но какъ устранить ихъ? Размышляя о томъ, что для тебя нѣтъ ничего постыднаго въ этихъ поступкахъ. Ибо, если ты будешь считать зломъ не только постыдное, то и тебѣ не избѣжать многихъ заблужденій и стать разбойникомъ или еще чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Въ-восьмыхъ,—въ томъ, насколько послѣдствія гнѣва и огорченія по поводу чего-либо болѣе тягостны, нежели то, что вызываетъ гнѣвъ и огорченіе.

Въ-девятыхъ,—въ томъ, что благожелательность, если она искренняя, а не напускная, есть нѣчто неодолимое. Что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаетъ тебѣ самый разнузданный насильникъ, если ты останешься неизмѣнно благожелательнымъ къ нему и, при представившемся случаѣ, будешь кротко вразумлять его, а въ тотъ самый моментъ, когда онъ собирается сдѣлать тебѣ зло, ты, сохраняя спокойствіе, обратишься къ нему: „Не нужно, сынъ мой: мы рождены для другого. Я-то не потерплю вреда, но ты потерпишь“. Далѣе, слѣдуетъ толково и въ общемъ видѣ показать ему, что это дѣйствительно такъ, и что ни пчелы, ни животныя, рожденныя для стадной жизни, не поступаютъ такимъ образомъ. Но это нужно сдѣлать безъ насмѣшки и издѣвательства, а любвеобильно, безъ затаенной обиды, не принимая учительскаго тона и не стремясь удивить присутствующихъ, но или съ глазу на глазъ, или, если присутствуютъ посторонніе...

Помни объ этихъ девяти правилахъ, какъ бы получивъ ихъ въ даръ отъ музъ. И пока еще живъ, стань, наконецъ, человѣ-

Digitized by Google

комъ! Слѣдуетъ въ равной степени избѣгать, какъ гнѣва, такъ и лести въ отношеніяхъ къ людямъ: и то, и другое противно общественности и приноситъ вредъ. Въ приступѣ гнѣва никогда не забывай, что ярость не свидѣтельствуетъ о мужествѣ, а, наоборотъ, кротость и мягкость и болѣе человѣчны, и болѣе достойны мужа; и сила, и выдержка, и смѣлость на сторонѣ такого человѣка, а не на сторонѣ досадующаго и ропчущаго. Чѣмъ ближе къ безстрастію, тѣмъ ближе и къ силѣ. Какъ огорченіе, такъ и гнѣвъ обличаютъ безсиліе. И огорчающійся, и гнѣвающійся — ранены и выбыли изъ строя. Если хочешь, то прими и десятый даръ отъ самого Музагета. Требованіе, чтобы дурные люди не заблуждались—безумно, ибо означаетъ стремленіе къ невозможному. Соглашаться же съ тѣмъ, чтобы они были таковыми по отношенію къ другимъ, и въ то же время требовать, чтобы они не заблуждались по отношенію къ тебѣ—нелѣпо и достойно тирана (18).

Слѣдуетъ болѣе всего беречься четырехъ извращеній руководящаго начала и пресѣкать ихъ, лишь только ихъ замѣтишь, обращаясь къ себѣ въ каждомъ случаѣ такъ: „Это представленіе не необходимо, это—подрываетъ устои общества, эти слова были бы нечистосердечны, а говорить не отъ чистаго сердца должно быть противно твоему смыслу“. Четвертое же увѣщаніе—это то, когда ты обращаешься къ себѣ съ такимъ упрекомъ: „Это твое состояніе означаетъ пораженіе и сдачу болѣе божественной твоей части, не устоявшей противъ менѣе цѣнной и смертной части, противъ тѣла и его грубыхъ наслажденій“ (19).

Жизненная сила въ тебѣ и все огневидное, входящее въ смѣшеніе, хотя и стремятся по своей природѣ вверхъ, однако, подчиняясь распорядку Цѣлаго, удерживаются въ твоемъ составѣ. Все же, обладающее свойствами земли и влажное, хотя и стремится внизъ, однако не падаетъ, а занимаетъ несвойственное ему

Digitized by Google

по природѣ положеніе. Такимъ образомъ и элементы подчиняются Цѣлому, оставаясь, даже вопреки себѣ, тамъ, гдѣ имъ указано, до тѣхъ поръ, пока оттуда же не будетъ дано знака къ разложенію. Не ужасно ли послѣ этого, что только твоя разумная часть не повинуется и досадуетъ на занимаемое ею мѣсто, хотя ей и не предписывается ничего противорѣчащаго ей, а только согласное съ ея природой; она же не желаетъ ни съ чѣмъ считаться и стремится къ противоположному. Ибо всякое уклоненіе въ сторону несправедливости, излишествъ, гнѣва, огорченія, страха есть не что иное, какъ измѣна природѣ. Но руководящее начало оставляетъ свой постъ и тогда, когда выражаетъ недовольство по поводу чего-либо происходящаго. Ибо оно не менѣе предназначено къ благочестію и богопочитанію, нежели къ справедливости. Вѣдь и эти добродѣтели входятъ въ понятіе общественности; болѣе того, онѣ даже старше справедливости (20).

Кто не имѣетъ единой и неизмѣнной цѣли жизни, тотъ не можетъ оставаться единымъ и неизмѣннымъ въ теченіе всей жизни. Но сказаннаго еще недостаточно, если не прибавить, какова должна быть эта цѣль. Вѣдь какъ убѣжденіе одинаково не относительно всѣхъ какихъ бы то ни было благъ, признаваемыхъ большинствомъ, но лишь относительно нѣкоторыхъ, имѣющихъ общее значеніе, такъ и цѣль должна быть установлена общественная и гражданственная. Кто сообразуетъ съ этой цѣлью всѣ свои личныя стремленія, тотъ во всемъ будетъ поступать одинаково и такимъ образомъ останется вѣрнымъ себѣ (21).

Подумай о мыши полевой и домашней, объ ея испугѣ и бѣготнѣ (22).

Сократъ называлъ мнѣнія большинства людей Ламіями—пугаломъ для дѣтей[8] (23).

Digitized by Google

Лакедемоняне во время представленій устраивали чужестранцамъ сидѣнія въ тѣни, сами же садились, гдѣ попало (24).

Сократъ на вопросъ Пердикка, почему онъ не ѣдетъ къ нему, отвѣтилъ: „Чтобы не погибнуть самымъ постыднымъ образомъ", т.-е., воспользовавшись одолженіемъ, не имѣть возможности отплатить тѣмъ же [9] (25).

Въ писаніяхъ Ефесцевъ [10] рекомендуется постоянно вспоминать о комъ-либо изъ древнихъ, отличавшихся добродѣтелью (26).

Пиѳагорейцы совѣтовали бросать по утрамъ взглядъ на небо, чтобы вспомнить о томъ, что всегда исполняетъ свое дѣло, оставаясь вѣрнымъ своему пути и образу дѣйствій, и о порядкѣ, чистотѣ и обнаженіи. Ибо свѣтила не знаютъ покрововъ (27).

Подумай о Сократѣ, набросившемъ на себя овчину, когда Ксантиппа ушла изъ дома, захвативъ его одежду, и о его отвѣтѣ друзьямъ, не знавшимъ куда дѣваться отъ стыда, когда увидѣли его одѣтымъ такимъ образомъ [11] (28).

Ты не станешь учить письму и чтенію, прежде чѣмъ не научишься самъ. Тѣмъ паче—жизни (29).

Рабомъ рожденъ ты: части нѣтъ тебѣ въ рѣчахъ [12] (30)

Во мнѣ засмѣялося сердце [13] (31).

Станетъ безстыдной хулой поносить суесловъ добродѣтель [14] (32).

Безумно искать смоквъ зимой. Но безумецъ и тотъ, кто тоскуетъ о ребенкѣ, котораго уже нѣтъ (33).

Digitized by Google

„Лаская своего ребенка", говорилъ Епиктетъ, „слѣдуетъ сказать самому себѣ: Быть можетъ завтра онъ умретъ". — „Но вѣдь это—накликаніе бѣды". — „Ничего подобнаго", отвѣчалъ онъ, „это обозначеніе одного изъ дѣйствій природы. Иначе и слова: „Колосья пожинаются" также являлись бы накликаніемъ бѣды" [15] (34).

Виноградъ зеленый, зрѣлый, выжатый—все это переходъ не въ то, чего вообще нѣтъ, а въ то, чего теперь нѣтъ [16] (35).

Изреченіе Епиктета: „Нѣтъ насилія, которое могло бы лишить насъ свободы выбора" [17] (36).

„Нужно", говоритъ онъ, „установить правила, опредѣляющія, когда слѣдуетъ давать свое согласіе. Что касается стремленій, то необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы они не были безусловны, были направлены на общее благо, и сообразовались бы съ достоинствомъ. Отъ влеченій же слѣдуетъ вообще воздерживаться, но не отвращаться ни отъ чего, что не въ нашей власти" [18] (37).

„Споръ идетъ", говоритъ Епиктетъ, „не о пустякахъ, а о томъ, быть ли безумнымъ или нѣтъ" [19] (38).

„Что вы предпочитаете", спросилъ Сократъ, „имѣть ли души разумныхъ существъ или неразумныхъ?" — „Разумныхъ". — „Но испорченныхъ или неиспорченныхъ?" — „Неиспорченныхъ". — „Почему же вы не стремитесь къ нимъ?" — „Мы обладаемъ ими". — „Почему же вы тогда спорите и препираетесь?" [20] (39).

Digitized by Google

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

Все то, чего ты желаешь достичь окольными путями, ты можешь имѣть уже теперь, если только будешь доброжелательно относиться къ самому себѣ. А именно, если ты оставишь прошлое, будущее предоставишь промыслу, самъ же исключительно займешься настоящимъ, сообразуя его съ благочестіемъ и справедливостью. Съ благочестіемъ для того, чтобы любить свой удѣлъ ибо природа приноровила его къ тебѣ и тебя къ нему. Со справедливостью—чтобы свободно и безъ увертокъ говорить истину и поступать всегда согласно закону и считаясь съ достоинствомъ, и чтобы не служили для тебя препятствіемъ ни чужой порокъ, ни убѣжденія, ни пересуды, ни ощущенія облекающаго тебя тѣла: пусть разбирается въ нихъ тѣло, испытывающее ихъ. Итакъ, если ты, уже приблизившись къ концу, оставишь все, будешь чтить лишь свое руководящее начало и божественное въ тебѣ, будешь бояться не того, что когда-нибудь жизнь прекратится, а того, что никогда не начнется жизнь согласная съ природой, то станешь человѣкомъ достойнымъ произведшаго тебя міра, перестанешь быть пришельцемъ въ своемъ отечествѣ, не будешь дивиться каждодневно происходящему, какъ чему-то нежданному, и находиться въ зависимости то отъ того, то отъ другого (1).

Богъ зритъ руководящее начало каждаго изъ насъ въ обнаженіи отъ матеріальной оболочки, коры, наростовъ. Ибо Богъ со-

Digitized by Google

прикасается лишь съ тѣмъ, что проистекло и изошло отъ него въ руководящее начало, и притомъ лишь своимъ разумомъ. Если бы ты пріучилъ себя поступать такъ же, то избавилъ бы себя отъ многихъ хлопотъ. Развѣ не богатъ досугомъ тотъ, кто не обращаетъ вниманія на облекающую плоть, а тѣмъ паче уже не смотритъ на платье, жилище, славу и имъ подобные покровы и прикрасы? (2).

Ты состоишь изъ трехъ частей: тѣла, жизненной силы и духа. Изъ нихъ первыя двѣ твои постольку, поскольку тебѣ приходится заботиться о нихъ, и только третья дѣйствительно принадлежитъ тебѣ. Если ты отстранишь отъ себя, то-есть отъ своего духа, все то, что дѣлаютъ и говорятъ другіе, или что дѣлалъ и говорилъ ты самъ, все, что тревожитъ тебя, какъ имѣющее быть, что не зависитъ отъ твоего выбора, относясь къ облекающему тебя тѣлу или прирожденной ему жизненной силѣ, все, что внѣ тебя увлекаетъ за собой кругомъ обтекающій вихрь, и такимъ образомъ твой духъ, изъятый изъ среды, съ которой сопрягла его судьба, будетъ чистъ и свободенъ устроить жизнь по своему, творя справедливое, пріемля происходящее и говоря истину; если, говорю я, ты отдалишь отъ руководящаго начала приставшее къ нему отъ напора страстей и относящееся къ прошедшему или будущему, будешь походить на Емпедокловъ

Шаръ всюду равный себѣ, одиночествомъ радостнымъ гордый [1],

будешь думать только о той жизни, которой ты живешь, т.-е. о настоящемъ—то сможешь остатокъ своей жизни провести безмятежно, благородно и въ дружескомъ общеніи со своимъ геніемъ (3).

Я часто дивился тому, что каждый, любя себя больше другихъ, въ то же время своему убѣжденію о себѣ придаетъ мень-

Digitized by Google

шее значеніе, нежели убѣжденію другихъ. Если бы поэтому представшій богъ или преисполненный мудрости учитель повелѣлъ кому-нибудь не думать и не размышлять про себя ни о чемъ, о чемъ онъ не объявилъ бы тутъ же во всеуслышаніе, то никто не выдержалъ бы и одного дня. Такимъ образомъ мы болѣе стѣсняемся своихъ ближнихъ,—что-то они подумаютъ о насъ,—нежели самихъ себя (4).

Какъ это такъ случилось, что боги, устроившіе все такъ прекрасно и съ такой любовью къ людямъ, просмотрѣли только ту несообразность, что люди вполнѣ достойные, какъ бы заключившіе союзъ съ божественнымъ началомъ, и, благодаря своимъ благочестивымъ дѣяніямъ и святости жизни, крѣпко сдружившіеся съ нимъ, послѣ своей смерти не возрождаются къ новой жизни, а угасаютъ навсегда? Если даже это и такъ, то все же будь увѣренъ, что если бы долженъ былъ имѣть мѣсто другой порядокъ, то они бы его и установили. Вѣдь если бы онъ былъ справедливъ, то былъ бы и возможенъ, и если бы онъ былъ согласенъ съ природой, то природа и произвела бы его. Изъ того же, что онъ не имѣетъ мѣста (если только его дѣйствительно нѣтъ), ты можешь съ увѣренностью заключить, что онъ и не долженъ былъ осуществиться. Вѣдь ты и самъ замѣчаешь, что, подымая такіе вопросы, ты обращаешься къ справедливости боговъ; но ты не могъ бы обращаться къ нимъ такимъ образомъ, если бы они не были наилучшими и въ высшей степени справедливыми. Но въ такомъ случаѣ они не могли, въ разрѣзъ съ разумомъ и справедливостью, отнестись съ небреженіемъ къ какому-либо недосмотру въ міропорядкѣ (5).

Пріучай себя и къ тому, что тебѣ кажется невыполнимымъ. Вѣдь лѣвая рука, вообще говоря, болѣе слабая, нежели правая, повода держитъ сильнѣе, ибо къ этому она пріучена (6).

Digitized by Google

Подумай о томъ, въ какомъ состояніи будутъ твои тѣло и душа, когда тебя настигнетъ смерть, о краткости жизни, о зіяющей безднѣ вѣчности за тобой и предъ тобой, о безсиліи всего матеріальнаго (7).

Разсматривай причинныя начала вещей въ обнаженіи отъ всякихъ наростовъ, въ поступкахъ же—ихъ цѣли. Подумай о томъ, что такое страданіе, что—наслажденіе, что—смерть, что—слава, о томъ, что всякій является самъ причиной своихъ треволненій, что одинъ человѣкъ не можетъ воспрепятствовать другому, что все основано на убѣжденіи (8).

Пользуясь основоположеніями, ты долженъ уподобляться кулачному бойцу, а не гладіатору. Вѣдь стоитъ только послѣднему лишиться меча, которымъ онъ сражается, и конецъ ему, тогда какъ у перваго руки всегда при себѣ, и ему нужно только сжать ихъ въ кулакъ (9).

Слѣдуетъ разобраться въ свойствахъ самихъ вещей, различая въ нихъ матерію, причинное начало и цѣль (10).

Какъ велика власть человѣка: онъ можетъ не дѣлать ничего, кромѣ того, что должно заслужить похвалу бога, и привѣтствовать все, что богъ ниспошлетъ ему. Вѣдь все это согласно съ природой [2] (11).

Не слѣдуетъ дѣлать упрековъ ни богамъ, ибо они ни въ чемъ не заблуждаются ни добровольно, ни противъ воли, ни людямъ, ибо они заблуждаются противъ воли. Слѣдовательно, никому не нужно дѣлать упрековъ (12).

Какъ смѣшонъ и невѣжественъ тотъ, кто дивится чему-либо изъ происходящаго въ жизни! (13).

Digitized by Google

Или роковая необходимость и непреложный порядокъ, или благостный промыселъ, или же безпорядочная, никому не подвластная, сумятица. Если непреложная необходимость, то чего же ты упираешься? Если промыселъ, доступный мольбамъ, то сдѣлай себя достойнымъ божественной помощи. Если же никѣмъ не руководимая сумятица, то будь доволенъ уже тѣмъ, что среди этого вихря ты самъ обладаешь въ себѣ нѣкоторымъ руководящимъ началомъ духа. И если даже вихрь увлечетъ тебя—то пусть онъ увлекаетъ тѣло, жизненную силу и прочее, ибо разума онъ не увлечетъ (14).

Свѣтъ лампады ярокъ и не теряетъ своего блеска, пока не будетъ погашенъ. А истина, справедливость и благоразуміе въ тебѣ должны угаснуть до твоей смерти? (15).

Если кто-нибудь вызываетъ въ тебѣ представленіе о заблужденіи, въ которое онъ впалъ, то скажи себѣ: „Откуда я знаю, что это заблужденіе? Или, если это и есть заблужденіе, то не наказалъ ли онъ уже самъ себя, уподобившись тому, кто вырвалъ себѣ глаза?“

Не желающій, чтобы дурные люди заблуждались, подобенъ тому, кто не желаетъ, чтобы плоды смоковницы получали сокъ изъ нея, чтобы малыя дѣти плакали, конь ржалъ, чтобы совершалось вообще все необходимое. Что дѣлать человѣку такого склада? Если у тебя хватитъ смѣлости, то попытайся исцѣлить его (16).

Если это не приличествуетъ, не дѣлай этого, если ложь, не говори. Твое стремленіе должно всегда быть направлено на то, чтобы усмотрѣть, каково само по себѣ то, что возбуждаетъ представленіе въ тебѣ, и изслѣдовать его, различая въ немъ начало причинное и начало матеріальное, цѣль и время, предѣлами котораго оно ограничено (17).

Digitized by Google

Пойми же, наконецъ, что въ себѣ самомъ ты имѣешь нѣчто болѣе совершенное и божественное, нежели то, что вызываетъ страсть, или вообще, что влечетъ къ себѣ. Что теперь заполняетъ мою душу? Не страхъ ли, или подозрѣніе, или вожделѣніе, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ? (18).

Во-первыхъ, не слѣдуетъ поступать зря и безъ цѣли. Во-вторыхъ, слѣдуетъ сообразоваться только съ одной цѣлью, общимъ благомъ, и ни съ чѣмъ другимъ (19).

Еще немного времени и ты исчезнешь, равно какъ и все то, что ты видишь, и всѣ тѣ, кто живетъ сейчасъ. Ибо все подлежитъ измѣненію, превращенію и исчезновенію—дабы, вслѣдъ за нимъ, возникло другое (20).

Все основано на убѣжденіи; оно же зависитъ отъ тебя. Устрани, поэтому, когда пожелаешь, убѣжденіе, и, какъ морякъ, обогнувшій скалы, обрѣтешь спокойствіе, гладь и тихую пристань (21).

Любая отдѣльная дѣятельность, прекратившаяся въ урочное время, не терпитъ зла отъ самаго прекращенія, да и тотъ, кто былъ занятъ ею, не терпитъ зла отъ ея прекращенія. Точно также и совокупность дѣятельностей—именуемая жизнью,—если прекратится въ урочное время, не потерпитъ зла отъ самаго прекращенія, да и тотъ, кто во время положитъ конецъ этому ряду, не испытываетъ зла. Время же и срокъ указываетъ природа, иногда природа каждаго въ отдѣльности, какъ въ старости, во всѣхъ же случаяхъ безъ исключенія природа Цѣлаго, измѣненіе частей которой поддерживаетъ весь міръ въ вѣчной юности и расцвѣтѣ. Все же полезное Цѣлому всегда прекрасно и благовременно. Итакъ, прекращеніе жизни ни для кого не есть зло, не будучи постыднымъ, если оно не зависитъ отъ нашего выбора и не идетъ

Digitized by Google

вразрѣзъ съ требованіями общественности; но оно есть благо, если оно благовременно для Цѣлаго, полезно ему и въ своемъ движеніи съ нимъ согласуется. Поэтому и сподвижникъ божій тотъ, кого богъ движетъ по своимъ путямъ, а его собственное разумѣніе—къ божескимъ цѣлямъ [3] (22).

Всегда слѣдуетъ имѣть подъ рукой слѣдующія три положенія. Относительно своихъ дѣйствій помни, что ты не долженъ поступать ни зря, ни иначе, нежели поступила бы сама справедливость, относительно же совершающагося внѣ тебя, — что оно обязано своимъ существованіемъ или случаю, или промыслу. Но не слѣдуетъ ни жаловаться на случай, ни роптать на промыселъ. Во-вторыхъ, наблюдай за ростомъ каждаго существа отъ зародыша—до одушевленія, и отъ одушевленія — до разставанія съ душой, и отдай себѣ отчетъ, изъ чего оно слагается и во что разлагается. Въ-третьихъ, знай, что если бы ты, внезапно поднявшись вверхъ надъ землей, бросилъ бы взглядъ на человѣческія дѣла и на многоизмѣнчивый ходъ ихъ, то преисполнился бы презрѣнія къ нимъ, имѣя въ то же время возможность созерцать столько существъ, обитающихъ окрестъ, въ воздухѣ и эѳирѣ, и что, сколько бы разъ ты не подымался такимъ образомъ, ты всегда увидишь одно и то же, единообразное и кратковѣчное. И этимъ-то мы гордимся! (23).

Отбрось убѣжденіе и ты спасенъ. Но кто можетъ помѣшать тебѣ его отбросить? (24).

Если ты негодуешь по поводу чего-либо, то ты забылъ о томъ, что все совершается согласно съ природой Цѣлаго, о томъ, что заблужденіе другого не касается тебя, о томъ также, что все совершалось всегда такимъ образомъ, будетъ совершаться и нынѣ совершается повсюду, и о томъ, въ какомъ родствѣ отдѣльный

Digitized by Google

человѣкъ со всѣмъ родомъ человѣческимъ, не по крови и общему происхожденію, а по духу. Ты забылъ также о томъ, что духъ каждаго есть богъ и отъ него исходитъ, о томъ, что ничто не принадлежитъ никому неотъемлемо, но и его ребенокъ, и его тѣло, и самая душа его достались ему изъ того же источника, о томъ, что все основано на убѣжденіи, и что каждый живетъ исключительно настоящимъ и лишь его можетъ лишиться (25).

Постоянно вспоминай о тѣхъ, которые предавалась чрезмѣрному негодованію по какому-нибудь поводу, или превзошли всѣхъ въ славѣ, удачѣ, враждѣ, или были осыпаны какими-либо дарами судьбы. Затѣмъ задай себѣ вопросъ: „Гдѣ все это теперь?“ Дымъ, прахъ и миѳъ, или даже не миѳъ. Подумай также и о всемъ томъ, чему примѣрами могутъ служить Фабій Катуллинъ въ своемъ помѣстьѣ, Люсій Лупъ въ своихъ садахъ, Стертиній въ Баяхъ, Тиверій на Капри, Велій Руфъ[4], и вообще о пристрастіи къ чему-либо, связанномъ съ самомнѣніемъ, о ничтожности всѣхъ предметовъ стремленій, и о томъ, насколько болѣе достойно философа проявлять на предоставленномъ ему матеріалѣ справедливость, благоразуміе и непритязательное послушаніе богамъ. Тщеславіе же отсутствіемъ тщеславія есть самый нестерпимый видъ тщеславія вообще (26).

Вопрошающимъ: „Гдѣ ты видѣлъ боговъ или откуда узналъ объ ихъ существованіи, что такъ ревностно почитаешь ихъ?“, отвѣчай: „Во-первыхъ, боги доступны и зрѣнію. Далѣе, души своей я тоже никогда не видалъ и однако же чту ее. Точно также и относительно боговъ: испытывая безпрестанно проявленія ихъ силы, я узналъ изъ этого о ихъ существованіи и преклоняюсь передъ ними“ (27).

Спасеніе жизни въ томъ, чтобы относительно каждой вещи

Digitized by Google

изслѣдовать, какова она сама по себѣ въ цѣломъ, что въ ней отъ начала матеріальнаго, что отъ причиннаго, всей душой отдаваться осуществленію справедливаго и говорить истину. Что же остается затѣмъ, какъ не наслаждаться жизнью, связывая одно доброе дѣло съ другимъ такъ, чтобы не оставалось даже кратчайшаго промежутка? (28).

Солнечный свѣтъ единъ, хотя и дробится стѣнами, горами и безчисленнымъ множествомъ другихъ предметовъ. Едина общая сущность, хотя она и раздроблена между безчисленнымъ множествомъ отдѣльныхъ и своеобразныхъ тѣлъ. Едина душа, хотя она и раздроблена между множествомъ существъ и особыхъ образованій. Едина разумная душа, хотя и кажется раздѣленной. Другія же сопринадлежащія части, какъ-то жизненныя силы (*πνεύματα*) и матеріальныя начала (*ὑποκείμενα*), безчувственны и чужды другъ другу; однако и ихъ сдерживаютъ въ единствѣ разумное начало и ихъ собственная косность. Разуму же свойственно особое тяготѣніе къ тому, что ему родственно, онъ сближается съ нимъ, и это стремленіе къ общенію не можетъ быть отдѣлено отъ него (29).

Чего ты добиваешься? Долгой жизни? Иначе говоря, ты желаешь получать ощущенія, стремиться, развиваться и итти вспять, пользоваться рѣчью, размышлять? Но что изъ всего этого кажется тебѣ достойнымъ желанія? Если же все презрѣнно, то перейди къ послѣднему: повиновенію разуму и богу. Но съ почитаніемъ ихъ несовмѣстима досада по поводу того, что смерть лишитъ насъ когда-нибудь всего указаннаго выше (30).

Какая частица безмѣрнаго и безпредѣльнаго времени удѣлена каждому изъ насъ? Еще немного—и она исчезнетъ въ вѣчности. А какая частица всей сущности? Какая — міровой души? На ка-

Digitized by Google

комъ клочкѣ земли мы пресмыкаемся? Раздумавъ надъ всѣмъ этимъ, не считай важнымъ ничего, кромѣ одного: дѣйствовать такъ, какъ предписываетъ твоя природа, и мириться со всѣмъ, что создастъ общая природа (31).

Какъ пользуется собой руководящее начало? Вѣдь въ этомъ—все. Остальное же—зависитъ оно отъ твоего выбора или не зависитъ—тлѣнъ и дымъ (32).

Ничто такъ не склоняетъ къ презрѣнію смерти, какъ мысль о томъ, что и тѣ, которые наслажденіе считали благомъ, а страданіе зломъ, также презирали смерть (33).

Человѣку, для котораго добро только то, что благовременно, для котораго все равно, совершить ли большее число дѣйствій, согласныхъ съ правымъ разумомъ, или меньше, и которому безразлично, созерцать ли міръ болѣе долгое или болѣе краткое время—такому человѣку и смерть не страшна (34).

„Человѣкъ, ты былъ гражданиномъ этого великаго Града. Не все ли тебѣ равно, пять лѣтъ или три года? Вѣдь повиновеніе законамъ равно для всѣхъ. Что же ужаснаго въ томъ, если изъ Града отсылаетъ тебя не тиранъ и не судья неправедный, а та самая природа, которая тебя въ немъ поселила? Такъ преторъ отпускаетъ со сцены принятаго имъ актера". — „Но вѣдь я же провелъ не пять дѣйствій, а только три". — „Вполнѣ правильно. Но въ жизни три дѣйствія—это вся пьеса. Ибо конецъ возвѣщается тѣмъ, кто былъ нѣкогда виновникомъ возникновенія жизни, а теперь является виновникомъ ея прекращенія. Ты же ни при чемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Уйди же изъ жизни, сохраняя благожелательность, какъ благожелателенъ и тотъ, кто отпускаетъ тебя" (35).

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ

ОБЪЯСНЕНІЕ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ

КНИГА ПЕРВАЯ.

1) Какъ въ нзстоящемъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ §§ первой книги, глагола („обязанъ"), выражающаго отношеніе между упоминаемыми добродѣтелями, лицами, о которыхъ говоритъ М. А., и имъ самимъ, не имѣется. Онъ замѣщенъ предлогомъ „παρα" (ab, отъ), начинающимъ каждый § и имѣющимъ различные оттѣнки, не поддающіеся передачѣ однимъ русскимъ предлогомъ. Можно только указать, что смыслъ всей книги не въ выставленіи на показъ собственныхъ добродѣтелей, а въ воздаяніи должнаго благотворному вліянію окружающихъ. — М. Аннй Веръ—дѣдъ М. А. съ материнской стороны, римскій сенаторъ, дважды бывшій консуломъ.

2) Отецъ М. А., П. Аннй Веръ. преторъ, умеръ въ молодыхъ годахъ. Его сестра Фаустина была женой Антонина Пія.

3) Домиція Люцилла, дочь Кальзизія Тулла.

4) Прадѣдъ М. А. съ материнской стороны Катилій Северъ былъ дважды консуломъ.

5) Нѣкоторые издатели, ссылаясь на свидѣтельство Капитолина („frequentavit declamatorum scholas publicas"), уничтожаютъ отрицательную частицу. Однако его слова правильнѣе было бы отнести къ зрѣлому возрасту императора.

6) Кого имѣетъ здѣсь въ виду М. А., въ точности неизвѣстно — быть можетъ стоика Аполлонія Халкидонскаго.

7) Зеленые и Голубые—партіи на конскихъ ристалищахъ, получившія свое названіе по цвѣтамъ наѣздниковъ.—Обычную пару гладіаторовъ составляли murmillo, вооруженный на галльскій ладъ, т.-е. шлемомъ, большимъ продолговатымъ щитомъ (scutum) и мечомъ, и threx, вооруженный по-ѳракійски, небольшимъ круглымъ щитомъ (parma) и короткимъ кривымъ мечомъ (sica).

8) О Діогнетѣ упоминаетъ Капитолинъ въ своемъ „Жизнеописаніи М. А.", какъ о спеціалистѣ въ живописи (III).

9) Разведеніе и бой перепеловъ—модный въ то время спортъ.

10) Въ текстѣ собственно другія имена: Бакхій, Тандасидъ и Марціанъ.

Digitized by Google

Но такъ какъ эти имена совершенно неизвѣстны, то Gatak. и Casaub. предлагаютъ замѣнить ихъ именами преподавателей, о которыхъ упоминаетъ Капитолинъ (III). Евтихій преподавалъ грамматику, Андронъ — геометрію, Меціанъ—право.

11) По свидѣтельству Капитолина, М. А. уже съ двѣнадцати лѣтъ велъ почти аскетическій образъ жизни, рекомендуемый стоическимъ ученіемъ (Ἑλληνικὴ ἀγωγή, греческій образъ жизни).

12) Юлій Рустикъ, философъ-стоикъ, наставникъ и другъ М. А., пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора.

13) Стола—длинная туника съ рукавами—собственно часть туалета римской матроны, иногда носилась и мужчинами.

14) Синуесса—городъ въ Лаціумѣ на границѣ Кампаніи.

15) Эпиктетъ самъ ничего не писалъ, и всѣми нашими свѣдѣніями о его ученіи мы обязаны его ученику Арріану.

16) Стоикъ Аполлоній Халкедонскій былъ приглашенъ Антониномъ Піемъ изъ Аѳинъ, чтобы взять на себя воспитаніе М. А.

17) Секстъ изъ Херонеи, стоикъ, внукъ Плутарха.

18) Мы читаемъ согласно Gat.: τῶν ἀθεωρήτως οἰομένων.

19) Александръ грамматикъ, родомъ изъ Фригіи, преподавалъ М. А. греческій языкъ (Capit. III). Изъ его трудовъ извѣстенъ комментарій къ поэмамъ Гомера.

20) Корнелій Фронтонъ, знаменитый риторъ, основатель школы фронтіанцевъ, одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ М. А. людей. Въ его сочиненіяхъ сохранилось и нѣсколько посланій къ нему М. А.

21) Согласно Филострату, этотъ Александръ исполнялъ обязанности секретаря М. А.

22) Цинна Катулъ, стоическій философъ, о которомъ упоминаетъ Капитолинъ (III).

23) Имена совершенно неизвѣстныя.

24) Кого имѣетъ здѣсь въ виду М. А., говоря о „братѣ Северѣ"— сказать очень трудно. Родныхъ братьевъ у него совсѣмъ не было, его братъ по усыновленію носилъ имя не Севера, а Вера, и былъ менѣе всего достоинъ такой лестной аттестаціи. Gatak. предлагаетъ читать φιλον вмѣсто ἀδελφον и думаетъ, что М. А. говоритъ о Клавдіи Северѣ перипатетикѣ, своемъ учителѣ.

25) Thrasea Paetus и Helvidius Priscus извѣстны изъ Тацита (Annal. XIII, XVI, 21): ихъ республиканскій образъ мыслей и стоическая твердость убѣжденій навлекли на нихъ гнѣвъ Нерона. Первый былъ казненъ (онъ открылъ себѣ жилы), второй—изгнанъ.—Катонъ утическій (именно его имѣетъ здѣсь въ виду М. А.) и М. Брутъ достаточно извѣстны.—Діонъ, другъ Платона, послѣ изгнанія (336 г. до Р. Хр.) изъ Сиракузъ, жилъ въ Греціи, гдѣ вращался въ кругу философовъ.

Digitized by Google

26) Клавдій Максимъ, стоическій философъ, упоминается Капитолиномъ (III). Нравственная доблесть его характера снискала ему уваженіе Антонина Пія.

27) М. А. имѣетъ въ виду своего усыновителя, императора Антонина Пія.

28) Текстъ основательно испорченъ. Мы передаемъ это мѣсто согласно толкованію Gatak. и Salmas.—Лоріумъ—небольшой городокъ на границѣ Этруріи и Лаціума, любимая резиденція Антонина Пія. Ланувіумъ и Тускуланъ—города въ Лаціумѣ.

29) См. „Воспоминанія" Ксенофонта, I. 3.

30) См. прим. 24. По свидѣтельству Капитолина, братъ М. А. по усыновленію Люцій Веръ, несмотря на всю свою порочность, относился къ нему съ любовью и уваженіемъ.

31) Имена неизвѣстны.

32) Фаустина, дочь Антонина Пія, по единогласному свидѣтельству болѣе безпристрастныхъ историковъ, образецъ распутства и порока. „Poterat dici felix, si uxorem Faustinam et filium Commodum non habuisset" (Petrarcha).

33) Текстъ испорченъ. Мы слѣдуемъ чтенію Gatak.—Каэта—городъ и гавань въ Кампаніи.

34) Страна Квадовъ занимала часть современной Венгріи. Грануя (Гранъ)—притокъ Дуная.

КНИГА ВТОРАЯ.

1) *Πνευματιον*, уменьшительное отъ *πνευμα*, одного изъ основоположныхъ и въ то же время многозначныхъ терминовъ стоической натурфилософіи. Его первоначальное значеніе — теплый воздухъ, воздушное теченіе, „токъ" (какъ предлагаетъ кн. С. Н. Трубецкой, „Ученіе о Логосѣ etc." стр. 42), но въ различныхъ сочетаніяхъ онъ обозначаетъ огонь, эфиръ, душу, разумъ, божество.

2) Эту фразу Stich считаетъ не принадлежащей къ контексту вставкой (aliunde huc irrepsisse).

3) Мы принимаемъ поправку Gatak.: *Μη περισπατω σε.*

4) М. А. говоритъ объ обычной точкѣ зрѣнія, такъ какъ съ точки зрѣнія стоиковъ всѣ проступки одинаково тяжки.

5) Мы принимаемъ чтеніе Gatak.: *πως ἐχη ὁταν διιχηται.*

6) Слова Пиндара, приводимыя Платономъ въ „Θеатетѣ" (173, E.).

7) О Монимѣ изъ Сиракузъ, ученикѣ Діогена и Кратеса, см. Diog. Laert. l. 6. По свидѣтельству Діогена, подъ шутливой формой его изреченія скрывались серьезныя и значительныя мысли.

8) Городъ въ Панноніи, мѣсто зимовки во время войны съ Маркоманами.

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1) Diog. Laert. l. 9.

2) По свидѣтельству Diogen. Laert., Демокритъ умеръ отъ дряхлости (l. 9), по словамъ Лукреція Кара, онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, почувствовавъ приближеніе старческаго слабоумія.

3) *Συνεμφερεται τε και συνεμφερει*—игра словъ, неподдающаяся передачѣ. Вообще можно согласиться съ Gatak., замѣчающимъ по поводу этого мѣста: Locus obscurus, eoque magis, quod vocabula ista nusquam alibi deprendisse meminerim.

4) По нашему мнѣнію, М. А. имѣетъ здѣсь въ виду особенность римскаго процесса. Если преторъ не находилъ возможнымъ исчерпать дѣло въ одно засѣданіе, онъ отпускалъ отвѣтчика, взявъ съ него обѣщаніе (vadimonium) явиться на слѣдующее. Исполненіе этого обѣщанія могло быть, въ случаѣ нужды, обезпечено или поручительствомъ (cum satisdatione), или же торжественной клятвой (iusiurandum, *ὁρκος*). Gai Inst. IV, 184, 185.

5) Мы принимаемъ чтеніе Bach.: *Ἐνθεν το φαιδρον.*

6) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ §§ 9—11 читаются, какъ одно цѣлое.

7) Признавая за единственное благо добродѣтель, за единственное зло порокъ, стоики, однако, считали возможнымъ допускать нѣкоторый аналогонъ нравственной оцѣнки и для вещей, не подходящихъ подъ эти понятія, по ихъ терминологіи „среднихъ“ (*μεσα, ἀδιαφορα*, media), различая и среди нихъ предпочтительное (*προηγμενα*). Ср. Sen. ep. 74, Cicero, de finib. lib. 3. „Est et horum, quae media appelamus, grande discrimen“ (Sen. ep. 82).

8) Gatak. указываетъ, что слово „*ἀνδρογυνος*“ употребляется не только въ смыслѣ физическаго гермафродитизма, но и въ смыслѣ нравственнаго ничтожества (mollis, effoeminatus, cinaedus).

9) Фаларисъ — тиранъ Агригентскій 565—549 г. Одинъ изъ первыхъ тирановъ, сдѣлавшихъ это слово синонимомъ жестокости и безчеловѣчности.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1) См. Seneca, de benef. lib. 4, c. 34: Sapiens ad omnia cum exceptione veniet, si nihil inciderit, quod impediet.

2) Мы принимаемъ чтеніе Gatak.: *Ἠναγκασται ἑνεκα του συμφεροντος ἡ φυσις ταυτα ποιειν.*

3) О понятіяхъ *λογος σπερματικος, λογοι σπερματικοι* см. Barth, Stoa ss. 47 f. „Всемірный Логосъ есть сѣмя міра, онъ заключаетъ въ себѣ всѣ частные логосы — сѣмена всѣхъ вещей. Эти „сперматическіе логосы“

Digitized by Google

исходятъ изъ него и возвращаются къ нему, и черезъ ихъ посредство онъ зиждетъ и образуетъ все". (Кн. С. Н. Трубецкой, op. c. 45.)

4) Текстъ основательно испорченъ. Мы принимаемъ чтеніе Xyland. и Gatak.—Агатонъ—извѣстный трагическій поэтъ конца V-го в., о которомъ не разъ упоминаетъ Аристотель въ своей „Поэтикѣ".

5) Мы читаемъ съ Nauck.: *μεμνημενων.*

6) Мы читаемъ согласно Sch. I: *παρες οὐν νυν ευκαιρος την φυσητικην δοσιν, ἀλλου τινος ἐχομενην.*

7) Изъ комедіи Аристофана: „Селяне". Кекропсъ—легендарный основатель Аѳинъ.

8) Изреченіе принадлежитъ Демокриту, какъ свидѣтельствуютъ Seneca (De tranquil. c. 12) и Стобей.

9) Согласно Rend.: *ἡ κυκεων συμπεφυρμενος; ἀλλα μην κυσμος κτε.*

10) М. А. имѣетъ въ виду циниковъ и, быть можетъ, основателя стоической школы Клеанта, жившаго въ крайней бѣдности.

11) Какого именно Цезона имѣетъ здѣсь въ виду М. А. — сказать трудно; о Фабіи Цезонѣ упоминается Liv. l. 2., о Квинтѣ Цезонѣ ibid. l. 3. — Кто такой Волезъ — неизвѣстно; едва ли тотъ самый, о неимовѣрной жестокости котораго разсказываетъ Сенека (de ira, l. 2, c. 25).—Леоннатъ—другъ и соратникъ Александра Македонскаго.

12) „*Ἀιστος ἀπυστος*". См. Одиссея, I. 242.

13) Одна изъ трехъ Паркъ—богинь судьбы.

14) Мы читаемъ согласно Gat.: *τας φροντιδας.*

15) Намекъ на какую-нибудь басню или пословицу, а, можетъ быть и на недошедшее до насъ изреченіе Гераклита, предпочитавшаго языкъ образовъ языку понятій.

16) Чтеніе Gatak.: *ὁτι οὐ δει ὡσπερ παιδας τουτεστι κατα ψιλον καθοτι των τοκεων παρελιηγαμεν.*

17) Городъ въ Ахайѣ, затопленный моремъ въ 373 г. до Р. Хр.

Ovid. Met. XV, 293 Si quaeras Helicen et Burin, Achaidas urbes,
Invenies sub aquis.

18) Имена неизвѣстны.

КНИГА ПЯТАЯ.

1) Слова: „*και το ἰδια εἰς ἑκαστον ἠκον*" являются вставкой, только затемняющей смыслъ.

2) М. А. здѣсь лишь намекаетъ на стихъ Менандра, а въ концѣ § и приводитъ его въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

3) М. А. имѣетъ въ виду ученіе Гераклита и стоиковъ о періодиче-

Digitized by Google

скомъ поглощеніи міра (міровой пожаръ) единой сущностью и обратномъ его выдѣленіи. См. X, 7.

4) Слова: „*Ἢ τοιουτων ἑτερων*“ являются ненужной вставкой.

5) См. прим. 7, кн. III и прим. 1, кн. IV.

6) „*Ἀλλα δειχτεον τι το χτε*“.—чтеніе Gatak.

7) Какъ указываетъ Gatak., М. А. намекаетъ на пословицу, согласно которой три вещи гонятъ человѣка изъ дома: дымъ, протекающая крыша и сварливая жена (fumus, stillicidium, uxor rixosa),

8) Одиссея, IV, 690.

9) Гезіодъ, Дѣла и дни, 195.

10) Мы читаемъ: *Κακον γαρ οὐδεν.*

11) М. А. имѣетъ въ виду какую-нибудь басню, до насъ недошедшую. Текстъ испорченъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

1) Исторія древней философіи знаетъ двухъ Кратесовъ: первый родомъ изъ Аѳинъ, второй—Ѳиванецъ. Здѣсь, по всей вѣроятности, имѣется въ виду послѣдній—циникъ.—Ксенократъ, ученикъ Платона, около четверти вѣка стоявшій во главѣ академіи, былъ извѣстенъ строгостью своихъ нравовъ и доблестью характера. Что именно говорилъ о немъ Кратесъ—неизвѣстно. Какъ явствуетъ изъ настоящаго мѣста, его отзывъ сводился къ упреку въ тщеславіи—въ свое время въ этомъ же упрекалъ Діогенъ Платона.

2) Словами „мертвой или растительной природы“ мы передаемъ спеціальные термины стоической натурфилософіи, *ἑξις* и *φυσις*, означающіе двѣ первыя ступени проявленія единаго мірового начала. Слѣдующими являются *ψυχη* (душа) и *νους* (*λογος*, духъ, разумъ).

3) Хризиппъ—ученикъ Клеанта и продолжатель его дѣла, одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей древности, систематикъ стоицизма. О немъ было сказано: „Если бы не было Хризиппа, то не было бы и Стои“. Плутархъ въ сочиненіи „De commun. notit. adv. stoicos.“, XIII, приводитъ то его изреченіе, которое имѣетъ здѣсь въ виду М. А. Людскіе пороки Хризиппъ уподобляетъ нескладнымъ стихамъ, попадающимся иногда въ комедіяхъ; не имѣя цѣны сами по себѣ, они однако содѣйствуютъ общему впечатлѣнію, производимому пьесой.

4) Филистіонъ—комическій поэтъ, современникъ Сократа; то же имя носилъ и врачъ, родомъ изъ Локръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, авторъ извѣстнаго въ древности трактата о діетѣ.—Кто такіе Фебъ и Ориганіонъ—неизвѣстно.—Евдоксъ—математикъ, астрологъ, врачъ и философъ, ученикъ Платона (о немъ смотри Diog. Laert. l. 8). Его ученіе, въ которомъ онъ

Digitized by Google

дѣлаетъ попытку сблизить платонову теорію идей съ теоріей чиселъ. излагается Аристотелемъ въ XII-й кн. Метафизики.—Гиппархъ—извѣстный математикъ, котораго Плиній именуетъ „particeps consiliorum naturae".—Менипп̀ъ—циническій философъ. Его сатиры (отъ которыхъ до насъ не дошло ни одного отрывка) пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ.

5) Мы читаемъ, слѣдуя Gatak., *κ'αν ἐφ'οις προηχθης, ταυτα μη γιγνεται.*

КНИГА СЕДЬМАЯ.

1) Мы читаемъ, слѣдуя Cas.: *μη ορθουμενος.*

2) Мы читаемъ (по Salm.): *οὐκ ἀγει εἰς ἀθυμιαν.*

3) Чтеніе Cor.: *ὁταν δε πολλακις γιγνηται, ἐναποθνησκει το προσχημα και το τελευταιον ἀπεσβεσθη.*

4) Поэтъ, которому принадлежитъ приводимое М. А. изреченіе—намъ неизвѣстенъ.—Въ дальнѣйшемъ мы читаемъ по Cas.: *Τι δαι εἰ μονα τα στοιχεια;*—Конецъ §: „*Ἤδη λιαν ολιγα*" является, повидимому, посторонней вставкой; по крайней мѣрѣ, всѣ попытки придать этимъ словамъ какой-нибудь разумный смыслъ представляются намъ безуспѣшными.

5) Plat. Respub. VI, 486.

6) Еврипидъ, „Беллерофонтъ". Пер. В. Иванова.

7) Неизвѣстнаго автора. Пер. В. Иванова.

8) Еврипидъ, „Гипсипила". Пер. В. Иванова.

9) Неизвѣстнаго автора. Пер. В. Иванова.

10) Аристофанъ, „Ахарняне", 661. Пер. В. Иванова.

11) Настоящій и предыдущій §§ заимствованы изъ „Апологіи" Платона, с. 16.

12) Plato, „Gorgias", с. 68.

13) Въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Платона этого отрывка нѣтъ.

14) Еврипидъ, „Хризипп̀ъ". Пер. В. Иванова.

15) Еврипидъ, „Просительницы". Пер. В. Иванова.

16) Неизвѣстнаго автора. Пер. В. Иванова.

17) Мы читаемъ согласно Gat.: *ἐπ' ἀμφοτερων, ὁτι ἀδιαφορον.*

18) Слова Платона, цитируемыя Епиктетомъ (Dissert. I, 28 и II, 22).

19) Мы принимаемъ поправку Cas.: *καθο λογικη.*

20) Философъ Телаугъ, по преданію, сынъ Пиѳагора и учитель Empедокла; его именемъ названъ одинъ изъ недошедшихъ до насъ діалоговъ Есхила.

21) Этотъ эпизодъ извѣстенъ изъ платоновой „Апологіи". Сократъ, съ опасностью для своей жизни, отказался исполнить незаконное требованіе

Digitized by Google

тридцати тирановъ о задержаніи богатаго гражданина, котораго они собирались казнить.

22) Намекъ на извѣстное мѣсто изъ „Облаковъ" Аристофана: „*Ὅτι βρεντυει τ᾽εν ταις ὁδοις και τω οφθαλμω παραβαλλει*" (Nub. 362).

23) Stich считаетъ послѣднюю фразу посторонней вставкой.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

1) Мы принимаемъ перемѣщеніе словъ, предложенное Gatak.

2) Люцилла, дочь М. А., супруга Вера.—О Максимѣ см. l. I, 15.—Фаустина, супруга Антонина Пія.—Каниній Целеръ, риторъ, учитель М. А.—Евдемонъ—знаменитый астрологъ.—Деметрій Фалернскій (по всей вѣроятности, именно его имѣетъ здѣсь въ виду М. А.), ученикъ Теофраста и Менандра, плодовитый писатель, отъ многочисленныхъ трудовъ котораго по исторіи, философіи, грамматикѣ до насъ дошли только названія. О немъ см. Cic., de leg. 3, 4.

3) Арей, философъ, другъ Августа.

4) Мы читаемъ: „*Εἰς εκαστον των λογικων ἐσκεδασεν ἡ των ὁλων φυσις*".

5) Первые двое—вольноотпущенники Вера, вторые—Адріана.

6) Текстъ испорченъ. Мы принимаемъ чтеніе Gatak.: *κρινων, φησι, ἐν σοφωτατοις*. Salm. предлагаетъ читать: *Κριτων φησι σοφωτατος*, что, конечно, устраняетъ всѣ грамматическія недоумѣнія, но зато вызываетъ вопросъ, кто же этотъ мудрѣйшій Критонъ, котораго цитируетъ М. А.? Поэтому въ дальнѣйшемъ было предложено читать уже не *Κριτων*, а *Ζηνων*.

7) Намекъ на (приведенный въ XII, 3) стихъ Емпедокла, для котораго понятіе шара (*σφαιρος*, сфера) есть исходный пунктъ натурфилософіи и завершительное понятіе этики. См. также Horat. Sat. 7, l. II.

8) Примѣръ той этимологіи дурного вкуса, которая, съ легкой руки Хризиппа, стала больнымъ мѣстомъ стоическихъ писаній.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

1) Эта фраза доставила немало хлопотъ комментаторамъ. Дѣло въ томъ, что при обычномъ словоупотребленіи между глаголами *εἰναι* и *ὑπαρχειν* (въ смыслѣ „быть") трудно уловить какое-либо различіе, и если М. А. хотѣлъ только сказать, что „все сущее находится въ связи между собою", то странно, почему онъ не воспользовался болѣе простымъ оборотомъ, „*προς ἀλληλα*". Мы передаемъ это мѣсто, относя „*ὀντα*" къ вѣчно сущему, а „*ὑπαρχοντα*" къ возникающимъ и исчезающимъ явленіямъ.

Digitized by Google

2) Мы читаемъ со Stich'омъ: *Και ὅλον θανατος.*

3) *Νεκυια*, собственно, жертва, приносимая умершимъ, чтобы вызвать ихъ изъ подземнаго царства. М. А., по всей вѣроятности, имѣетъ здѣсь въ виду одиннадцатую книгу Одиссеи, носящую это заглавіе и повѣствующую о сошествіи героя поэмы въ Гадесъ, царство тѣней.

4) Мы читаемъ согласно Reis. *Ἡ των ὁλων οὐσια.*

5) Мы читаемъ: *ὀψωμαι.*

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

1) Мы читаемъ *ἐκεινο*, относя это мѣстоименіе къ словамъ *τουτο οὐν ὁ ἐλαβε.*

2) Мы принимаемъ поправку Cor., читая *μισος* вмѣсто *μιμος.*

3) Слѣдуя Scaf., мы вставляемъ слово *κακιστον.*

4) По объясненію Dac., возвышенности особенно цѣнились древними въ качествѣ мѣстъ для поселенія.

5) Gatak. читаетъ *ἐν ὁποιοις.*

6) Отрывки стиховъ Еврипида, приводимые и Аристотелемъ въ „Этикѣ Никомаха" (l. 8).

7) М. А., по принятой у стоиковъ манерѣ, ищетъ сокровеннаго смысла въ образахъ обыденной рѣчи. Ему, именно, хочется видѣть въ общеупотребительномъ выраженіи *φιλει γινεσθαι* (solet fieri) подтвержденіе своей мысли о всепроникающей вселенской любви.

8) См. Thaeet. 174 Д. Е. Платонъ говоритъ, что благополучіе тирана или царя мало чѣмъ отличается отъ благополучія невѣжественнаго пастуха. Stich считаетъ ссылку на Платона позднѣйшей вставкой.

9) Большинство именъ неизвѣстны. О Евфратѣ упоминаютъ Эпиктетъ и Плиній.—Алкифронъ—греческій софистъ III вѣка, Критонъ—другъ и ученикъ Сократа. О Северѣ упоминалось въ 1-ой книгѣ.

10) Иліада, VI, 147—9, пер. Минскаго.

11) Ibidem.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

1) Софоклъ, Эдипъ-царь, 1391.

2) Текстъ испорченъ. Особенно загадочно слово *ὁμοδογματειν* въ примѣненіи къ растеніямъ.

3) Фокіонъ — знаменитый аѳинскій полководецъ и государственный дѣятель, извѣстный своей неподкупной честностью (*χρηστος* — было его прозвище) и благородствомъ. См. его жизнеописаніе у Плутарха.

Digitized by Google

4) Мы принимаемъ поправку Cor. *ὁλως ἐχει.*

5) Чтеніе Nauck.: *Ποθεν ἐληλυθεν ἑκαστον των ὑποκειμενων.*

6) Русская пословица довольно точно передаетъ смыслъ фразы: *Πολλα γαρ και κατ'οἰκονομιαν γινεται.*

7) Поправка Reisk.: *καταληκτικως.*

8) Ср. діалоги „Критонъ" и „Федонъ". Ламіи—существа аналогичныя нашимъ василискамъ.

9) Ср. Арист. „Реторика" II, XXIII. Сенека (De benef, l. 5, c. 6) этотъ же эпизодъ связываетъ съ именемъ Архелая, приглашавшаго Сократа къ себѣ въ Македонію.

10) Ефесцы—ученики Гераклита. Gatak. предлагаетъ читать „Епикурейцевъ" или „Епикура", опираясь на Seneca, epist. II.

11) Объ этомъ эпизодѣ ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ.

12) Авторъ неизвѣстенъ (переводъ Вяч. Иванова).

13) Одиссея, IX, 413.

14) Неточная цитата изъ Гезіода, Дѣла и дни, v. 184 (переводъ Вяч. Иванова).

15) Epict., Dissert. l. 3, c. 24.

16) Ibid.

17) Ibid. c. 22.

18) Epict., Enchirid. 7.

19) Epict., Disset. I, 22, 28.

20) Источникъ цитаты неизвѣстенъ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1) Diels, Fragmente, p. 193. Въ текстѣ фрагментъ приведенъ неточно.

2) Слова *Το ἑξης* etc. мы относимъ къ концу настоящаго, а не къ началу слѣдующаго §.

3) Въ послѣднихъ трехъ строкахъ пять разъ встрѣчается глаголъ *φερω*, и смыслъ ихъ основанъ на различныхъ его оттѣнкахъ, съ трудомъ поддающихся передачѣ.

4) Ф. Катуллинъ,— консулъ при Адріанѣ.—Стертиній—военачальникъ Тиверія. Остальные, кромѣ Тиверія, неизвѣстны.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЕ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

1—4. Если судить по количеству дошедшихъ до насъ изображеній, то изъ всѣхъ императоровъ наибольшую память о себѣ въ римскомъ обществѣ оставилъ М. Аврелій. Его статуй и бюстовъ, не возбуждающихъ никакихъ сомнѣній, сохранилось около ста (не считая барельефовъ). Было же ихъ, если вѣрить Капитолину, несравненно больше. По его словамъ, даже въ его время (т. е. въ началѣ IV вѣка) во многихъ домахъ статуи М. А. помѣщались среди пенатовъ, въ болѣе же раннюю эпоху отсутствіе въ домѣ изображенія М. А. было равносильно открытому поруганію религіи (M. Anton. 4). Свидѣтельство Капитолина тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что, какъ извѣстно, культъ личности М. А. далеко выходилъ за предѣлы официальной апоѳеозы.

Сохранившіяся статуи и бюсты довольно рѣзко (почти безъ промежуточныхъ ступеней) распадаются на два типа—М. А. въ юности (3, 4) и въ зрѣломъ возрастѣ (1, 2). Въ этомъ отношеніи они невыгодно отличаются отъ изображеній на монетахъ, по которымъ можно прослѣдить почти всю жизнь императора, такъ какъ впервые его изображеніе появляется на монетахъ 139 г. (вскорѣ послѣ его усыновленія Ант. Піемъ), когда ему было, слѣдовательно, всего 18 лѣтъ, а затѣмъ воспроизводится ежегодно при каждомъ новомъ выпускѣ.

Что касается статуй и бюстовъ, относящихся къ юношескому возрасту, то, сохраняя характерныя черты императора (почти закрывающіе низкій лобъ курчавые волосы, глаза на выкатѣ и т. д.), онѣ отмѣчены печатью истинной красоты. Это дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ (Guattani, Monum. Rom. p. XXI) сдѣлать предположеніе о намѣренномъ приближеніи къ идеальному типу Гермеса. Однако такое предположеніе, какъ вѣрно указалъ Бернулли, плохо вяжется съ реалистическимъ духомъ римскаго искусства въ этой области. Многочисленность изображеній этой группы можетъ показаться странной, если принять во вниманіе, что М. А. вступилъ на престолъ уже будучи зрѣлымъ мужемъ (40 л.). Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ былъ усыновленъ (т. е. объявленъ наслѣдникомъ) уже 17 л. отъ роду, и именно къ этому моменту нужно отнести его наиболѣе раннія изображенія.

Digitized by Google

Статуи и бюсты зрѣлаго возраста даютъ именно тотъ образъ императора, который можно было бы нарисовать себѣ, читая его твореніе и его характеристику у другихъ писателей. Fuit a prima infantia gravis, говоритъ о немъ Капитолинъ. И, именно, серьезностью, благожелательностью и простотой дышетъ каждая черта его царственнаго облика. Подробности см. Bernoulli, Die Bildnisse der Römisch. Kaiser etc., vol. II, ss. 162—187.

5. Несомнѣнно произведеніе большого художественнаго значенія. По мнѣнію Furtwängler'a и Ulrichs'a памятникъ не уступаетъ ни одной изъ существующихъ конныхъ статуй. Первоначально онъ украшалъ собой Латеранскую площадь и на настоящее свое мѣсто былъ перенесенъ въ 1538 г. папой Павломъ III по совѣту Микель-Анжело, которому, по традиціонному мнѣнію, принадлежитъ и пьедесталъ. Императоръ изображенъ съ простертой правой рукой—дарующимъ пощаду побѣжденнымъ варварамъ. Путеводитель по Риму, относящійся къ XII вѣку и извѣстный подъ именемъ „Mirabilia", упоминаетъ о несохранившейся для насъ детали памятника: подъ поднятой правой ногой коня помѣщалась небольшая фигура побѣжденнаго вождя,—что вполнѣ въ духѣ искусства императорскаго періода. Фигура коня, нѣсколько портящаго общее впечатлѣніе тяжеловѣсностью своихъ контуровъ, является, по догадкѣ Бурхардта, портретнымъ воспроизведеніемъ боевого коня императора.

6. Изъ двухъ сохранившихся въ Римѣ колоннъ этого типа—колонны М. А., изображенной на рисункѣ, и колонны Траяна, увѣковѣчивающей побѣды этого императора надъ дакійцами—приходится отдать преимущество послѣдней и по количеству, и по техникѣ, и по сохранности барельефовъ, опоясывающихъ колонны длинной, спиралью идущей, лентой. Барельефы нашей колонны посвящены различнымъ эпизодамъ войны съ маркоманами и охватываютъ періодъ отъ 174 г., къ каковому году относится первый барельефъ, до 175 г., въ которомъ имѣло мѣсто временное прекращеніе военныхъ дѣйствій. Бурхардтъ указываетъ на то, что самую мысль иллюстрировать рядъ событій барельефами на колоннѣ слѣдуетъ признать въ высокой степени неудачной (трудность обозрѣнія) но не отрицаетъ нѣкоторыхъ достоинствъ выполненія. Статуя ап. Петра, стоящая на верху колонны, помѣщена тамъ папой Сикстомъ V.

7. 8. Изъ примѣрныхъ барельефовъ колонны М. А., воспроизведенныхъ на этихъ рисункахъ, поясненія требуютъ, главнымъ образомъ, два барельефа подъ № 8. Изъ нихъ первый, являясь дѣйствительно первымъ въ ряду барельефовъ колонны М. А., изображаетъ событіе, имѣвшее мѣсто въ 174 г. и извѣстное намъ по разсказу Д, Кассія (71, 8 сл.). Это такъ называемый „чудесный дождь". Къ тому, что было сказано объ этомъ эпизодѣ въ вступительной статьѣ (ст. XXIX), можно только прибавить, что типомъ для божественнаго лика въ облакахъ является изображеніе

Digitized by Google

Нота, бога вѣтра, какъ оно дано у Овидія (Met. I, 268 сл.): Barba gravis uimbis, canis fIuit unda capillis etc. Нижняя часть барельефа изображаетъ тонущихъ лошадей и мертвыхъ варваровъ—слѣва спасенные римляне.

Второй барельефъ воспроизводитъ казнь возмутившихся германскихъ вождей (шестеро, со связанными за спиной руками). Двое уже казнены, четверо ждутъ своей очереди. Исполнителями казни являются также германцы, по всей вѣроятности, вожди, оставшіеся вѣрными римлянамъ. На заднемъ планѣ римскіе всадники, окружившіе мѣсто казни.

9—11. Три барельефа съ памятника въ честь М. А. Первоначально хранились въ церкви св. Март. и были перенесены въ Капитолій въ 1515 г. Въ первомъ барельефѣ интересно отмѣтить разительное сходство фигуры императора съ конной статуей на Капилійской площади. Въ третьемъ ближе всѣхъ къ императору юноша—помощникъ (camillus) съ кадильницей въ рукахъ (acerra). За нимъ Flamen Dialis (жрецъ Юпитера), котораго можно узнать по присвоенному этому званію головному убору (apex).

12. Барельефъ подвергался неоднократнымъ и радикальнымъ реставраціямъ (такъ, несомнѣнно, новѣйшаго происхожденія обѣ руки и нижняя часть ногъ императора, голова женской фигуры, стоящей около его кресла). Императоръ, возсѣдающій на курульномъ креслѣ, по мнѣнію Helbig'a, не М. А., а Антонинъ Пій; ближайшая къ нему женская фигура, по его же предположенію, должна изображать богиню Изобилія или Счастья (кадуцей въ ея рукахъ при реставраціи замѣнилъ прежній рогъ изобилія). Слѣдующая женская фигура, своими мужественными очертаніями напоминающая амазонку, есть или богиня Рома, олицетвореніе царственнаго града, или же богиня Виртусъ, олицетвореніе мужской доблести.

13. 14. Эти два барельефа украшали тріумфальную арку (португальскую), близъ церкви св. Лоренца, и попали въ Консерваторскій дворецъ только въ 1662 г. И тотъ, и другой во многомъ измѣнены позднѣйшими реставраціями. На первомъ изображено вознесеніе императрицы, подымающейся изъ пламени погребальнаго костра къ небу на крыльяхъ богини Вѣчности. Фигура юноши противъ императора, привѣтствующаго новое божество, есть олицетвореніе Campus Martius, мѣста, гдѣ сжигались тѣла членовъ императорской фамиліи. Въ вопросѣ, чей именно апоѳеозъ изображенъ на нашемъ барельефѣ, мнѣнія критиковъ рѣзко расходятся. Бурхардтъ категорически утверждаетъ, что императрица барельефа—это или старшая Фаустина (супруга Антонина Пія), или же младшая (дочь предыдущей, супруга М. А.). Гельвигъ же, исходя изъ того, что голова императрицы несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія и не даетъ, поэтому, никакихъ указаній къ рѣшенію вопроса, обращаетъ вниманіе на фигуру императора, отождествляетъ ее (по сходству) съ Адріаномъ (вопреки традиціонному мнѣнію, отождествлявшему ее съ Антониномъ

Digitized by Google

Піемъ или М. А.) и заключаетъ отсюда, что императрица эта или Плотина, супруга Траяна, пріемная мать Адріана, или же Сабина, супруга самого Адріана.

Во второмъ барельефѣ обыкновенно видятъ изображеніе М. А., объявляющаго указъ объ апоѳеозѣ Ант. Пія, основывая такое мнѣніе на сходствѣ храма на заднемъ планѣ барельефа съ храмомъ (сохранившимся на Форумѣ), посвященнымъ Ант. Піемъ своей почившей супругѣ Фаустинѣ, а его преемникомъ ему самому. Однако, Гельвигъ считаетъ это основаніе недостаточнымъ и, разсматривая этотъ и предыдущій барельефы, какъ одно цѣлое, отказывается и здѣсь видѣть кого-либо, кромѣ Адріана. Народъ, къ которому обращается императоръ, представленъ тремя фигурами: мальчика, одѣтаго въ тунику и тогу, юноши, идеальными очертаніями своего лица и фигуры напоминающаго олицетвореніе Campus Martius на первомъ барельефѣ, и зрѣлаго мужа.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ переводчика	V
Вступительный очеркъ С. Котяяревскаго	IX
Книга первая	3
„ вторая	15
„ третья	25
„ четвертая	37
„ пятая	55
„ шестая	71
„ седьмая	89
„ восьмая	107
„ девятая	125
„ десятая	141
„ одиннадцатая	157
„ двѣнадцатая	171
Примѣчанія	185
Объясненіе иллюстрацій	195

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

89097907661

B89097907661A

Digitized by Google

Digitized by Google

89097907661

b89097907661a

Digitized by Google